

Владимир
Мельниченко

Расстреляна в Одессе...

70 лет в документах
Гос. арх. фонда СССР /
М. : Известия, 1988. — 2
60 к., 26000 экз.

I. Сырокомский, Виталий А
хивный фонд СССР. — —
и материалы.

№ 900
4 № 32 № 233 [88-82337] п в
НПО ВКП 09.01.89 С30

Владимир
Мельниченко

Расстреляна в Одессе...

Научно-художественная книга о Жанне Лябурб

КИЕВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЛКСМУ «МОЛОДЬ». 1988

ББК 63.3(2)712.8
М 48

«У французского народа было две легендарные Жанны: Жанна д'Арк и Жанна Лябурб». Так в свое время говорил о славной дочери французского народа, революционерке-интернационалистке Жанне Лябурб Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез.

Образ Жанны Лябурб, бессмертным подвигом которой гордится и советский народ,— в центре научно-художественного повествования доктора исторических наук В. Е. Мельниченко. На документальных материалах, легших в основу произведения, автор воссоздает исторически достоверную картину жизни, борьбы и героического подвига пламенной интернационалистки, имя которой стало символом мужества и непоколебимости, беззаветной преданности идеям пролетарской солидарности.

Рецензенты:
чл.-кор. АН УССР. д-р ист. наук, проф. *И. Ф. Курас*, *С. П. Колесник*

Художественное оформление *Т. П. Юрченко*

М $\frac{4702010200-080}{М\ 228(04)-88}$ КУ—№8—78—1988

ISBN 5-7720-0044-6

Имя француженки,
тов. Жанны Лябурб,
которая поехала работать
в коммунистическом духе
среди французских
рабочих и солдат и была
расстреляна в Одессе,—
это имя стало известно
всему французскому пролетариату
и стало лозунгом борьбы...

В. И. Ленин.

Дочь коммунара

...Ее отец — один из немногих
уцелевших героев Парижской
коммуны.

«Правда», 25 марта 1919 года

Дочь коммунара. Это утверждение возникло после долгих раздумий. Исследователи жизни и деятельности Жанны Лябурб, к сожалению, не располагают документами, неопровержимо свидетельствующими об участии ее отца, Клода Лябурба, в героической борьбе парижских коммунаров. Поэтому в последнее время некоторые историки пересматривают установившееся в научной и художественной литературе мнение о том, что отец Лябурб был коммунаром.

Вот что пишет в этой связи наиболее авторитетный знаток биографии легендарной интернационалистки Л. М. Зак: «Кем был отец Жанны? Вопрос этот непростой. В нашей печати в 20-е годы Жанну иногда называли дочерью парижского коммунара. Но это неверно. Возможно, советская пресса первых послереволюционных лет символически называла французских борцов сыновьями и дочерьми Парижской коммуны, подчеркивая этим преемственность революционных традиций». В этом высказывании бесспорно только то, что поставленный вопрос действительно непростой. Другие же положения представляются неубедительными.

Прежде всего неверно, что только в 20-е годы в печати Жанну называли дочерью коммунара. Это утверждение содержится в научных публикациях 60, 70 и 80-х годов. Во втором издании Большой Советской Энциклопедии указывалось, что Лябурб родилась «в семье крестьянина — участника Парижской коммуны». В третьем, последнем издании БСЭ этот факт не упоминается, но автор энциклопедической заметки о Жанне Лябурб историк Е. И. Патлажан вполне ясно изложил свою позицию по этому поводу в одной из публикаций (1973 год), где писал, что Лябурб родилась «в семье крестьянина, одного из немногих уцелевших участников Парижской коммуны».

Теперь обратимся к такому авторитетному источнику, как справочный аппарат к Собраниям сочинений

В. И. Ленина. Как известно, в политическом докладе Центрального Комитета на VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 года и в докладе ВЦИК и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов 5 декабря 1919 года В. И. Ленин неоднократно упоминал имя Жанны Лябурб. Что же говорится по интересующему нас вопросу в строго научном аппарате именных указателей к Собраниям сочинений В. И. Ленина?

В XVI томе первого издания Собрания сочинений вождя (1925 г.) в примечаниях не было ее автобиографических данных. Что касается второго, исправленного и дополненного издания ленинских Сочинений, то здесь в «Словаре-указателе имен» к XXIV тому (1935 г.) записано следующее: «Лябурб Жанна... коммунистка, дочь французского крестьянина, участника Парижской Коммуны». То же самое, естественно, говорилось о Жанне Лябурб и в XXIV томе (1935 г.) вышедшего без изменений третьего издания Сочинений В. И. Ленина. В томах четвертого издания, как известно, не было именного указателя, а в Полном собрании сочинений В. И. Ленина снова подтверждено то, что Жанна Лябурб является дочерью парижского коммунара.

Теперь уже совершенно ясно: в случае с Жанной Лябурб речь шла не только о символике и преемственности революционных традиций. Вне всякого сомнения, имелось в виду то, что отец Жанны действительно был участником Парижской коммуны.

И здесь возникает вопрос: где впервые появились такие сведения о Клоде Лябурбе, когда они стали достоянием широких читательских масс? Оказывается, первая официальная информация об отце Жанны была помещена в органе Центрального Комитета РКП(б) газете «Правда» 25 марта 1919 года.

В этот день в связи с трагической гибелью интернационалистки газета опубликовала статью «Жанна Лябурб», автором которой был товарищ Жанны по французской коммунистической группе РКП(б) в Москве Н. Нюрин. Статья начиналась такими словами: «Немногие знали эту скромную труженицу, так гармонично сочетавшую *унаследованный от отца коммунара* революционный энтузиазм и боевой запал старого работника русского подполья». Далее следовало: «Дочь французского крестьянина, тов. Лябурб провела свое раннее детство в деревушке Лапалис (близ Виши) в условиях острой материальной нужды и политических преследований, которым подвергался *ее отец, один из*

немногих уцелевших героев Парижской коммуны» (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

Итак, в статье недвусмысленно заявлено о том, что отец Лябурб был коммунаром. Можем ли мы доверять этому источнику? Полагаем, что можем. И вот почему. Н. Нюрин лично знал Жанну Лябурб, работал с ней в Москве осенью 1918 года в одной коммунистической группе. Лябурб доверяла товарищу по партии. Именно ему, как известно, она написала письмо перед отъездом в оккупированную интервентами Одессу в январе 1919 года.

Статья Н. Нюрина свидетельствует о его глубокой проинформированности о жизни Жанны Лябурб. Он точно назвал место рождения Жанны, социальное происхождение ее отца, четкими штрихами обрисовал ее детские годы, становление как революционерки. А ведь в марте 1919 года «немногие знали эту скромную труженицу» и такую информацию можно было получить только из одного источника — из уст самой Жанны Лябурб. Кстати сказать, все сведения, содержащиеся в статье Н. Нюрина, прочно вошли в исторический оборот, проверены временем, многие впоследствии подтверждены документами. Они широко используются биографами Лябурб, а Л. М. Зак справедливо называет Н. Нюрина среди других современников француженки, которые дают «главные сведения о ее жизни».

Есть ли у нас основания не доверять свидетельству Н. Нюрина о том, что отец Лябурб был коммунаром, свидетельству, которое получено, повторяем, скорее всего лично от Жанны Лябурб? Думается, что нет. Ибо документов, опровергающих его, не имеется.

Скрупулезные изыскания Л. М. Зак говорят о том, что период Парижской коммуны остается белым пятном в биографии Клода Лябурба. Да и можем ли мы надеяться на то, что официальные документы когда-либо еще раз дадут прямое подтверждение участия в революционных событиях весны 1871 года одного из многих тысяч безымянных героев коммуны?

Установлено, что в 1869 году Клод Лябурб был «tuilier» — рабочим, делающим черепицу, а в 1877 — году рождения Жанны — батраком. Конечно же, и первая профессия не бог весть какая в буржуазном обществе, но батрачество даже с ней не идет ни в какое сравнение. Не явилось ли это следствием тех преследований за участие в коммуне, о которых упоминал Н. Нюрин? Можно предположить, что молодой «рабочий, делающий

черепицу», не находя достаточного применения своей довольно редкой профессии в небольшом городке Лапалисе, решил поискать счастья в Париже, прибыв сюда накануне исторических событий. Тридцати одного года, уже познавший все горести тяжкого труда, социальной несправедливости, унижения, Клод Лябурб, полный энергии и светлых надежд на лучшее будущее, был вовлечен в революционную борьбу парижского пролетариата. Сказалась, очевидно, и рабочая солидарность, силу которой он почувствовал в городе.

Судя по всему, Клод Лябурб был рядовым бойцом Парижской коммуны. В черные дни ее кровавого подавления он не попал в число ни тех 70 тысяч коммунаров, которые были расстреляны, сосланы на каторгу, заключены в тюрьмы, ни тех 30 тысяч, которые покинули Францию из-за преследований. Ему удалось вернуться в родной Лапалис, избежать политических репрессий (вполне возможно, что прямых улик против него и не было), но клеймо вернувшегося из революционного Парижа уже навсегда превратило его в опасного для местных властей человека.

Да, это предположения. Но бесспорным остается одно: у нас нет оснований поддавать сомнению свидетельство Н. Нюрина о том, что отец Жанны Лябурб был участником Парижской коммуны. Поэтому в «Указателе имен» к 39-му тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина, где упоминается Жанна Лябурб, совершенно правомерно записано: «Лябурб (Labourbe), Жанна-Мари — дочь деятеля * Парижской Коммуны».

Жанна Мари Лябурб родилась 8 апреля 1877 года ** в небольшом французском городке Лапалисе, близ Виши (департамент Алье). В одной из многочисленных публикаций о Жанне Лябурб, появившихся в печати в связи со столетием со дня ее рождения, утверждалось, что городок расположен на берегу Бискайского залива. Но это неверно. На западном побережье Франции

---

* Думается, точнее все-таки было бы написать: дочь участника Парижской коммуны.— *В. М.*

** Долгое время считалось, что Жанна Лябурб родилась в 1879 году. Точную дату ее рождения установил французский писатель-коммунист Жан Февиль. Об этом в октябре 1958 года он сообщил Л. М. Зак, которая и ввела правильную дату в научный оборот. Тем не менее на памятнике, установленном в 1969 году на могиле интернационалистки в Одессе, была высечена неправильная дата рождения Лябурб. К сожалению, она не исправлена до сих пор.— *В. М.*

действительно есть одноименный населенный пункт, но он находится в тысячах километров от того Лапалиса, в котором родилась Лябурб.

Департамент Алье занимает большую часть бывшей территории Бурбонне и расположен далеко от моря — на северной окраине Центрального Французского массива. Разделен на четыре округа, один из них — Лапалис. Административный центр — город Мулен. Департамент знаменит бальнеологическими курортами на базе минеральных источников с центром в городе Виши.

Однако простые труженики департамента не пользовались чудодейственными источниками. Они были заняты тяжким, но жизненно необходимым трудом.

Жители Лапалиса возделывали землю, выращивали скот, некоторые зарабатывали на жизнь на курорте Виши, обслуживая отдыхающих буржуа. Было здесь и два небольших предприятия — кожевенное и шелкопрядное.

Лапалис — типичный французский городок: аккуратные домики под красными черепичными крышами, уютная тишина, нарушаемая в жаркие летние дни лишь легким шелестом листьев высаженных вдоль улиц деревьев, патриархальное спокойствие... Городок расположен на реке Бэбр, левом притоке Луары. Через Виши протекает еще одна речка — Алье, также впадающая в Луару.

Лапалис нелегко найти в энциклопедических изданиях — слишком уж он невелик. Многотомная французская энциклопедия издательства «Лярус» уделяет ему всего несколько строчек, отмечая, что в городке еще в XV веке воздвигнут замок в стиле ренессанса.

Это, действительно, основная архитектурная достопримечательность Лапалиса. Замок привлек внимание и советской писательницы Мариэтты Шагинян, когда она проезжала через Лапалис во время поездки по Франции. Со свойственной ей точностью, образностью и яркостью слова Шагинян записала в своих «Зарубежных письмах»: «Уже стемнело, когда мы подъехали к нашей последней ночевке перед Парижем — к местечку Ля Палисс департамента Алье, знаменитому своим замком... Огромный квадратно-прямоугольно, многобашенно-многооконно-многотрубно, с красно-серыми крышами, с выхоленным, выутюженным, подстриженным парком и мостом над речкой, построенный замок Ля Палисс, похожий на воплощение высокомерного величия в камне».

Здесь, у подножия замка, близ моста, на правом берегу реки Бэбр находилась мельница, на которой несколько лет трудился разнорабочим отец Жанны, Клод Лябурб.

...Через день после рождения дочери Клод Лябурб и его жена Мария Лаббе, взяв в свидетели соседа-столяра Клода Бийара и молодого сторожа Александра Монтагю, прибыли с новорожденной в мэрию Лапалиса для регистрации ребенка. Тогда и появился на свет документ «Акт рождения № 22 Мари Лябурб». В нем записано: «Год тысяча восемьсот семьдесят седьмой, десятого апреля, в 9 часов утра передо мной, Жаком Эженом Сонье, заместителем, исполняющим по указанию мэра функции заведующего отделом актов гражданского состояния коммуны и кантона Лапалиса (Алье), явились Клод Лябурб, тридцати семи лет, батрак, проживающий в этом городе, и Мария Лаббе, тридцати одного года, без профессии, его жена, представившие ребенка женского пола, рожденного, как они заявили, восьмого числа сего месяца в восемь часов вечера в своем доме... которому они пожелали дать имя Мари».

Итак, дочь назвали Мари. Имя Жанна появилось позже. Писатель А. М. Дунаевский высказал предположение, что юная Мари Лябурб взяла себе новое имя в честь легендарной дочери французского народа Жанны д'Арк. Что ж, возможно, так и было. Тем более что это имя было ей дорого и по другим соображениям: деда и бабушку Лябурб по матери звали Жан Лаббе и Жанна Мазелье. Важно то, что именно это второе имя Лябурб вошло в историю.

Л. М. Зак побывала во Франции, разыскала родственников Жанны, проживающих в предместье Парижа, в Нейи, на улице генерала Ланрезака, посетила их. Оказалось, что Марта Перро, бывшая учительница в Лапалисе, ныне пенсионерка, является прямой родственницей интернационалистки. Дед Жанны Лябурб был прадедом Марты, а дядя Жанны (родной брат ее отца) Антуан Лябурб — ее дедом. Таким образом, Марта Перро (в девичестве Лябурб) — внучатая племянница Жанны. Муж Марты, Густав Перро, тоже пенсионер, в прошлом — секретарь организации служащих Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), участник движения Сопротивления. Встретилась Л. М. Зак с еще одной внучатой племянницей Жанны — Генриеттой Лябурб — двоюродной сестрой Марты.

Густав и Марта Перро, их сын Пьер (студент-историк), Генриетта Лябурб приняли активное участие в поисках документов и сборе воспоминаний о детских годах Жанны Лябурб, ее родственниках. Все эти материалы проанализированы и обобщены в книге Л. М. Зак «Они представляли народ Франции», повествующей о французских интернационалистах. Здесь и находим любопытную информацию Марты Перро о деде Жанны — Клоде Лябурбе. Он владел черепичной мастерской, но к старости разорился. «В конце своей жизни,— пишет Марта Перро,— дед Жанны Лябурб не владел ничем. Все было продано или прожито. Умер он в нищете. У отца Жанны, Клода Лябурба, и моего деда, Антуана, не было никаких средств. Они были бедны. Мой отец Жозеф Лябурб никогда не ходил в школу и начал трудиться в 7 лет как пастух. Но, очевидно, Клод Лябурб все-таки сумел сделать так, чтобы его дети, Жанна и Антуанетта, регулярно посещали школу».

Шести лет, в апреле 1883 года, Жанна пошла в Лапалискую школу для девочек. Клод Лябурб твердо решил, что дочери должны получить образование. Как раз в этом году ему удалось устроиться работать на мельницу к господину Офреру, и с горем пополам, перебиваясь с хлеба на воду, он учил дочурок. Может, это громко сказано — учил. Клод Лябурб не вмешивался в школьные дела Жанны, не очень интересовался ее успехами. Но в свободное время любил слушать, как она читает, неважно что. Казалось, отец просто любовался голосом дочери. В такие минуты его глаза теплели и весь он — высокий, крепкий, сильный — излучал доброту и ласку. Говорил Клод Лябурб мало, отрывисто, но веско. Сказанное припечатывал энергичным взмахом тяжелой, мозолистой ладони.

Несмотря на изнурительный труд, находил время для охоты и рыболовства. Эти занятия любил страстно. Правда, брал с собой, как правило, сыновей. И только изредка, чаще в воскресное утро, шел ловить рыбу с Жанной. Они вместе проводили несколько счастливых часов. Низкий утренний туман над рекой, дурманящий запах воды и трав, большая, грузная фигура отца на берегу — от этого сладко ныло сердце, преисполненное необъяснимой детской радостью. Хотелось бегать, весело кричать, обнимать отца. Обычно строгий, Клод Лябурб в такие минуты не останавливал дочь. И она навсегда осталась ему благодарной за это.

Когда Жанне исполнилось десять лет, отец возложил на нее важную обязанность: читать вслух газеты, которые он брал иногда у хозяина мельницы.

В ту зиму с газетных страниц не сходило имя генерала Жоржа Буланже, бывшего военного министра в двух кабинетах французского правительства, который в январе 1889 года был избран в палату депутатов. Отец молча слушал чтение, мрачнел, горбился на стуле, как будто наливался тяжелыми мыслями. И оттого, что они оставались невысказанными, становилось неуютно и страшновато. Жанна ни о чем не расспрашивала отца в такие минуты.

Когда в апреле 1889 года дочь прочитала в газете, что республиканцы разоблачили связи Жоржа Буланже с монархическими кругами и он с позором бежал в Бельгию, Клод Лябурб не удержался и удовлетворенно хмыкнул. Сознавал ли он, что Буланже возглавлял шовинистическое, реваншистское движение во Франции и был политическим авантюристом, опирающимся в основном на монархистов, крайних националистов, клерикалов? Или знал, что Буланже — один из палачей Парижской коммуны? Это осталось неизвестным. Но Жанна поняла, что отец был рад бесславному концу политической карьеры генерала.

Именно тогда Клод Лябурб и обронил знакомое, но так непривычно звучащее в его устах слово — «коммуна». А если обронил — значит, не напрасно, значит, оно много значило для него. Да и произнес он его как-то бережно. Тяжелой горячей каплей упало это слово в сознание Жанны — жгло, требовало разъяснения.

Однако попытки Жанны вернуть отца к интересующей ее теме не увенчались успехом. Ей удалось выведать у матери только то, что почти двадцать лет назад, еще молодым, отец был в Париже, воевал там и чуть было не погиб.

Подробности этой страницы биографии отца так и остались ей неизвестными. Клод Лябурб не любил рассказывать о себе. А может, он считал ее недостаточно взрослой для таких разговоров?

И все же Жанна получила ответ на тревоживший ее вопрос о Парижской коммуне.

...В тот будничный весенний день отец был одет по-праздничному. Он не пошел на работу, и мать укоряла его за это. Она говорила, что мэр и так искоса смотрит на их дом, что эта коммуна навсегда лишила отца хлеба насущного. И тогда (Жанна на всю жизнь за-

помнила это), тогда ее молчаливый, хмурый и неразговорчивый отец гордо поднялся, расправил плечи и, горячо блеснув глазами, твердо сказал:

— Дело коммуны — святое! Коммуна боролась за хлеб насущный для каждого труженика.

И, погладив тяжелой теплой ладонью головку Жанны, тихо добавил:

— Ее коммуна — впереди... Будет у таких, как она, коммуна...

Какой силы и веры были эти отцовские слова, так прочно вошедшие в память Жанны!

Тогда, еще ребенком, она не только почувствовала, но и убедилась в том, что отец непоколебимо верит в правоту дела коммунаров. И это было зерно, давшее благодатные всходы.

Училась Жанна хорошо. В школьном матрикуле, полученном ею в июне 1890 года, была следующая характеристика: хорошая ученица, смышленая, но «воспитана небрежно». Эти последние два слова — интересный и характерный штрих к облику тринадцатилетней Жанны! «Воспитана небрежно». Не содержится ли в этой оценке скрытое недовольство буйным темпераментом девочки, ее порывистостью, горячностью, экспансивностью? Не является ли она порицанием юного, но твердого характера, не по-детски непримиримого к любым проявлениям несправедливости, в том числе и к тем, которые ощущались в школе? Ведь она росла в семье, где господствовал культ доброты, честности и справедливости. И, наконец, не отражена ли в этой характеристике мещанская уверенность в том, что дочь запятнанного участием в Парижской коммуне Клода Лябурба не может быть воспитана иначе, как плохо, «небрежно»? Что ж, мы благодарны молодому французскому историку Пьеру Перро, которому удалось обнаружить в архиве мэрии Лапалиса школьный матрикул Жанны. Этот маленький, но ценный документ дает возможность както особенно ощутимо постигнуть простую истину: Жанна Мари Лябурб не оправдала надежд своего школьного учителя, но она оправдала надежды своего народа.

Итак, школа позади. Семь лет хотя и нелегкого, но все-таки детства. А впереди — годы отрочества и юности, годы нужды и лишений. Семья Клода Лябурба живет впроголодь. Отец вынужден отправить тринадцати-

летнюю Жанну на заработки. Вначале она была пастушкой — это относительно легкий труд. Но денег, которые Жанна зарабатывала, едва хватало на пропитание только для нее самой. И тогда, чтобы хоть немного помочь семье, она устраивается на работу гладильщицей в прачечной.

Однажды Клод Лябурб увидел свою хрупкую дочь на рабочем месте: с тяжелым утюгом, в густых клубах влажного, удушливого пара.

— Хватит,— сказал отрывисто и хмуро.— Возвращайся пасти скот.

— Нет, отец. Я останусь здесь. Так решила. Я должна помогать тебе и маме.

Клод Лябурб удивленно поднял брови. Впервые дочь возражала ему. Конечно, она и раньше бывала непослушной. Но то детские шалости, детское упрямство. А вот так... Отец внимательно всматривался в знакомое до боли личико: гордо вздернутый нос, упрямо поджатые пухлые губы, недетская решительность в больших выразительных глазах. И эти краткие, отрывистые фразы, сказанные как бы по-отцовски твердо, веско. Он и не заметил, как выросла дочь... Клод Лябурб молча повернулся и тяжелым шагом вышел из прачечной.

Все свободное от работы время Жанна посвящала чтению. Летом дотемна засиживалась с книгой во дворе, а когда холодало, переходила в дом, устраивалась за огромным обеденным столом и читала, буквально глотая страницу за страницей.

Так в ее жизнь вошла Жанна д'Арк. Девочка была потрясена героической биографией своей соотечественницы, которая четыре с половиной века назад в ходе Столетней войны возглавила французский народ в его освободительной борьбе против английских захватчиков.

«Она была едва старше меня, когда поняла, что ее назначение — освободить Францию»,— к этой волнующей мысли Жанна возвращалась снова и снова. Поначалу больше всего девочку поразил возраст юной Жанны д'Арк. В семнадцать лет возглавила армию и победила англичан под Орлеаном! В девятнадцать, бесстрашно взойдя на костер, умерла с гордо поднятой головой, чтобы навеки остаться бессмертной в памяти народа...

Ярко вспыхнула в сознании Жанны мысль: главное в жизни не сколько прожил, а как прожил, что успел сделать! Вот и отец, кажется, более всего дорожит теми

днями, которые были связаны с коммуной. Почему? Почему двадцать дней иногда больше значат для человека, чем двадцать лет? Не потому ли, что в эти дни он вершит главное дело своей жизни?!

Девочка невольно сравнивала себя с героиней Франции. «Она и я — француженки. Мы почти одного возраста. Обе из крестьянской семьи,— проносилось в ее разгоряченном воображении.— И разве деревня Домреми на границе Шампани и Лотарингии, где родилась Жанна д'Арк, это не то же самое, что мой Лапалис? Разве она не была такой же порывистой, впечатлительной, энергичной...

О чем это я? — со страхом думала она в следующую минуту.— Ведь мы такие разные. Она — целеустремленная, а я — несобранная... Я обыкновенная девчонка. И что успела в жизни? Ничего».

Можно предположить, что образ Жанны д'Арк занял большое место в мыслях юной Жанны Лябурб, повлиял на формирование ее личности. И она никогда не изменила своему юношескому идеалу в главном: как и Жанна д'Арк, всегда была верной дочерью Франции. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез в свое время сказал, что у французского народа было две легендарные Жанны: Жанна д'Арк и Жанна Лябурб.

Знакомство с Жанной д'Арк, которое девочка вынесла из этого чтения, оставило глубокий след в ее душе. Жанна даже внешне изменилась. Стала серьезней, вдумчивей, заметно повзрослела, как-то гордо выпрямилась.

Может быть, именно эта перемена в характере дочери и подтолкнула Клода Лябурба к решительному шагу. Однажды, когда Жанна сидела за книгой, он неторопливо подошел к ней, не поднимая головы, сунул в руки две старые листовки:

— Возьми, дочь. На улицу не выноси. Никому не показывай.

Верный себе, Клод Лябурб сказал мало и никак не объяснил дочери, откуда у него эти измятые, пожелтевшие от времени листки. Но Жанна поняла: отцу они дороги.

В глаза сразу бросилось горячее слово: коммуна. Она держала в руке довольно большую прямоугольную листовку, в верхнем углу которой жирным шрифтом было набрано: «La Commune de Paris» . Ниже — портрет в овальной рамке: бородатый мужчина с сильным, волевым лицом. Под портретом — одно слово: «Delesclure».

А дальше — в две колонки текст, который Жанна прочитала сразу же, не отрываясь. Неизвестный автор рассказывал о пути в Парижскую коммуну Луи Шарля Делеклюза — пламенного журналиста-республиканца, одного из лучших представителей французской революционной демократии середины XIX века. Делеклюз самоотверженно боролся за республику во время Революции 1848 года, принимал участие в заговорах против Второй империи, длительное время отбывал каторгу в Кайенне. В марте 1871 года был избран членом Парижской коммуны. Жанна впервые услышала это имя — Шарль Делеклюз.

Вторая листовка называлась «К трудящимся деревень». Она была понятнее, доступнее. В ней говорилось о том, что тревожило Жанну,— о тяжелом крестьянском труде, бедности, несправедливости. Жгучие призывные слова восставших в Париже были обращены к крестьянству Франции: «Брат, тебя обманывают. Наши интересы одни и те же... Разве не безразлично, как называется эксплуататор: богатый землевладелец или промышленник?.. Ты и я — мы все еще рабы нищеты... Это несправедливо. Вот почему Париж... восстает и хочет изменить законы, которые дают в руки богатых всю власть над трудящимися. Помогите же ему одержать победу и, что бы ни случилось, запомните хорошенько эти слова, ибо революции будут происходить до тех пор, пока они не исполнятся: *земля — крестьянину; орудия труда — рабочему; работа — для всех»*. Внизу стояла подпись: «Трудящиеся Парижа».

Земля — крестьянину, орудия труда — рабочему, работа — для всех. Что может быть справедливее? Что может быть дороже для простого труженика? Так вот она какая, коммуна! Вот почему так дорога она ее отцу — простому труженику, не имеющему ничего, кроме собственных рабочих рук!

Спустя несколько лет знакомые Жанне русские марксисты расскажут ей, что воззвание «К трудящимся деревень» коммуна распространяла в провинции, зачастую с помощью воздушных шаров. Так коммунары общались с департаментами, рассказывали трудовой Франции о своих истинных задачах, призывали к борьбе всех французских трудящихся. Это общение было жизненно необходимым, ибо правительство Тьера воздвигнуло вокруг Парижа стену изощренной лжи и клеветы с целью полной изоляции революционной столицы от страны.

...Жанна подошла к отцу и поцеловала его в огрубевшее, твердое, покрытое крупными морщинами лицо. Клод даже не улыбнулся, наоборот, недовольно нахмурил брови. Но глаза его были теплыми.

Страсть к книгам привела Жанну к местному кюре, у которого была довольно большая библиотека. Пожилой священник, много видавший на своем веку, был поражен начитанностью шестнадцатилетней девушки, ее стремлением к знанию, ее любовью к печатному слову.

— Sapere aude! [1] —Таков мой девиз,— заявила Жанна своему новому знакомому при первой же встрече.

И тот, прекрасно знавший латинский, даже не обратил внимание на плохое произношение крылатой сентенции, ибо мгновенно понял главное — эта веселая крепкая девушка с мягкими, но волевыми чертами лица и умным взглядом сияющих глаз слов на ветер не бросает.

Со свойственным ей максимализмом суждений Жанна сразу же выступила против разговоров на сугубо религиозные темы.

— Я глубоко уважаю религиозность Жанны д'Арк, но люблю Жанну не за это. Мне дорога не ее вера в бога, а вера в народ, самоотреченная преданность Франции. И потом, разве не католическая церковь сожгла Жанну? Разве не она разложила костер для Джордано Бруно в Риме на Площади цветов?

Еретические высказывания ничуть не смутили представителя католической церкви в Лапалисе. Наоборот, он продолжал разговор и привел занимательные примеры в пользу положительной роли церкви в истории культуры, что было с вниманием и благодарностью выслушано. А все же беседы о церкви и религии на этом прекратились.

Зато неожиданный интерес вызвали у Жанны книги чеха Яна Амоса Коменского и швейцарца Иоганна Генриха Песталоцци.

«Она еще совсем ребенок»,— думал служитель католического культа, наблюдая за Жанной, которая с детской непосредственностью и нескрываемым любопытством рассматривала иллюстрированный учебник Коменского «Мир чувственных вещей в картинках». Но кюре ошибся. Едва просмотрев следующую книгу Ко-

[1] Имей смелость знать! *(Лат.).*

менского, она, загоревшись, с восхищением прочитала вслух: в школы следует отдавать не только детей богатых или знатных, а вообще всех — знатных и незнатных, богатых и бедных, мальчиков и девочек.

— Я хотела бы работать в такой школе,— задумчиво сказала Жанна, окончив чтение.

Возвращая книгу Песталоцци «Лингард и Гертруда» *, Жанна попросила кюре рассказать о ее авторе. Тот сообщил, что именно за эту книгу и блистательную педагогическую деятельность Законодательное собрание Франции присвоило Песталоцци в 1792 году почетное звание гражданина Французской республики.

— И это справедливо! Он так любил крестьян! — воскликнула Жанна.

Однако не всегда добрый священник мог удовлетворить пытливый ум девушки, ее неуемную любознательность.

Когда Жанне исполнилось восемнадцать лет, кюре, искренне полюбивший ее, предпринял шаг, который круто изменил судьбу девушки. Он предложил Жанне место гувернантки в знакомой ему польской семье, собиравшейся уезжать в Польшу. Это испугало и одновременно привлекло Жанну. Испугало потому, что нужно было расставаться с родными, с отцом. Но зато она сможет помочь семье материально. Привлекло потому, что Жанна мечтала о путешествиях, о новых городах. И к тому же там у нее появится возможность учиться, пусть самостоятельно, но учиться.

После долгих раздумий Жанна соглашается. В 1896 году вместе с польской семьей она уезжает в Польшу, входившую тогда в состав Российской империи, в город Томашов.

В ту пору Томашов был уездным городком на юго-востоке Люблинской губернии **, насчитывающим чуть более шести тысяч жителей. Православная церковь, католический костел, синагога, развалины старого монастыря — вот и все его достопримечательности. В городке

---

* Знаменитый педагогический роман И. Г. Песталоцци, в котором он пытался ответить на вопрос, как помочь обездоленному крестьянству.

** Писатель А. М. Дунаевский в своей книге «Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая» утверждает, что городок был расположен «у границы с Германией». Это неправильно. В Польше в то время было два города Томашова, но ни один из них не граничил с Германией. Томашов Люблинской губернии действительно находился недалеко от границы, но не с Германией, а с Австро-Венгрией. — *В. М.*

имелось коммерческое училище и несколько начальных школ.

Дни Жанны до предела наполнены работой. Товарищи по французской коммунистической группе в Москве напишут позже, что она, «обучая воспитанников своему родному языку, в то же время сумела заняться совершенствованием своего собственного образования».

Верная себе, Жанна не теряет ни одной минуты напрасно. Она усиленно занимается изучением русского и польского языков и через несколько лет преуспевает в этом. Девушка читает русских и польских авторов в подлиннике, упорно совершенствует разговорный язык. Позже она будет часто повторять в беседе с товарищами полюбившиеся ей слова К. Маркса: чужой язык — оружие в жизненной борьбе. Польский язык, в частности, впоследствии помог ей быстрее включиться в революционную борьбу польского рабочего класса, дал возможность постоянно читать его пролетарскую прессу. А с каким восторгом читала она позже ленинскую «Искру»! И как пригодилось ей блестящее знание русского языка там, в Москве, в революционной России! Зимой 1919 года она стала незаменимой в редколлегии подпольной газеты Одесского обкома КП(б)У «Le communiste», выходившей в оккупированном интервентами городе. Ведь там требовалось совершенное знание одновременно и русского, и французского языков.

Немало времени уделяет Жанна знакомству с педагогической литературой. Подлинным открытием стали для нее работы великого русского педагога, основоположника педагогической науки и народной школы в России К. Д. Ушинского. Жанна читала их в оригинале, восторгалась простотой, доступностью, насыщенностью составленных талантливым ученым-педагогом учебных книг «Родное слово», «Детский мир и хрестоматия». Близко к сердцу восприняла она идею К. Д. Ушинского о том, что без личного непосредственного влияния воспитателя на воспитанника истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно.

В сознании Жанны к тому времени уже выкристаллизовалось решение посвятить свою жизнь педагогической работе.

Поиск книг, сведений о Парижской коммуне было одним из серьезнейших увлечений Лябурб в первые годы жизни в Томашове. Поначалу ей не везло. В руки попалась книжонка некоего Ламазу, буржуазного автора реакционного направления, который открыто и

злобно осквернял Парижскую коммуну. Жанна была озадачена и возмущена. То, что писал этот человек, оскорбляло ее память об отце и никак не соответствовало содержанию листовок коммунаров, которые она бережно хранила.

Однажды, сидя в городской библиотеке, Жанна познакомилась с крупным светловолосым мужчиной с большими голубыми глазами и добродушным выражением лица. Он углубленно читал и, казалось, не замечал Жанну. Однако когда она неосторожно передвинула книги на столе, приоткрыла листовку «К трудящимся деревень», которую имела обыкновение брать с собой, работая над материалами о Парижской коммуне, сосед встрепенулся и вежливо, старательно выговаривая французские слова, попросил просмотреть документ.

— Вещи несовместимые,— мягко, но уверенно сказал он через минуту, указывая на листовку и книгу о коммуне.

— Вы владелица бесценной исторической реликвии,— незнакомец бережно положил листовку на стол.— А это,— он пренебрежительно указал на книгу,— дешевая, бульварная клевета на коммуну.

Они молча посмотрели друг другу в глаза.

— Вы хотели бы знать правду о Парижской коммуне? — вдруг спросил собеседник по-русски.

— Да! — тоже по-русски ответила Жанна, проникаясь к нему необъяснимым доверием.

Так она познакомилась с одним из русских революционеров, живших в Томашове. А через несколько дней он принес Жанне работу К. Маркса «Гражданская война во Франции». Брошюра, нелегально изданная в Женеве в 1871 году на русском языке, была изрядно потертой.

Каждая страница, особенно на первых порах, давалась не без труда, встречалось много непонятного. Новый товарищ Жанны, его жена терпеливо отвечали на все ее вопросы.

Ничего подобного Жанна раньше не читала. Ее потрясла поразительная глубина авторской мысли, неодолимая логика. Нельзя, невозможно было не верить написанному. Жанне казалось, что за несколько дней чтения этой книги она прожила еще одну жизнь.

Первая пролетарская революция, первое правительство рабочего класса,— вот что такое Парижская коммуна! Это она поняла, запомнила на всю жизнь. «Париж рабочих с его Коммуной,— читала Жанна,— всегда

будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов» [1].

Отец! Дорогой отец! Спасибо тебе, молчаливый и сильный, добрый и любящий! Спасибо за оброненное слово правды, за твердую веру, с каким оно было сказано!

Отныне и до конца дней Жанны Лябурб коммуна, как пепел Клааса, будет стучать в ее сердце. Мартовский день рождения коммуны станет одним из светлых праздников Жанны. С какой радостью встретит она в 1908 году в мартовском номере «Заграничной Газеты» *, доставленной из Женевы, ленинскую статью «Уроки Коммуны», в которой Владимир Ильич говорил, что «Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века» [2]. А еще через три года, в 1911 году, В. И. Ленин выступил со статьей «Памяти Коммуны» в «Рабочей газете». «Дело Коммуны — это дело социальной революции,— запечатлятся в памяти ленинские слова,— дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветнего пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно» [3].

...В долгих беседах со своими новыми знакомыми, ставшими вскоре ее близкими друзьями, Жанна узнала, что в борьбе за интернациональное дело Парижской коммуны принимали участие русские революционеры Петр Лавров, Елизавета Дмитриева (Томановская), А. В. Корвин-Круковская, польские — Я. Домбровский, В. Врублевский, братья Околовичи, а в состав коммуны были избраны венгерский рабочий Л. Франкель, бельгиец Остен, итальянец Менотти Гарибальди. Она с упоением слушала рассказы о декабристах и великих революционных демократах В. Г. Белинском, А. И. Герцене, Н. А. Добролюбове, Н. Г. Чернышевском, а также о Г. В. Плеханове.

От русских марксистов она впервые услышала о Вла-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.— 2-е изд.— М., 1960.— Т. 17.— С. 366—367.

* Газета группы русских эмигрантов в Женеве выходила в марте — апреле 1908 года.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 16.— С. 453.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 222.

димире Ильиче Ульянове (он же Тулин, Старик, Владимир Ильин). А летом 1902 года друзья с каким-то особым волнением показали ей изданную в Штутгарте книгу, на обложке которой значилось: «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Н. Ленина».

...В 1903 году Жанна Лябурб ненадолго едет во Францию, чтобы сдать экзамены и получить право работать учительницей, а затем снова возвращается в Польшу.

С 1903 года Жанна Лябурб постепенно включается в революционную деятельность. Этот факт не вызывает сомнения. Но как Жанна пришла в революцию? Почему она избрала тяжелый тернистый путь бескомпромиссной борьбы за идеалы большевистской партии? Эти вопросы, на наш взгляд, являются ключевыми для понимания биографии славной француженки.

Давайте поразмыслим вместе, читатель. Наверное, выбор пути в известной мере был предопределен социальным происхождением Жанны. В юности она испытала на себе всю несправедливость эксплуататорского строя, прониклась ненавистью к нему. Произросли, вероятно, и те зерна веры в лучшую жизнь, которые заронил в ее сердце отец.

Главным же творцом личности революционера выступает сама эпоха. В этой связи приходит на ум интересная мысль: жизнь Жанны Лябурб фактически совпадает с отрезком времени, который, по определению В. И. Ленина, представляет собой «вполне законченный исторический период, именно: от Парижской Коммуны до первой Социалистической Советской Республики» [1]. Что же касается формирования Жанны как личности, ищущей ответы на острые социальные вопросы, то этот процесс проходил в особое время.

В середине 90-х годов XIX столетия начался новый, ленинский этап в развитии теории и практики марксизма, в международном революционном движении. Центр международного революционного движения и революционной мысли на рубеже века переместился в Россию.

Здесь под руководством В. И. Ленина была создана принципиально новая политическая организация пролетариата — партия нового типа, партия большевиков.

---

[1] Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 16—17.

Возникновение большевизма явилось поворотным пунктом в российском и мировом рабочем движении.

Здесь, в России, назревала народная революция против царизма, развертывалось мощное движение рабочего класса, усиливались выступления его союзника — многомиллионного крестьянства.

Все это оказывало огромное революционизирующее воздействие на развитие революционной борьбы польского пролетариата, способствовало созданию его марксистской партии. Выдающуюся роль в этом сыграл Ф. Э. Дзержинский. В августе 1900 года состоялся съезд социал-демократических организаций Королевства Польского и Литвы, который завершил процесс создания единой марксистской партии польского и литовского рабочего класса, принявшей название Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ).

Нарастающая революционная борьба российского рабочего класса против царизма и эксплуатации за социальное и национальное освобождение всех народов царской России неминуемо вовлекала в свою орбиту честную, думающую, передовую молодежь.

Жанна не сразу влилась в ряды сочувствующих большевистской партии. Документы свидетельствуют, что она некоторое время работает по заданию левого крыла Польской социалистической партии (ППС — левицы). Это была та часть «мыслящих по-пролетарски» членов ППС, которая, по словам Ф. Э. Дзержинского, «активно выступала и боролась и с царизмом и с эксплуатацией со стороны капитала».

Переход на позиции большевистской партии произошел, очевидно, в значительной мере под влиянием марксистской литературы, ленинских работ. Нет сомнения, что Жанна к тому времени уже ознакомилась с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Статьи Владимира Ильича, публикуемые в газете «Искра», нередко перепечатывались в теоретическом органе польской социал-демократии журнале «Пшегленд социал-демократычны». Здесь были помещены, в частности, ленинские работы «Революционный авантюризм», «Национальный вопрос в нашей программе» и другие, а также проект программы РСДРП.

Лябурб была уже достаточно политически зрелой для того, чтобы понять при помощи товарищей-марксистов огромное значение Второго съезда РСДРП, состоявшегося в июле—августе 1903 года и положившего, по оценке В. И. Ленина, начало большевизму, который

«существует, как течение политической мысли и как политическая партия...» [1].

Жанна вместе с тысячами молодых сверстников пошла за партией подлинно революционного действия. И это естественно. В. И. Ленин еще в декабре 1906 года в статье «Кризис меньшевизма» объяснил этот закономерный процесс притока в партию лучшей, прежде всего рабочей молодежи. «Мы партия будущего,— писал он,— а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первою пойдет молодежь» [2].

Однако, отдавая должное целеустремленности, самостоятельности, твердости характера молодой Жанны Лябурб, ее, можно сказать, политической интуиции, нужно принять во внимание: ей повезло на настоящих учителей. Мы, к сожалению, не знаем фамилии семьи русских марксистов, с которыми, как видно из документов, Жанна познакомилась и сблизилась в Томашове. Но совершенно очевидно, что эти люди много сделали для ее революционной ориентации.

Кроме того, состоялось еще несколько ярких встреч вначале политической биографии нашей героини. По свидетельству старой большевички Р. Б. Борисовой, Жанна Лябурб рассказывала ей, что познакомилась в Польше с Розой Люксембург и Ф. Э. Дзержинским, которые оказали серьезное влияние на формирование ее политических воззрений.

Во второй половине 1903 и в 1904 годах Ф. Э. Дзержинский работал в Кракове, входившем в состав Австро-Венгрии, в качестве заграничного представителя Главного правления СДКПиЛ. Он поддерживал тесные связи и с партийными организациями в русской части Польши, время от времени выезжая в Варшаву, Лодзь, Ченстохову, Домбровский угольный бассейн для руководства партийной работой. В начале 1905 года Ф. Э. Дзержинский нелегально переехал из Кракова в Варшаву, где непосредственно руководил революционной борьбой масс.

Каким образом удалось Жанне встретиться с Ф. Э. Дзержинским? Предположительно это могло слу-

---

[1] Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 6.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 14.— С. 163.

читься во время выполнения ею обязанностей партийного курьера. Сквозь долгие годы Жанна Лябурб пронесла память о встрече с ним (впечатлениями о ней она поделилась с Р. Б. Борисовой в 1919 году). Феликс Эдмундович был ровесником Жанны, но имел уже огромный опыт партийной работы, владел необыкновенным талантом зажигать сердца людей и вести их за собой. Его непоколебимая вера в идеалы революции и беззаветная верность им, железная воля и стойкость, удивительное мужество, невероятная работоспособность страшили врагов и вызывали чувство любви и восхищения у товарищей по борьбе. Двадцатичетырехлетний Ф. Э. Дзержинский с полным правом писал о себе: «...За свою короткую жизнь я впитал столько различных впечатлений, что любой старик мог бы этим похвастаться. Я не умею наполовину ненавидеть или наполовину любить. Я не умею отдать лишь половину души. Я могу отдать всю душу или не дам ничего. Я выпил из чаши жизни не только всю горечь, но и всю сладость, и если кто-либо мне скажет: посмотри на свои морщины на лбу, на свой истощенный организм, на свою теперешнюю жизнь, посмотри и пойми, что жизнь тебя изломала, то я ему отвечу: не жизнь меня, а я жизнь поломал, не она взяла все из меня, а я брал все от нее полной грудью и душой!»

Да, большая честь «делать жизнь» с такого человека! Великое счастье испытали те, кто лично знал его.

И сегодня мы можем с уверенностью сказать, что непродолжительное, судя по всему, знакомство с Ф. Э. Дзержинским сыграло решающую роль в выборе Жанной Лябурб жизненного пути.

Факты свидетельствуют, что накануне народной революции 1905—1907 годов Жанна Лябурб активно включается в революционную борьбу. Она выполняет ответственные, сопряженные с риском обязанности партийного курьера. Кроме того, используя свой паспорт французской гражданки, помогает многим русским революционеркам укрыться от преследования царской охранки за границей.

Документальные источники подтверждают, что Жанна Лябурб принимает активное участие в революционных событиях 1905 года. «Когда разразилась революция 1905 года,— отмечается в отчете французской коммунистической группы в Москве за 1919 год,— ее боль-

шое сердце, ее мужество и храбрость, ее абсолютная преданность делу справедливости привели ее в освободительное движение. И она отдалась этому движению целиком». В упоминаемой уже статье в «Правде» о французской интернационалистке Н. Нюрин отметил: «Деятельное участие принимает тов. Лябурб в событиях 1905 г.».

Думается, что 1905 год был переломным в становлении Жанны как революционерки. И неудивительно. Говоря словами В. И. Ленина, «каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий — году «мирного» «конституционного» развития» [1].

Жанна воочию увидела мощный размах борьбы широчайших народных масс, поднятых к сознательному революционному творчеству. Под ленинским революционным флагом вместе с русскими рабочими и крестьянами боролись против царизма и помещиков рабочие и крестьяне Польши, трудящиеся других национальностей России. Она на практике убедилась в правильности политической линии большевистской партии, в способности рабочего класса стать руководителем революции. И не сомневалась в том, что народная революция в России продолжает лучшие традиции Парижской коммуны.

Жанна Лябурб смело становится в ряды революционеров ленинской гвардии.

Интересные размышления об этом встречаем у С. И. Соколовской (Елены), лично знавшей Жанну по большевистскому подполью в Одессе. В воспоминаниях, помещенных в 1934 году в журнале «Борьба классов», С. И. Соколовская писала: «Революция 1905 г. закончила политическое формирование Жанны. Она становится большевичкой и принимает активное участие в революционной борьбе».

Итак, в народной революции 1905 года Жанна Лябурб участвует как боец большевистской партии. Но членом РСДРП она тогда еще не была, как ошибочно утверждают некоторые историки. Организационное оформление членства Жанны Лябурб в партии состоялось позже.

1905 год закончился для Жанны Лябурб высылкой из Польши, входившей в то время, как известно, в состав царской России. Власти решили избавиться от опас-

[1] Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 9.

ной иностранки, досье которой в полицейской охранке неотвратимо разбухало.

«Однако Жанна Лябурб отныне крепко связана с русской революцией,— читаем мы в воспоминаниях С. И. Соколовской.— Недолго пробыв во Франции, она снова возвращается в Россию и *непрерывно участвует в революционной работе,* одновременно работая над собой, пополняя свои знания» (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

К сожалению, это практически все, что мы можем сказать о целом десятилетии в жизни Жанны Лябурб: с конца революции 1905—1907 годов до 1917 года. Почти никаких документов о ее деятельности в этот период пока не найдено. Все же, думается, что они сохранились, со временем будут непременно обнаружены и прольют свет на малоизвестные страницы жизни славной француженки.

Первой ласточкой на этом пути можно считать публикацию Л. М. Зак в 1977 году ранее неизвестной фотографии Жанны Лябурб. Около семидесяти лет снимок бережно хранили как семейную реликвию дальние родственники Лябурб в Париже. Вдова племянника Жанны, Анри Лябурба, прислала фотографию в Советский Союз накануне столетия со дня ее рождения.

Фотография датируется 1908 годом. На ней Жанна среди своих учениц. Красивая, с задумчивым глубоким взглядом. Знакомое по более поздним фотографиям одухотворенное, с удивительно мягкими чертами, но волевое лицо, характерный овал полных, плотно сжатых губ. В левой руке — раскрытая книга, на цепочке — карандаш. Рядом — семь симпатичных девчоночьих лиц. Что-то неуловимое роднит юных девочек с их наставницей, чувствуется, что Жанна близка и дорога им. Обращает на себя внимание и такая деталь. Снимок сделан в комнате, и все девочки легко одеты, а Жанна — в плотно застегнутом пальто и шапочке. Будто присела перед дорогой, прощаясь со своими ученицами.

Л. М. Зак предположила, что снимок сделан в Томашове. Вполне возможно, однако скудность сведений о жизни Лябурб в это время не дает оснований категорически утверждать это.

И хотя период жизни Жанны Лябурб между 1905 и 1917 годами практически не документализирован, сегодня мы твердо знаем, что все эти годы Жанна Лябурб не отходила от революционной борьбы. Ведь не случайно С. И. Соколовская свидетельствовала, что она *не-*

прерывно работает на революцию. Да и Н. Нюрин писал в 1919 году: *«Последние годы она целиком уходит в партийную работу* в рядах нашей партии» и называл Жанну *«старым работником русского подполья»* (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

Известно также, что Лябурб была вторично выслана за пределы царской России. Может, это случилось в годы нового революционного подъема 1910—1914 годов? По крайней мере, не приходится сомневаться в том, что причиной и второй высылки была большевистская деятельность. И снова Лябурб через некоторое время возвращается в Россию, ставшую для нее второй родиной.

Главное же, что убеждает нас в неизменной верности Жанны идеалам большевизма,— это сама логика ее жизни, жизни, революционный накал которой неудержимо нарастал по мере приближения социалистической революции.

Великий Октябрь застал Жанну Лябурб в Москве, где она работала учительницей. И Жанна с головой окунулась в борьбу за его идеалы, за новую жизнь. Она ждала революцию, верила в ее неотвратимость, многие годы работала во имя ее победы.

Лябурб сразу же выдвинулась в ряд видных деятелей интернационалистского движения в защиту Страны Советов. И это еще одно свидетельство того, что вызванный революцией к активной жизни ее талант политического бойца и организатора был отточен многолетней работой в большевистском подполье, когда она формировалась как профессиональный революционер ленинского типа.

Письма к Ленину

> Август, 19. Ленин беседует с французской интернационалисткой Ж. Лябурб о создании организации английских и французских интернационалистов и задачах их деятельности на территории Советской России...
>
> *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника*

Когда Жанна Лябурб написала свои письма В. И. Ленину? Ответ на этот вопрос необходим не только потому, что он прольет свет на яркую страницу жизни героической интернационалистки, обогатит биографию славной француженки. Главное состоит в том, что рука Владимира Ильича прикасалась к этим письмам, он читал их, а на одном из них даже сделал собственноручную приписку. Таким образом, это исторические документы, вошедшие в бессмертную Лениниану. И точное датирование их — дело чести, гражданский долг историков.

Известны два письма Жанны Лябурб В. И. Ленину. Оба они хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и впервые были опубликованы в 1961 году исследователем Л. И. Жаровым в журнале «Исторический архив». Подготовитель публикации высказал тогда предположение, что первое из них было написано вскоре после создания англо-французской коммунистической группы РКП(б), то есть после 30 августа 1918 года, а второе — в конце 1918 — начале 1919 годов. Видимо, сознавая, что предложенная им датировка писем далека от точности, Л. И. Жаров выразил надежду, что в дальнейшем советским историкам удастся уточнить даты этих документов.

На протяжении двадцати лет предпринималось несколько попыток в этом направлении. Так, профессор Л. М. Зак в 1968 году заявила, что письма написаны «не позднее, чем летом 1918 года». Эта датировка оказалась относительно правильной и стала прочной основой для последующего исследовательского поиска. Однако и она нуждалась в дальнейшем уточнении. В авторитетном издании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — 6-м томе ленинской Биографической хроники, вышедшем в свет в 1975 году, получение Владимиром Ильичем вто-

рого письма Жанны Лябурб было отнесено к концу января 1919 года.

Эти расхождения объяснялись тем, что не был осуществлен и опубликован тщательный научный анализ содержания писем. Не сделал этого и автор настоящего издания при подготовке к печати книги «Жанна Лябурб», вышедшей в свет в 1977 году. Но уже тогда появилась уверенность, что письма Лябурб к Ленину неразрывными нитями связаны со встречей француженки с Владимиром Ильичем, состоявшейся 19 августа 1918 года, и во времени тесно примыкают к ней. Уже тогда было ясно, что датировки писем, предложенные Л. И. Жаровым и составителями 6-го тома Биохроники, неверные. Однако догадки, интуитивные выводы требовали обстоятельной научной аргументации, комплексного анализа документов, подтверждения фактами.

Ныне автор готов к такой работе и посвящает ей эту главу.

Жанна любила Александровский сад. Наверно, потому, что он живописно раскинулся близ дорогих ее сердцу древних зубчатых стен и величественных башен Кремля, ставших за годы жизни в России, в Москве, близкими ей, словно живые существа. Жанна с болью смотрела на Никольскую башню, которая сильно пострадала от артиллерийского огня в дни октябрьских боев 1917 года. Говорили, что ремонтно-восстановительные работы, ведшиеся на ней с мая 1918 года, начаты по личному указанию Ленина. Лябурб не сомневалась, что в действительности так оно и есть. «Достойные символы великой души великого народа, неудержимого в своей поступи»,— думала Жанна о кремлевских башнях и стенах. А может, любила Жанна сад еще и потому, что этот зажатый брусчаткой зеленый островок так пышно зеленел и благоухал под солнцем. В свободную минуту она входила в его прохладу и не спеша прогуливалась по аллеям сада. А иногда, шаловливо оглянувшись вокруг,— не смотрит ли кто,— подбегала по мягкой траве к Кремлевской стене и на мгновение прикладывала к ней ладонь. Даже в жаркие летние дни стена сохраняла в себе приятную прохладу. Не верилось, что сто лет назад на месте сада протекала Неглинная и громоздились земляные бастионные укрепления, возведенные еще по приказу Петра I. Теперь река

заключена в трубу, а вот остатки бастионов сохранились у Оружейной башни Кремля...

Миновав кованую решетку сада, Жанна переходила Манежную улицу и, остановившись вблизи величественного здания Манежа, в который раз восторженно любовалась панорамой. Она любила смотреть именно отсюда, казалось бы, с наименее удобного для осмотра места. Виднелась только предмостная Кутафья башня и верхняя часть проездной Троицкой, по цвету сливавшаяся со стеной. Да и сами зубцы стены только кое-где просматривались из-за зеленой завесы сада. Но как чудесно пламенели они, высвеченные заходящим солнцем!

Какого цвета Кремлевская стена? Тут не ограничишься названием одного из цветов радуги. Недаром ведь русские говорят: кирпичный цвет.

Жанна повернулась лицом к Манежу. Построенный ровно за сто лет до эпохального семнадцатого года в стиле ампир, он встретил свой юбилей под свист пуль, когда московский пролетариат под руководством большевиков с оружием в руках устанавливал в городе Советскую власть. Расположение Манежа возле Троицких ворот сделало его важным стратегическим пунктом в борьбе за Кремль.

С первых дней восстания Манежем овладели юнкера и казаки, удерживая его до последней минуты. Вечером 2 ноября * сюда отступили юнкера, выбитые из Кремля. Не имея ни малейшего шанса на победу, они все же отстреливались с фанатизмом обреченных, пытаясь хоть на мгновение отсрочить неминуемое поражение... Иссеченный пулями Манеж мрачно возвышался, будто недовольный тем, что довелось быть пристанищем для юнкерства.

Жанна пересекла Манежную площадь в направлении университета, повернула влево по Моховой и, обогнув на углу четырехэтажное с куполом здание, вышла на Воздвиженку. Здесь в двадцатом номере находится клуб «Третий Интернационал». Воздвиженка, 20. Адрес, который стал для нее привычным. Дом выходит окнами на Арбатскую площадь. В октябрьские дни площадь стала оплотом юнкеров, оборонявших подступы к Александровскому военному училищу — основной базе московской белогвардейщины, штабу контрреволюции. На подходе к училищу были вырыты окопы, установлены орудия, оборудованы пулеметные гнезда. Площадь так-

---

* По старому стилю.

же имела вид укрепленного лагеря. Баррикада, окоп, проволочные заграждения пересекали ее, перекрывая подступы со стороны Никитского бульвара и Поварской. На углу улиц, выходивших на Арбатскую площадь, патрулировали вооруженные юнкерские посты. У помещения трамвайной станции зловеще ощетинилось стволом орудие. Напротив дома, где разместился клуб, в ресторане «Прага» засел отряд юнкеров, там был и склад оружия. У проезда Никитского бульвара, в Художественном электротеатре стояли наспех сформированные уже в октябре белогвардейские отряды. Все это было смято, уничтожено силой революционного народа. Красногвардейцы Хамовническо-Дорогомиловского района пошли в наступление 28 октября. Им помогали солдаты 193-го полка и красногвардейцы Замоскворецкого района. Шли ожесточенные бои за освобождение Арбата, Воздвиженки и Манежа. Поступь революционных отрядов была нелегкой, но неумолимой, как ход истории. 2 ноября были подавлены последние очаги контрреволюции — штаб Московского военного округа и Александровское военное училище. Здесь, на Арбате, а также на Воробьевых горах сражался в октябрьские дни и черногорский революционер Вукашин Маркович, ее муж.

Клуб «Третий Интернационал» — это и ее, Жанны, детище.

После победы социалистической революции в октябре 1917 года все помыслы Жанны были связаны с молодой Страной Советов. Она с напряженным вниманием следила за каждым ее шагом, прислушивалась к мощному пульсу государства победоносного пролетариата.

Память Жанны сохранила каждую строчку декрета Совнаркома, опубликованного 22 февраля 1918 года в «Правде». Немецкие полчища оккупировали Латвию и Эстонию, топтали землю Украины. Враг угрожал Петрограду. «Социалистическое Отечество в опасности! Да здравствует социалистическое Отечество!» — гремели набатом слова, отдавались болью в сердцах, звали к борьбе. В те дни особенно обострилось чувство, ни на минуту не покидавшее ее после победы Октября,— чувство неудовлетворенности собой. Учительская работа, страстные разговоры с соотечественниками о необходимости поддержки Страны Советов — все это казалось ничтожно малым по сравнению с теми задачами, которые стояли перед Советской Россией.

Социалистическая Отчизна, которую Жанна считала

своей второй родиной, вела смертельную борьбу с врагом. Рождалась Красная Армия. Миллионы мозолистых рук взялись за винтовки. Жанна знала, что среди них и трудовые руки зарубежных граждан, которые волею судьбы оказались на территории Советской Республики.

Военнопленные, эмигранты, беженцы, отходники-ремесленники, миллионы иностранцев стали очевидцами Октябрьской революции. Лучшие из них восприняли ее как свое кровное дело и с оружием в руках стали в ряды защитников завоеваний Октября. Их назвали красивым, мелодичным и громким словом — интернационалисты. На всех языках оно звучит гордо, призывно. В Москву доходили слухи о героическом вооруженном участии интернационалистов в боях против немецких войск на Украине, в других районах великой страны.

В прошлую пятницу, 2 августа, в помещении Коммерческого института на митинге Варшавского революционного полка, состоявшего из поляков-добровольцев, перед отправкой его на фронт выступал Ленин. На следующий день Жанна купила «Вечерние известия Московского Совета» с газетным отчетом о речи Владимира Ильича и не раз уже читала своим товарищам подчеркнутые ею ленинские слова: «Теперь осуществляется союз революционеров различных наций, о чем мечтали лучшие люди, настоящий союз рабочих, а не интеллигентских мечтателей.

...Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи и, борясь вместе с вчерашними врагами по фронту — германцами, австрийцами, мадьярами, на деле осуществлять интернациональное братство народов» [1]. Какой страстной, мобилизующей силы слова! Они яркой вспышкой ворвались в сознание Жанны и звучат, не утихая, вот уже несколько дней. Не уподобляется ли и она, Жанна Лябурб, тем «интеллигентским мечтателям», которые больше прожектируют, нежели работают? Такого рода размышления о более активной и полезной работе не оставляют Жанну. Ее соотечественников в Москве слишком мало, чтобы они оказали Стране Советов хоть какую-нибудь вооруженную помощь. Однако они должны постоянно выказывать свою морально-политическую поддержку Советской Республике! Для этого и работает клуб «Третий Интернационал». Все же пришло время, Жанна в этом уверена, пришло время организовать французскую коммунисти-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 26.

ческую группу. К тому же они могут объединиться с английскими товарищами.

Иностранные коммунистические группы РКП(б) вот уже несколько месяцев возглавляют интернационалистское движение зарубежных трудящихся в защиту Страны Советов. Весной их было пять: венгерская, румынская, немецкая, югославянская и чехословацкая. В те майские дни ее муж, Вукашин Маркович, приходил домой озабоченный, но веселый и возбужденный. Шли последние приготовления к организации югославянской группы. А к средине мая она уже была создана. Группа заявила, что «считает себя секцией Российской Коммунистической партии (большевиков)», что теоретически и практически стоит на платформе РКП(б), подчиняется ее решениям, признает единую партийную дисциплину. Принципиально такие же решения приняли и другие группы. Тогда же, в мае, они объединились в Федерацию иностранных коммунистических групп РКП(б), которая стала их верховным органом. Федерацию возглавил известный венгерский интернационалист Бела Кун.

Каждая группа направила в Федерацию двух своих представителей, и Вукашин Маркович тоже вошел в руководящий орган иностранных групп. В июле он был избран председателем группы и редактором газеты «Всемирная революция», выходившей с 8 июня на сербохорватском и русском языках. Жанна была рада за мужа и... немного завидовала ему. Весной они не могли и мечтать о создании французской группы. Недостаточно прочными были связи между французскими гражданами, проживающими в Москве, не было ядра активистов.

Но Жанна не могла сидеть сложа руки. Слабые связи между французами — значит, их нужно укрепить; нет ядра активистов — необходимо создать его. Хорошо бы организоваться для ведения культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работы хотя бы в рамках клуба иностранных интернационалистов. Это сплотило бы ее соотечественников. Своими мыслями она поделилась с Марковичем, товарищами. Те активно поддержали Жанну.

Так летом 1918 года возникла идея образования клуба интернационалистов «Третий Интернационал». Уже самим названием они хотели подчеркнуть свою причастность к революционной борьбе за ленинскую идею создания III, Коммунистического Интернационала. Такими помыслами жили все иностранные коммунисты. Федерация иностранных коммунистических групп одной

из важнейших задач считала сплочение всех коммунистов-иностранцев «для общей борьбы против социал-демократов-соглашателей, объединение их в III, Коммунистический Интернационал».

Интернационалистам пошли навстречу в городском комитете партии, помогли средствами, литературой. Выделили помещение в центре города, вот здесь, на Воздвиженке, 20. Жанну избирают членом бюро клуба. С присущей ей энергичностью она берет на себя значительную часть организационных забот, выступает инициатором культурно-просветительной работы. Вечером ведет занятия французской секции клуба, объясняет политику большевистской партии, рассказывает о внутреннем и международном положении Советского государства. А возвратившись домой, еще часами просиживает над трудами Маркса, Энгельса, Ленина. Она стремится дать своим слушателям основы революционной теории, справедливо полагая, что только таким путем возможно приобщение все новых и новых борцов к борьбе за дело социалистической революции. Постепенно клуб «Третий Интернационал» стал своеобразным очагом агитационно-пропагандистской работы среди французских интернационалистов, ячейкой их организационного сплочения.

И все же Жанна была убеждена, что сделала для революции слишком мало. А значит — все впереди! Она должна внести свой скромный вклад в дело трудящихся Страны Советов! Главное — борьба! Per aspera ad astra! — Через трудности — к звездам! Так думала она — дочь коммунара, боец Октябрьской революции.

В своем выступлении несколько дней назад на митинге в Бутырском районе Москвы Ленин напомнил о героической Парижской коммуне.

— В 1871 году,— говорил он,— буржуазия свергла власть парижских рабочих. Но тогда мало было сознательных рабочих, мало было революционных бойцов. Теперь за рабочими идет беднейшее крестьянство и теперь уже не удастся восторжествовать буржуазии, как это удалось ей в 1871 году.

— Наступает последний и решительный бой,— спокойно и твердо сказал тогда Ленин.

Обостренное внимание Жанны отметило, что эти слова как бы пришли в ленинскую речь из «Интернационала». Конечно, Владимир Ильич мог и не думать об этом: он просто выразил мысль, как всегда, лапидарно и емко. Однако Лябурб постоянно гордилась тем, что слова

и музыка «Интернационала» написаны ее соотечественниками — Потье и Дегейтером. Вот уже свыше десяти лет, начиная с IV съезда РСДРП, он является общепризнанным партийным гимном русской революционной социал-демократии, большевиков. «Интернационал» пели стоя делегаты II Всероссийского съезда Советов после принятия первого ленинского декрета — Декрета о мире. А в январе 1918 года, на открытии III Всероссийского съезда Советов, «Интернационал» был исполнен как Государственный гимн первой в мире социалистической республики.

Лябурб усматривала в этом еще одно символическое подтверждение революционной преемственности между страной Парижской коммуны и страной Великого Октября.

До начала занятий французской секции оставалось около получаса. Сегодня прийдут новые люди — несколько сотрудников и солдат французской военной миссии. Жанна на свой страх и риск вела работу среди них за пределами клуба, и со временем некоторые товарищи из миссии стали постоянными посетителями занятий секции. Жанна села к столу, придвинула к себе газеты, быстро их просмотрела. Потом развернула один из последних номеров «Правды». Газета вышла со страницей-вкладышем. В глаза бросался лозунг: «Товарищи коммунисты! Одно из сильнейших орудий против наших врагов, врагов рабочих и бедноты — массовая печатная агитация.

Распространите в миллионах экземпляров воззвания, напечатанные на этом листе. Подымите на борьбу против врагов народные массы с самого дна!»

Далее говорилось о необходимости разгрома контрреволюционного мятежа Чехословацкого корпуса, о борьбе против смертельного врага революции — голода. Жанна остановила взгляд на словах, адресованных тем, кто хотел остаться в стороне от ожесточенной борьбы, прятался в скорлупу обывательщины, проповедуя лозунг: «мое дело сторона».

«Нельзя больше говорить: Украина, ах, это далеко! Мурман — еще дальше! Меня-то гроза минует... Со всех сторон метят коварные враги в самое сердце Советской России — в Красную Москву».

Воззвание заканчивалось пламенным призывом: «К оружию, рабочие и крестьяне!»

Жанна откинулась на спинку кресла. Только теперь она поняла, что особенно привлекло ее внимание в этом воззвании — Мурман. Вначале марта в мурманском порту высадился первый интервенционный английский десант, позже туда был направлен американский крейсер. А 18 марта в Мурман прибыл французский крейсер «Адмирал Об». Ее соотечественники — рабочие и крестьяне в оккупационных солдатских шинелях — топтали землю советского Севера, душили священное дело своих братьев по классу — рабочих и крестьян Страны Советов. У Жанны не было сомнений: французские солдаты и матросы обмануты заправилами Антанты. Организаторы интервенции с упрямством маньяков вбивают им в голову, что высадка десантов диктуется «необходимостью» помочь «союзникам» в борьбе против «немецкой опасности» для России.

Вернуть зрение ослепленным империалистической пропагандой, донести до них правду об Октябре, о большевиках — задача, решение которой Жанна не представляла без своего личного участия.

Вот и в этом номере «Правды» небольшая заметка: «На Мурмане. Англо-французские патрули видны всюду. На всех железнодорожных станциях Мурманской железной дороги находятся англо-французские коменданты, которые проявляют особую жестокость по отношению к русским железнодорожникам». Что ж, с этого и начнем занятия...

Она так и начала — с чтения заметки. Затем взволнованно говорила о том, что Мурман — это только одно, хотя и первое, звено интервенционной цепи, сомкнутой Антантой вокруг Советской Республики. В конце мая Антанта спровоцировала мятеж Чехословацкого корпуса против Советской власти, который окрылил внутреннюю контрреволюцию. Кулаческие выступления вспыхнули в Сибири, на Урале, в Поволжье. Японские и американские империалисты активно помогают чехословацким мятежникам на Дальнем Востоке. Англичане вторглись в Туркестан и Закавказье. Именно поэтому 29 июля 1918 года на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы по докладу Ленина была принята резолюция, которая признала социалистическое Отечество в опасности.

— В нашей памяти,— голос Жанны выдавал волнение: она переживала каждое сказанное слово,— еще свежо воспоминание о мятеже эсеров тут, в Москве, мя-

теже в Ярославле, антисоветских сговорах в других городах. Контрреволюция пытается подорвать Советскую власть изнутри. Республика Советов — в чрезвычайно тяжелом положении. Мы не можем, не должны оставаться в стороне от борьбы!

Жанна снова возвратилась к самому больному: о Мурмане. Она показала товарищам листовку, недавно выпущенную издательством ВЦИК: «Чего хотят англичане, французы, которые идут против нас войной?» Прочитала несколько строк: «Спросите рабочих Англии и Франции: рабочие, братья, чего вы хотите?

Они скажут: мы хотим мира, мы ненавидим войну, но нет еще силы у нас, чтобы сбросить тех, кто посылает нас на бойню!

Чего же хотите вы, король, президент, лорды и герцоги, купцы и банкиры, помещики Америки, Англии, Франции, Японии?

— Ха-ха-ха! Чего мы хотим? Мы хотим сожрать вас, мы хотим захватить ваши леса на севере, ваши порты, ваши дороги.

Мы хотим лен и конопли, лес и хлеб, все, чем богата ваша страна, медь и железо, свинец, серебро, платина, золото,— все мы хотим захватить...».

Жанна уже несколько дней работала над обращением к солдатам и матросам оккупационного десанта в Мурмане. Сейчас она говорила о необходимости подготовки и издания нескольких таких обличительных документов. Кроме того, следует отправить в Мурман в ближайшее время нескольких пропагандистов — английских и французских интернационалистов. Они начали совместное обсуждение проекта обращения к солдатам Мурмана...

Сегодня день рождения Вукашина. Жанна намеренно вышла из клуба одна, без него. Она давно задумала раздобыть к этому событию цветы. Сделать это не так просто в голодной Москве. К тому же Жанна мечтала о только что сорванных, еще налитых соками земли гладиолусах. Она не ошиблась, когда обратилась за помощью к своему юному соотечественнику, восемнадцатилетнему Анри Барбере.

— Цветы для Вукашина? Добуду из-под земли. Назовите время и место доставки, мадам.— Он весело и озорно блеснул глазами.

Под землей или еще где-то достал Анри цветы, но

вот он стоит торжественный, улыбающийся на углу Никитского бульвара и Воздвиженки с игристо-солнечным букетом нежно-розовых и пурпурных гладиолусов.

— Прошу,— Анри элегантно поклонился.

Приняв букет, Жанна на мгновение даже зажмурилась от избытка радостных чувств. На вопрос, где удалось достать такие изумительные цветы, Анри засмеялся, сказал только, что был в Люблино.

— Люблино?.. Так это же окраина города! И ехать, кажется, железной дорогой верст десять.

Жанна знала, что Люблино славится прекрасным садом с оранжереями.

Вукашину сорок четыре года. Много ли это? Жизнь измеряется не только прожитыми годами, но и прежде всего сделанным для революции. Вукашин уже немало успел сделать, и многое еще у него впереди.

Он иногда рассказывал Жанне о своей жизни, а она была благодарным слушателем, близко к сердцу принимала все, что случалось на жизненном пути Марковича, таком нелегком, но богатом на яркие события, встречи. Его родиной была Черногория, он, как и Жанна, родился в крестьянской семье. Как и она, восемнадцатилетним оставил семью и приехал в Россию. И вот уже почти четверть века его жизнь неразрывно связана с жизнью второй родины. Крестьянский сын, он мечтал стать врачом и получил высшее медицинское образование в Киеве и Харькове. А практический опыт пришлось приобретать не при лечении больных, а на кровавых дорогах войны. Много их отмерял Маркович! В 1912—1913 годах он принимал участие в Балканской войне в частях Красного Креста Сербской армии. В 1914 году Вукашин — военный врач русской армии на Юго-Западном фронте. В том же году был арестован в Ивангороде за большевистскую агитацию среди солдат. Маркович сотрудничал с большевиками со времени создания большевистской партии, с 1903 года, за что не раз имел дело с царскими властями. Он считал своим прямым долгом агитацию за ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую.

После Февральской революции Марковича избирают в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1917 году он встречался с Лениным, а затем бывал на фронте как большевистский агитатор. Накануне октябрьский боев, в разгар революционных событий, Маркович прибыл из Петрограда в Москву. С оружием

в руках сражался за установление Советской власти в городе.

После победы Октября Маркович ведет широкую агитацию среди военнопленных за их вступление в Красную Армию. Поскольку его слово никогда не расходилось с делом, пламенный интернационалист личным примером подкреплял свою агитационную работу. В начале 1918 года Вукашин вместе с арсенальцами принимал участие в боях против войск буржуазной Центральной рады в Киеве. Потом на разных фронтах гражданской войны он организовывал интернациональные отряды и командовал ими.

Уже после выхода в свет предыдущей книги о Жанне Лябурб автор занимался поисками оригинальных материалов о Вукашине Марковиче. Найти удалось немного, зато новые документы добавляют яркие штрихи к облику югославянского интернационалиста. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС обнаружен партийный билет Вукашина Марковича за № 5033 — «члена Московской организации Городского района». В графе о вступлении в ряды РКП(б) значится январь 1918 года. Тут же, на первой странице, четко просматривается штамп: «Зарегистрирован в счетной Комиссии при Политическом Управлении Р. В. С. Р.». Это важное свидетельство активной политической работы Марковича в Красной Армии. На следующей странице, отведенной для отметок об уплате членских взносов, крупными буквами, от руки записано, что партвзносы платит через югославянскую коммунистическую группу, членский билет № 1.

Большой интерес представляют анкеты, заполненные Вукашиным в 1920—1921 годах. Они свидетельствуют о том, что мужественный черногорец считал себя в партии «с самого начала». На вопрос: «Какой организацией первоначально принят в РКП»,— отвечал: «Украинской». Как мы уже знаем, в начале 1918 года Маркович сражался за идеалы революции в Киеве вместе с арсенальцами. Он особо подчеркивал, что в партию его рекомендовали рабочие.

Вопрос анкеты: Какая основная профессия?

Ответ Марковича: Лектор, агитатор, доктор медицины, врач ветеринарии.

Итак, сначала профессия по партийному призванию, затем — по образованию.

Вопрос анкеты: Владеете ли недвижимостью (надел земли, дом) или средствами производства и где?

Ответ Марковича (с присущим ему юмором): Не имею своей ни ложки, ни кошки.

В анкете спрашивалось о составе семьи, и Вукашин, затая боль тяжелой утраты любимой жены, гордо отвечал: «Моя семья — пролетариат всего мира» *.

...Но пока они вместе. Энергичный, бодрый, неутомимый, полный жажды деятельности, кипуч в работе — таким Жанна привыкла видеть Вукашина, таким она его любила.

Ее взгляд остановился на букете — Вукашин будет рад. Жанна легонько прижала цветы к груди и ускорила шаг.

Готовясь к очередному занятию в клубе «Третий Интернационал», Жанна еще раз просмотрела газетные отчеты о последних речах и выступлениях Владимира Ильича перед трудящимися. Вот уже второй месяц она собирает эти газеты, вчитывается в ленинские слова, чтобы не пропустить ни одной его мысли. Это стало и привычкой, и необходимостью. Она уже имеет десять газет с отчетами о выступлениях Ленина в июле—августе 1918 года. Каждый, кто слушал его, как бы держал руку на тревожном пульсе событий, преисполненный не тревогой, а силой и уверенностью в победе. Слова Ленина были пронизаны грозной правдой об огромных трудностях и задачах, стоящих перед Страной Советов, и в то же время непоколебимой верой в их преодоление и решение именно этими людьми в рабочих спецовках, поношенном солдатском обмундировании, перепоясанных крестьянских рубахах, которые, затаив дыхание, слушают вождя.

— Смотрите в лицо опасности! — говорил он им.— У нас повсюду враги, но у нас есть и новые союзники —

---

* Несколько слов о судьбе Вукашина Марковича. Он тяжело перенес известие о трагической гибели жены. Однако железный характер бойца-революционера не сломился. Маркович до последних дней жил идеалами, за которые отдала жизнь Жанна Лябурб.

Он активно борется за создание Коминтерна, много работает во имя его дела. Потом уезжает на родину, и в 1921 году принимает участие в руководстве крестьянским восстанием в Черногории. После подавления восстания был арестован и брошен в тюрьму. Летом 1926 года Марковичу посчастливилось приехать в Советский Союз. В 30-х годах он работал в Академии наук в Москве, был членом интернационального землячества. Умер в 1943 году. Вукашин Маркович вошел в историю как деятель российского революционного и международного коммунистического движения.— *В. М.*

пролетариат тех стран, где еще ведется война. У нас есть союзники и внутри — огромная масса беднейшего крестьянства, которая пойдет сплоченными рядами с городским пролетариатом.

В. И. Ленин указывал на важнейшее орудие созидания нового мира — Советскую Конституцию.

— Все существовавшие до сих пор конституции стояли на страже интересов господствующих классов,— разъяснял он.— И только одна Советская Конституция служит и будет постоянно служить трудящимся и является могучим орудием в борьбе за осуществление социализма.

Жанна вспомнила, как в прошлом месяце проходило занятие, посвященное первой Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов и опубликованной 19 июля. Они долго и оживленно говорили о ее истинно народной сущности, о том, что по предложению Ленина в текст Конституции РСФСР в качестве ее вводного раздела была включена «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», добавлена статья о равноправии национальностей и рас в Советской Республике, сформулированы статьи о политических правах иностранцев, проживающих на территории Страны Советов для трудовых занятий, и о предоставлении права убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за политические и религиозные убеждения.

В тот день кто-то принес на занятие потертый экземпляр буржуазно-монархической газеты «Новое время», вышедший незадолго до Октябрьской революции. Принес и, не скрывая возмущения, прочитал вслух: «Допустим на минуту, что большевики победят. Кто будет управлять нами тогда? Может быть, повара, эти знатоки котлет и бифштексов? Или пожарные? Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседание Государственного совета в промежутке между стиркой пеленок? Кто же? Кто эти государственные деятели? Может быть, слесари будут заботиться о театрах, водопроводчики — о дипломатии, столяры — о почте и телеграфе?.. Будет ли это? Нет! Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история». Никчемный ум автора, который тщился быть на «ты» с историей, наверно, упивался тогда «утонченностью» и «убийственной силой» своего «таланта». Отвечая на патетические вопросы горе-пророков, история мимоходом смяла их самих...

Как хорошо, что в небольшой библиотеке клуба Жанна бережно хранила двойной номер журнала «Просвещение», вышедший в Петрограде в октябре 1917 года! Там была опубликована статья Владимира Ильича «Удержат ли большевики государственную власть?». Еще тогда, до победы Октябрьской революции, Ленин твердо и неоднозначно ответил в ней идеологам буржуазии и ее меньшевистско-эсеровским трубадурам:

— Не пугайте, господа, не запугаете! Большевики, передовые рабочие готовы немедленно принять на себя государственное управление страной и до конца удержать свою Советскую власть, используя ее для полного освобождения трудящихся от всякой эксплуатации.

Переход управления государством в руки пролетариев, трудящихся даст такой невиданный в истории революционный энтузиазм масс, умножит во столько раз народные силы в борьбе за новую жизнь, что многое кажущееся невозможным станет осуществимым для миллионов трудящихся, начавших работать на себя, а не из под палки на капиталистов и помещиков.

Гениальное ленинское предвидение сбылось полностью. Об этом в клубе говорили горячо, страстно. Разве они не были очевидцами гигантских социальных преобразований в стране Октября, разве они на собственном опыте не убедились в неисчерпаемости творческих сил народа, который, завоевав Советскую власть, стал непобедимым?! Тогда она закончила занятия словами из ленинской речи на митинге в Хамовническом районе 26 июля: «...Советская конституция, создававшаяся, подобно Советам, в период революционной борьбы,— первая конституция, провозгласившая государственной властью — власть трудящихся, устранившая от прав эксплуататоров — противников строительства новой жизни. В этом главном ее отличии от конституций других государств и есть залог победы над капиталом» [1].

Слова, на которые Жанна собиралась обратить внимание своих слушателей сегодня, помнились хорошо, она сама присутствовала на многотысячном митинге трудящихся Сокольнического района Москвы, состоявшемся в пятницу вечером 9 августа на Сокольническом кругу. Чтобы не нарушить логику ленинской мысли, Жанна сделала выписку из газеты «Известия ВЦИК»: «Русская революция бросила искры во все страны мира

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 534.

и еще ближе подвинула к краю пропасти зарвавшийся империализм.

Товарищи, тяжело наше положение, но мы должны преодолеть все и удержать в своих руках знамя социалистической революции, поднятое нами.

Рабочие всех стран смотрят на нас с надеждой. Вы слышите их голос: продержитесь еще немного, говорят они. Вы окружены врагами, но мы придем к вам на помощь и общими усилиями сбросим, наконец, в пропасть империалистических хищников.

Мы слышим этот голос и мы даем клятву: да, мы продержимся, мы будем биться на своем посту изо всех сил и не сложим оружия перед лицом наступающей на нас мировой контрреволюции!»[1].

...В следующий раз Жанна остановилась на вопросе о международной пролетарской солидарности с трудящимися Страны Советов, о чем неоднократно говорил и писал Ленин в своих выступлениях и статьях. Она сказала, что Советская Республика борется с врагами мирового пролетариата, что эта борьба имеет подлинно интернациональный характер, поэтому поддержка ее со стороны трудящихся всех стран будет возрастать. Речь идет прежде всего о миллионах трудовых людей, которые за рубежом все активнее выступают против империалистической интервенции в Советской России. Но большое значение имеет и борьба интернационалистов, которые с оружием в руках отстаивают Советскую власть на ее территории. Это тоже яркое и мощное проявление международной солидарности рабочего класса со страной победившего пролетариата, это тоже серьезная поддержка в ее борьбе против мирового капитала.

— Тысячи бывших военнопленных — венгры, немцы, чехи, словаки, сербы, хорваты — вступают теперь в ряды Красной Армии, чтобы защищать идеалы Октября,— говорила Жанна.— Наших соотечественников в Советской стране слишком мало, мы не можем ощутимо помочь ей таким путем. Наша действенная солидарность и поддержка — это прежде всего революционная агитация и пропаганда среди французских оккупационных солдат.

С волнением слушала выступления товарищей по секции, которые с гневом отбрасывали измышления организаторов антисоветской интервенции о том, что Советская власть будто бы заставляет военнопленных

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 43—44.

вступать в Красную Армию, что интернационалистское движение — это движение безыдейных, деклассированных элементов, «купленных» большевиками для установления с их помощью своего господства в России и во всем мире. В том разговоре им очень помогла статья председателя Федерации иностранных групп РКП(б) Бела Куна, опубликованная в «Правде» 4 августа. В ней был дан сокрушительный отпор империалистическим клеветникам. Бела Кун писал, что пособники империалистических палачей и контрреволюционных сил бесстыдно лгут с целью скомпрометировать зарубежных интернационалистов, которые на разных фронтах принимают участие в борьбе контрреволюции. «Незачем опровергать такую клевету,— подчеркивал он,— с этими сообщниками палачей можно говорить только языком оружия... Сознательные венгерские пролетарии плечом к плечу с сознательными немцами, сербами, румынами и т. д. будут и впредь бороться за мировую революцию и Советскую Республику... И сколько бы ни клеветали на нас,— как клятва звучал голос интернационалиста,— мы будем бороться за революцию, за единственное отечество всех стран».

Единственное отечество всех стран... Как хорошо и точно написал Бела Кун! Действительно, с победой Октябрьской революции, с рождением Советской Республики впервые в истории появилось отечество не только для народов России, но и для трудящихся всех стран. Социалистическая революция в России стала началом и предпосылкой мировой революции, ее надежным оплотом, она самой своей победой и каждым нелегким шагом революционизировала весь мир. Она укрепила веру рабочих всех стран в свои силы и способность выполнить историческую миссию могильщика капиталистического строя. Подобно гигантскому маяку она осветила международному рабочему классу путь к диктатуре пролетариата.

Так думала и так говорила Жанна. Она чувствовала, как вырос в последнее время теоретический уровень подготовки ее товарищей, как сплотились они в целостный коллектив. Одновременно усиливалось чувство неудовлетворенности тем, что они занимаются только самообразованием, крепло стремление к активным действиям на пользу Страны Советов. Они были готовы к этому, они имели для этого силы.

За окном клонился к закату долгий августовский день. Вот уже более часа Жанна, не приседая, меряет небольшую комнату короткими, решительными шагами. Это явный признак напряженной работы мысли. Нет, то время, когда она колебалась, писать или не писать Ленину, уже прошло. Решено окончательно: она напишет Владимиру Ильичу и попросит помощи. Сейчас Жанна снова и снова перебирала в памяти аргументы, которые заставили ее взяться за перо.

Прежде всего необходимо активизировать работу французских интернационалистов, вывести ее за пределы пропагандистского клуба «Третий Интернационал». Более они не могут ограничиваться пропагандой, которую ведут среди посетителей клуба, в то время, как французские империалисты вместе с английскими, американскими, японскими стремятся задушить молодую Республику Советов! Жанна знала, что 29 июля в речи на объединенном заседании ВЦИК В. И. Ленин, оценивая положение Страны Советов, говорил: «...мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас,— теперь уже стоит против нас англо-французский империализм» [1]. Так могут ли сидеть сложа руки англо-французские интернационалисты? Несомненно, их теперешняя работа тоже нужна, но разве она полностью отвечает требованиям грозного времени? Их устная и печатная агитация и пропаганда должны вестись среди обманутых солдат-соотечественников, которые интервентами пришли весной этого года на землю советского Севера, в Мурман. У них есть пропагандисты, есть литературные силы. И пламенное желание бороться за идеалы революции. Французские и английские интернационалисты могут и должны приносить значительно больше пользы Советской власти. Их работа может и должна быть действенней, эффективней, боевитей.

Первый шаг на пути воплощения замыслов, считала Жанна, состоит в организационном оформлении англо-французской коммунистической группы. Клуб «Третий Интернационал» стал ячейкой организационного сплочения французских и английских интернационалистов. Вокруг него собралось ядро активистов — около двадцати человек, которое станет крепким костяком группы.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 14.

Они должны встать в ряды Федерации иностранных групп.

Всюду, куда Жанна обращалась, соглашались с ее доводами, с тем, что интернационалисты, несомненно, могут быть полезными, однако дальше этого пока не шло. Вопрос не решался так быстро, как ей хотелось бы, а Жанна была уверена, что нельзя терять ни одного дня. Тогда и решила написать Ленину. Она бесконечно верила ему как вождю и человеку. Кроме того, Жанна знала, что Владимир Ильич весной этого года встречался с венгерскими, немецкими и австрийскими военнопленными, помог им в создании коммунистических групп, интересовался деятельностью интернационалистов.

Жанна бросила взгляд на чистый лист бумаги, белевший на столе. На нем написаны только два слова: «Товарищу Ленину». Отодвинув энергичным движением стул, села и на мгновение задумалась. Затем придвинула лист, взяла ручку и написала: «От секретаря франко-английской группы интернационалистов Москвы при клубе «III Интернационал», Воздвиженка, 20».

Вероятно, именно эти слова через сорок с лишним лет послужат исследователю Л. И. Жарову основой для неверной датировки письма: после создания англо-французской группы, то есть после 30 августа. И тут необходимо ответить на такой вопрос: могла ли Жанна Лябурб назвать себя секретарем франко-английской группы до того, как эта группа была организационно оформлена 30 августа? Нам кажется, могла. Процесс создания такой группы — дело не одного дня, не одной недели. И Жанна играла в нем важную роль. Именно у нее выкристаллизовалась идея создать англо-французскую коммунистическую группу по примеру других иностранных групп РКП(б). Являясь фактически руководителем организации англо-французских интернационалистов при клубе «Третий Интернационал», она вполне могла, тем более обращаясь с официальным письмом к В. И. Ленину, назвать себя секретарем группы.

...Дальше Жанна писала быстро, бросая на бумагу короткие энергичные фразы:

«После ряда бесплодных попыток мы решили просить Вас поинтересоваться нами. Я могла бы уже теперь передать Вам некоторые (наши) литературные опыты в дар делу, которому мы горячо хотим служить.

Я уже передала Комиссариату иностранных дел проект обращения к солдатам Мурмана.

Среди нас есть пропагандисты. Повсюду, куда я обращалась, меня уверяли, что мы могли бы быть полезны, но это все, чего я добилась».

Остановившись, Жанна подумала и медленно вывела: «Я могу еще работать без вознаграждения три недели». Л. М. Зак правильно отметила, комментируя эту фразу, что Жанна, которая в то время работала учительницей, видимо, в ущерб заработку много времени отдавала «хождениям по инстанциям». «Но обращаться к Вам непосредственно,— продолжала писать Жанна,— заставляет то, что я из-за формальностей теряю бесполезно время». И отведя взгляд от листа бумаги, подумала: еще необходимо сказать об узости работы в рамках клуба: «Пропаганда, которую мы можем испытывать на посетителях клуба, нас не удовлетворяет. К тому же, мы все — убежденные люди». Все. Подпись: «Жанна Лябурб. Клуб «III Интернационал», Воздвиженка, 20».

Теперь она будет ждать. Ответа, помощи, поддержки.

В. И. Ленин оценивал свое участие в деятельности иностранных коммунистических групп с присущей ему естественной скромностью. «Эта область работы,— говорил он на VIII съезде РКП(б),— знакома мне постольку, поскольку я имел возможность бегло просмотреть материалы иностранных групп»[1]. Однако документы неопровержимо свидетельствуют, что вся история интернационалистского движения в защиту Страны Советов неразрывно связана с именем вождя. Уделяя исключительно большое внимание деятельности иностранных групп, он не только глубоко знал героическую борьбу зарубежных интернационалистов за власть Советов, но и был ее организатором, идейным вдохновителем и руководителем.

В. И. Ленин внимательно относился ко всем направлениям деятельности зарубежных интернационалистов, оказывал им практическую помощь. Болгарский интернационалист Г. Добрев, например, вспоминал, что на одной из встреч с интернационалистами В. И. Ленин дал им «советы в проведении агитации, пропаганды и политико-воспитательной работы среди военнопленных».

Имя В. И. Ленина тесно связано с формированием

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 147.

интернациональных частей Красной Армии. Начальник оперативного отдела Народного комиссариата военных и морских дел С. И. Аралов писал, что с самого начала создания военных отрядов интернационалистов В. И. Ленин «очень интересовался этим движением и требовал подробных сообщений о количестве отрядов, их составе, численности». Он вникал во все детали этого процесса, «интересовался, с кого формируются военные части и их организатором».

Большое внимание уделял В. И. Ленин политической работе среди солдат оккупационных армий с целью революционизации их сознания. Успех этой работы в значительной мере зависел от проведения среди английских, французских и солдат других национальностей агитации на их родном языке [1]. Понятно, что в этом значительную помощь большевистской партии должны были оказать иностранные коммунистические группы РКП(б). В. И. Ленин лично наблюдал за политической работой в интервенционистских войсках, которая велась через брошюры, листовки, воззвания, печатавшиеся большевистскими организациями и иностранными группами. Так, в августе 1918 года он подчеркивал необходимость скорейшего издания литературы на немецком, французском, итальянском и английском языках.

В конце 1918 года в связи с организацией издания и распространения листовок среди войск Антанты и в местностях, захваченных интервентами и белогвардейцами, В. И. Ленин пишет в записке по этому поводу: «Надо больше и больше таких листков (*с французским, итальянским* и украинским переводами) *тотчас* послать *и на юг,* на Украину, навстречу англичанам» [2].

В. И. Ленин лично принимал участие в составлении листовки-обращения к солдатам Антанты «Зачем вы пришли на Украину?», которая была распространена среди солдат в первые же дни высадки интервентов в Одессе.

Заботился Владимир Ильич и о распространении таких листовок, агитационной литературы. Английский коммунист Д. Файнберг, который встречался с В. И. Лениным, в своих воспоминаниях рассказывает о конкретных указаниях и советах Владимира Ильича на этот счет. «Тов. Ленин,— пишет он,— всячески старался

---

[1] См.: Ленин В. И. Доклад на первом Всероссийском съезде трудовых казаков // Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 171.

[2] Ленин В. И. Записка об издании листков // Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 232.

объяснить нам до мельчайших подробностей, как нужно печатать, запаковывать и отправлять литературу, чтобы она могла пройти через самые прочные заграждения. Он, по-видимому, горел желанием передать нам, воспитанным в условиях исключительно легальной работы, свой огромный революционный опыт подпольной работы».

Об огромном внимании коммунистической партии, лично В. И. Ленина к деятельности иностранных групп свидетельствует тот факт, что Федерация иностранных коммунистических групп РКП(б) отчитывалась о своей работе VIII съезду партии, а Владимир Ильич в докладе на съезде отдельно остановился на анализе этого отчета и высоко оценил деятельность Федерации. Именно тогда с высокой трибуны партийного форума прозвучали известные ленинские слова о том, что работа иностранных коммунистических групп «составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии» [1].

Владимир Ильич особенно подчеркнул, что «целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики» [2]. Неоценимое значение для идейно-теоретического роста руководящих деятелей интернационалистского движения имели личные контакты В. И. Ленина с ними. Владимир Ильич отмечал, например, что Бела Кун не раз приходил к нему «...беседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции» [3]. Жена выдающегося венгерского интернационалиста Ирина Кун писала, что «Бела Кун всегда был связан с Лениным, и Ленин проявлял к нему постоянное внимание». С вождем встречались и беседовали болгарские интернационалисты Г. Михайлов (Добрев), С. Черкезов, румынские — М. Бужор, И. Дическу-Дик, чешские — И. Шнеберг, Ф. Каплан, венгерский интернационалист — Т. Самуэли. Принимал Владимир Ильич и французских интернационалистов. Это были Жак Садуль и Жанна Лябурб...

Известно, что встреча Ж. Лябурб с В. И. Лениным состоялась 19 августа 1918 года. В ленинской Биографической хронике об этом сказано следующее: «Ленин беседует с французской интернационалисткой Ж. Ля-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 148.

[2] Там же.

[3] Ленин В. И. Сообщение о переговорах по радио с Бела Кун // Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 232.

бурб о создании организации английских и французских интернационалистов и задачах их деятельности на территории Советской России, направляет ее к наркому иностранных дел Г. В. Чичерину с запиской, в которой просит принять Лябурб и поговорить с ней подробно».

Историки, к сожалению, еще по достоинству не оценили значение встречи. Вероятно, это объясняется тем, что мы знаем множество примеров необыкновенного ленинского внимания к людям, к его посетителям в грозные годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, когда Владимир Ильич был чрезвычайно загружен партийной и государственной работой. И все же встреча, о которой идет речь,— одна из ярчайших.

Она является еще одним убедительным свидетельством огромного внимания В. И. Ленина к развитию интернационалистского движения в защиту Страны Советов, к процессу создания иностранных коммунистических групп РКП(б).

Поистине партийный подход к этим вопросам полностью объясняет то, почему В. И. Ленин сразу же отозвался на просьбу Жанны Лябурб о помощи французским и английским интернационалистам. Председатель Совнаркома принял француженку в труднейшее для Советской страны время, когда он был предельно занят.

Судите сами. Республика Советов к лету 1918 года находилась в огненном кольце фронтов. Три четверти ее территории были оккупированы интервентами. В. И. Ленин так характеризовал сложившуюся тогда обстановку: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой» [1]. Пролетарский поэт Демьян Бедный всю тяжесть положения Страны Советов выразил в нескольких стихотворных строках: «Товарищи, мы — в огненном кольце! На нас идет вся хищная порода. Насильники стоят в родном краю. Судьбою нам дано лишь два исхода: иль победить, иль честно пасть в бою».

Тот понедельник 19 августа 1918 года был обычным рабочим днем В. И. Ленина, напряжение которого невозможно преувеличить. Как свидетельствует ленинс-

---

[1] Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. // Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 7—8.

кая Биохроника, в начале дня Владимир Ильич знакомится с телеграммой из Здоровца Орловской губернии о ходе борьбы с кулацким мятежом в Ливнах, организованным левыми эсерами; пишет ответную телеграмму Здоровецкому исполкому и Орловскому губсовету, указывает на необходимость соединить подавление кулацкого левоэсеровского мятежа с конфискацией всего хлеба у кулаков и с раздачей бедноте части хлеба даром. Он отправляет также телеграмму в Пензу, губисполкому и губкому партии, где высказывает возмущение отсутствием конкретных сведений о мерах подавления кулацкого мятежа и конфискации хлеба у кулаков, требует направить все силы на одну волость и изъять в ней излишки хлеба.

19 августа 1918 года В. И. Ленин телеграфировал: в Ташкент председателю СНК Туркестанской республики Ф. И. Колесову по поводу отправки хлопка; в Нижний Новгород члену Реввоенсовета Восточного фронта Ф. Ф. Раскольникову с предписанием следить «с утроенным вниманием» за снабжением Красной Армии на фронте под Казанью, ускорить посылку туда резервов, и требованием, чтобы борьба с белогвардейцами в Нижнем Новгороде велась без промедления и твердо; командующему Восточным фронтом И. И. Вацетису с одобрением предложения о награждении красноармейских частей, которые первыми войдут в Казань и Симбирск; в Орловскую губернию — чрезвычайному уполномоченному СНК по организации уборки урожая, наркому земледелия С. П. Середе об отправке ему бензина для вывоза хлеба, подчеркивая при этом необходимость собрать все излишки хлеба вначале в одной волости и дать этой волости большую премию.

На протяжении дня Владимир Ильич переписывается с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным по вопросу о переговорах с германским правительством, решает вопросы, связанные с упорядочением лесозаготовительного дела, прибытием в Пензу поезда Экспедиции заготовления государственных бумаг и др.

С 20 часов вечера В. И. Ленин председательствует на заседании Совнаркома, подписывает проект декрета об объединении всех вооруженных сил Советской Республики в ведении Наркомвоена, вносит правку в проект дополнения к декрету Совнаркома от 28 июля 1918 года о национализации промышленных предприятий, а после утверждения проекта подписывает его.

Под руководством В. И. Ленина Совнарком обсуж-

дает вопросы продовольственной политики и помощи пострадавшим от белогвардейцев и интервентов, проект постановления Наркомпроса о распространении льготной прибавки на учителей средней школы и ряд других важных вопросов.

И это еще не все. 19 августа В. И. Ленин принял несколько посетителей. Это были: председатель Чрезвычайной комиссии по производству предметов военного снаряжения Л. Б. Красин; финский социал-демократ журналист Ю. Латукка, комиссар Латышской стрелковой дивизии К. А. Петерсон. В. И. Ленин беседует также с американским социалистом журналистом и художником Р. Майнором, направляет его к Г. В. Чичерину с запиской, в которой просит обсудить предложение Майнора о поездке его и английского журналиста Ф. Прайса на Восточный фронт.

Еще раз убеждаешься, насколько беспредельными были ленинские заботы, неограниченным диапазон вопросов, которые ему приходилось решать. География его деятельности охватывает практически всю Страну Советов. Мы вкратце описали чрезвычайно напряженный рабочий день В. И. Ленина 19 августа 1918 года для того, чтобы со всей силой подчеркнуть: в этот день он все-таки нашел время, чтобы принять французскую интернационалистку и побеседовать с ней.

Встреча с Лениным стала переломным этапом в жизни Жанны Лябурб, имела решающее значение для дальнейшей судьбы революционерки. Через полгода она взойдет на вершину своего подвига, на вершину своего бессмертия. И если вся ее предыдущая жизнь была подготовкой к подвигу, то встреча с Лениным — это отправная точка, начало стремительного восхождения к нему. В кабинете вождя завершилось перевоплощение рядового бойца партии в организатора, руководителя, вожака французских интернационалистов. Не будет преувеличением сказать: не было бы этой встречи, не было бы и Жанны Лябурб такой, какой мы ее знаем, какой она вошла в память народов.

Взволнованная и счастливая, Жанна только на Красной площади развернула записку Владимира Ильича.

Слева вверху стоял штамп: Российская Федеративная Советская Республика. Председатель Совета Народных Комиссаров. Москва, Кремль. Здесь же ленинской рукой была поставлена дата — 19.VIII.1918 г. А ниже

строки: «Тов. Чичерин! Подательница la camarade Jeanne Labourbe, о которой я с Вами говорил. Примите, пожалуйста, ее и поговорите подробно. Ваш *Ленин*»[1]. Владимир Ильич написал ее имя по-французски. Жанна была радостно удивлена. Еще раз перечитала ленинскую записку. Она о многом говорила ей. Очевидно, Владимир Ильич имел разговор с Чичериным, как только получил ее письмо. Значит, он считал нужным, чтобы нарком иностранных дел Советской Республики знал о существовании французских интернационалистов, об их горячем желании внести свой вклад в дело защиты Страны Советов. Не случайно же в конце беседы с Жанной Ленин посоветовал ей зайти к Георгию Васильевичу Чичерину и написал вот эту записку. Интересно, ознакомился Чичерин с воззванием, переданным ею в Народный комиссариат? Наверно, да. Как нарком оценил его? Что скажет?

Жанна и не заметила, как очутилась в Александровском саду. Приглушенный шелест листьев лип и кленов, чуть потревоженных теплым августовским ветерком, солнечные блики на дорожках. Здесь было относительно прохладно. Жанна села на садовую скамейку, бережно зажав в руке записку. Она понимала, что должна идти к Чичерину, но не могла сделать и шага. Ее переполняло волнующее чувство причастности к великому и жизненно необходимому делу, которое она связывала с именем Ленина. Обращаясь с письмом к нему, она была уверена в помощи, но и думать не смела, что Владимир Ильич найдет время для встречи и беседы с ней.

...В кабинет Ленина Жанна вошла настолько взволнованная, что слова приветствия произнесла сдавленным, срывающимся голосом. В первую минуту все вокруг было словно в тумане и она видела только Ленина. Усилием воли Жанна попыталась сосредоточиться. Она находилась в небольшой комнате, оклеенной светлыми обоями, с высоким сводчатым потолком. Два широких, ничем не затемненных окна открывали вид на Троицкую башню Кремля. Бросались в глаза шкафы с книгами за спиной у Ленина и возле стены, по его правую руку.

---

[1] Впервые текст этой записки был опубликован в Полном собрании сочинений В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 158.

Когда Жанна открыла дверь, Владимир Ильич что-то быстро писал, склонившись над столом. Увидев посетительницу, он сразу же легко поднялся, ловко обогнул небольшой письменный стол, обитый зеленым сукном, продолговатый стол для посетителей с приставленными к нему мягкими кожаными креслами, и подошел к Лябурб. Коренастый, плотный, с волевым и усталым лицом человека, много работающего и мало отдыхающего, высоким сократовским лбом, доброй умной улыбкой. Владимир Ильич, наверное, заметил замешательство Жанны, и его чуть прищуренные острые глаза искрились лукавинкой, смотрели подбадривающе. Он ответил на приветствие и сделал скупой, но энергичный жест рукой по направлению к столу. Отодвинув большое кожаное кресло с мягкими подлокотниками, подождал пока Жанна села. Затем сел рядом в кресло поменьше и, чуть наклонившись, чтобы внимательно слушать, сказал:

— Слушаю вас, товарищ Лябурб.

Жанна уже окончательно вышла из состояния оцепенения. Она почувствовала себя легко и свободно в присутствии этого удивительного человека. И ее уже не смущали его зоркий, серьезный, испытывающий взгляд, строгая и деловая обстановка ленинского кабинета.

Во время разговора Жанна убедилась, что Владимир Ильич прекрасно осведомлен о состоянии интернационалистского движения в Стране Советов. Он подробно расспрашивал о ее товарищах, возможностях англо-французских интернационалистов. С интересом выслушав Жанну, поддержал идею создания коммунистической группы. Обещал помочь в ее организации. Поднялся с кресла, сел за рабочий стол, оторвал листок и стремительно набросал несколько строк. В эти мгновения Жанна попыталась запечатлеть в памяти бытовые детали рабочего стола Владимира Ильича: чуть сбоку, на бюваре, перламутровый нож, видимо, для разрезания книг, ножницы, небольшой пузырек с клеем, чернильница. Блокнот, какие-то бумаги, календарь, настольная лампа, свечи в подсвечниках. Ему, вероятно, приходится работать и без электричества. По правую руку два телефонных аппарата. Только самое необходимое. Простота, скромность во всем.

...Жанна решительно поднялась со скамейки и двинулась к «Метрополю», где находился Комиссариат иностранных дел. Всего лишь несколько минут отделяло ее от встречи с Лениным. Но Лябурб уже твердо

знала, что эта встреча навсегда останется в памяти, всю оставшуюся жизнь будет вдохновлять на борьбу.

Читатель уже, наверное, догадался, что автор датирует первое письмо Ж. Лябурб к В. И. Ленину временем, предшествовавшим их встрече. Да, это так. Мы глубоко уверены в том, что после встречи с Владимиром Ильичем Жанна не могла писать такое письмо. Вспомним, что в нем было написано: «После ряда бесплодных попыток мы решили просить Вас поинтересоваться нами» (то есть интернационалистами.— *В. М.*). Совершенно исключено, чтобы Жанна просила В. И. Ленина «поинтересоваться» интернационалистами после встречи с ним. Наоборот, именно эта просьба и стала причиной встречи Жанны Лябурб с В. И. Лениным.

Могла ли Жанна писать Ленину о «бесплодных попытках» после беседы с ним? Ни в коем случае. Ведь уже два дня спустя — 22 августа 1918 года — при помощи Ленина ей выдали важный документ, и Жанна собственноручно написала расписку следующего содержания: «Я получила мандат, уполномачивающий меня организовать англо-французскую группу. Жанна Лябурб». Эта расписка сохранилась. Могла ли она после этого писать: «Повсюду, куда я обращалась, меня уверяли, что мы могли бы быть полезны, *но это все, чего я добилась»* (подчеркнуто нами.— *В. М.*). Так Жанна Лябурб могла писать только до встречи с В. И. Лениным. Тогда, может быть, действительно все ее попытки привлечь внимание к англо-французским интернационалистам не давали желаемых результатов.

Следовательно, первое письмо Ж. Лябурб В. И. Ленину должно, по нашему мнению, датироваться: *ранее 19 августа 1918 года.*

Что касается второго письма, датирование которого можно установить совершенно точно, конкретным днем, то история его написания представляется автору следующим образом. Для Жанны Лябурб дни после встречи с В. И. Лениным и получения мандата для организации англо-французской коммунистической группы были особенно напряженными. Это и понятно — шли последние приготовления к организационному оформлению группы. И хотя организационное собрание еще не состоялось, англо-французские интернационалисты на

своих документах уже писали: «Англо-французская коммунистическая группа при клубе «Третий Интернационал». Москва, Воздвиженка, 20, кв. 21». Жанна как могла приближала счастливый день ее мечты — день рождения группы.

Газета «Правда» свидетельствует, что 25 августа Жанна Лябурб «как представительница англо-французских коммунистов» (а не клуба «Третий Интернационал») принимает участие в праздновании 25-летнего юбилея социал-демократии Польши и Литвы, выступает с приветственным словом. Это было фактически первое официальное выступление от коммунистической группы, которая организационно еще не оформилась, но существование которой уже стало фактом.

Жанна очень волновалась. Ведь она должна говорить не только от своего имени, но и от имени коммунистической организации англо-французских интернационалистов. Кроме того, перед ней выступали Уншлихт и Мархлевский, а также Свердлов и Дзержинский. Но она заставила себя собраться и сосредоточиться, а встретив подбадривающий взгляд Феликса Эдмундовича, совсем успокоилась.

Мысленно она возвратилась к прошлому четвергу, 22 августа, когда получила мандат. В тот день, развернув «Правду», она увидела статью «Письмо к американским рабочим» за подписью: В. Ленин. Как всегда, прикипела взглядом к ленинским строкам: «Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма...» [1] «В эту кровавую историю,— думала Жанна,— уже успели внести свою черную лепту и французские хищники-империалисты». Но она твердо верила в то, что ее соотечественники — французские пролетарии — умом и сердцем со Страной Советов. И как подтверждение этой веры и ее мыслей читала она у Ленина: «Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы порвали железные кольца империалистских связей, империалистских грязных договоров, империалистских цепей... и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма» [2].

Именно об этом и хотела сказать сегодня Жанна

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 48.
[2] Там же.— С. 53—54.

Лябурб. Поприветствовав коллег по революционной борьбе со славным юбилеем, Жанна горячо заговорила об интернациональных задачах английского и французского пролетариата. Она мгновенно покорила весь зал. Выше среднего роста, с удивительно мягкими чертами лица, которые, однако, не лишали его энергичного выражения, очаровательными карими глазами, Жанна была красива той неповторимой красотой, которая присуща сильной по характеру женщине. Стройная, элегантная, одетая в простое черное платье с белоснежным узорчатым воротничком, она, несмотря на свои сорок лет, казалась совсем молодой. Это впечатление усиливалось ее пламенным выступлением, вызывавшим ощущение неотразимой правды и революционной убежденности. Окинув взглядом переполненный зал «Польского дома», Жанна в заключение высказала самое сокровенное:

— Хотя англо-французские империалисты и напали теперь на революционную Россию на Мурмане, однако английские и французские рабочие всей душой вместе с революционными российскими рабочими.

Присутствующие ответили одобрительным гулом и аплодисментами...

Итак, десять дней после встречи с В. И. Лениным прошли в напряженной работе. Жанне хотелось сообщить Владимиру Ильичу о ее результатах, но она вряд ли решилась бы сделать это, если бы не постановление инициативной группы по созданию коммунистической организации направить официальное приглашение на первое организационное собрание интернационалистов — ЦК РКП(б), В. И. Ленину. В этой связи Жанна решила кратко информировать Владимира Ильича о сделанном и послать оба документа одновременно.

Она положила чистый лист перед собой и неторопливо вывела первые слова: «Наше воззвание вышло сегодня. Завтра у нас будет собрание». Да, это главное. Завтрашнее собрание — важнейший результат организационной работы последних дней. А воззвание к солдатам, оккупировавшим Мурман, можно считать хоть и незначительным, но все же результатом практической работы. Жанна не сомневалась, что этот документ увидел свет при содействии Ленина и Чичерина.

«Мы начинаем в понедельник,— писала она дальше,— преподавание французского, английского и немецкого

языков». Жанна не стала объяснять значение этого мероприятия. Владимир Ильич знал о специфике организации их группы. В отличие от других иностранных групп, которые состояли в основном из военнопленных, в их организацию войдут рабочие, солдаты, служащие, эмигранты, которые работают и живут в Москве, а также российские коммунисты, владеющие иностранным языком. Желающие смогут изучать язык на специальных курсах, ведь для плодотворной совместной работы необходимо знать несколько языков. Кроме того, Жанна будет стремиться, чтобы преподавание языков органически соединялось с изучением революционной теории.

Поставив точку, Лябурб надолго задумалась. Тот, кто хорошо знал Жанну, без труда смог бы определить, что сейчас ее одолевают сомнения, а в душе борются противоречивые чувства. Это угадывалось по характерному движению сильных пальцев, энергично массировавших виски. Да, Жанна мучительно решала волнующий ее вопрос: писать или не писать Ленину о том, что она невиновна в неприятности, случившейся с ней? Или это ее сугубо личное дело, по поводу которого не стоит беспокоить Владимира Ильича? Однако у нее, революционерки Лябурб, уже давно нет сугубо личной жизни. И эта неприятность ведь тоже связана с ее работой. Не поколеблет ли случившееся доверие Ленина к ней? Это было бы самое страшное. И она решительно взялась за ручку. Резким движением поправив упавшую на глаза прядь волос, она отчаянно, будто бросаясь в пропасть, вывела: «Если Вы меня лишите Вашего доверия, мне не остается ничего делать. Я даю честное слово, что я не виновата ни в какой небрежности. Жанна Лябурб».

Жанна не знала, что через десятки лет историки будут размышлять над скрытым смыслом этой фразы. О чем здесь идет речь? Писатель А. М. Дунаевский считает, что «ключ к этой загадке» в том, что Жанне не разрешили выехать для политической работы среди войск интервентов на Север, куда она рвалась, тогда как несколько ее товарищей отбыли в Мурманск. В книге о Жанне Лябурб, вышедшей в 1977 году, автор этих строк возражал ему следующим образом: «Но разве могла Жанна не понимать, что десять дней тому ей было поручено задание не менее важное, ей оказано высокое ленинское доверие: организовать французскую коммунистическую группу? И потом, по ее словам, не-

доразумение произошло в связи с какой-то небрежностью... Нет, все-таки эта фраза так и остается загадкой».

Однако историки никогда не оставляют поиск. Нашли ключ и к истинному смыслу так долго казавшихся непонятными слов Жанны Лябурб в письме к Ленину. Профессор Л. М. Зак не так давно обнаружила в газете «Известия» от 30 августа 1918 года объявление следующего содержания: «У тов. Жанны Лябурб похищены следующие документы: мандат на организацию англо-французской коммунистической группы от 22 августа 1918 г., удостоверение, выданное Центральным Комитетом Коммунистической партии для получения бесплатной литературы, и удостоверение как члена клуба «III Интернационал», Воздвиженка, 20, кв. 21. Считать недействительным». Вне всякого сомнения: именно этот случай так взволновал и встревожил Жанну, заставил просить снисхождения у Ленина. Шутка сказать, похищены ленинский мандат и удостоверение Центрального Комитета РКП(б)! Однако мы знаем: Ленин, партия большевиков доверяли Жанне Лябурб, верили ей.

Уже сложив листок вдвое, Жанна вспомнила, что не написала об отправке интернационалистов на Север. Пожурив себя за поспешность, она добавила в конце письма: «P. S. Из нашей группы пять пропагандистов уехали в Мурманск».

Второе письмо Жанны Лябурб В. И. Ленину, как мы уже отмечали, Л. И. Жаров отнес к концу 1918 — началу 1919 годов, а составители 6-го тома ленинской Биохроники датируют его концом января 1919 года. О том, что это неверно, говорят такие факты.

В день получения этого письма Ж. Лябурб Владимир Ильич записал адрес клуба иностранных коммунистов «Третий Интернационал»: «Воздвиженка, 20 appartement. Clud III Internationale. Ход с Нижней Кисловки». Однако клуб не только в конце января 1919 года или в конце 1918 года, но и значительно раньше находился уже по другому адресу: Малая Бронная. Это удалось установить совершенно точно по многочисленным объявлениям о работе клуба, которые регулярно публиковались в газетах «Правда» и «Известия», начиная с 19 октября 1918 года. А исследователь Г. М. Исаева в статье «Новое о Жанне Лябурб» (журнал «Воп-

росы истории» № 6 за 1970 г.) отмечает, что клуб «Третий Интернационал» располагался на Воздвиженке, 20, только до начала сентября 1918 года. По известным документам крайним сроком пребывания клуба на Воздвиженке является 4 сентября 1918 года. Следовательно, и письмо могло быть написано только до этого времени.

Представляется интересным возвратиться к ленинской записи в связи со вторым письмом Жанны Лябурб. Очевидно, она свидетельствует о том, что Ленин внимательно прочел письмо и его заинтересовала содержащаяся в нем информация. Об этом же говорит и тот, казалось бы, незначительный, но характерный штрих, что Владимир Ильич некоторые слова написал на французском языке — языке письма. Главное же состоит вот в чем: не собирался ли Ленин посетить клуб «Третий Интернационал»? Иначе зачем он так подробно записал его адрес, отметив даже, откуда вход в клуб? Если да, то помешало этому злодейское покушение на вождя эсерки-террористки Каплан 30 августа 1918 года.

Имеется еще одно неопровержимое доказательство того, что письмо не могло быть написано в конце января 1919 года. Дело в том, что в это время, как мы увидим позже, Жанны Лябурб в Москве уже не было. Она добилась разрешения отправиться на подпольную работу в Одессу и выехала из столицы.

Теперь проанализируем содержание самого письма Жанны Лябурб, текст которого приведен раньше.

Здесь, как и в первом письме, упоминается Мурманск. Иностранные интервенты, как известно, высадились там в марте, а на юге Украины — в ноябре 1918 года. Факт высадки интервентов на юге, безусловно, нашел бы отражение в письме Лябурб, если бы оно было действительно написано в конце 1918 — начале 1919 годов, так как интернационалисты предприняли к этому времени меры по разложению войск интервентов и на юге Советской страны, о чем Жанна Лябурб поставила бы в известность В. И. Ленина.

Далее французская коммунистка сообщает Владимиру Ильичу о выходе в свет воззвания. К сожалению, этот документ обнаружить не удалось. Но совершенно ясно, что речь идет о первоначальных шагах деятельности французских интернационалистов. Тогда выход только одного воззвания был событием, о котором стоило сообщить В. И. Ленину. Такую информацию вряд ли Жанна направляла бы Владимиру Ильичу в период

после 20 октября 1918 года, когда в Москве начала регулярно выходить газета французской группы «Третий Интернационал». Вероятнее всего, что Жанна имела в виду обращение к солдатам войск интервентов в Мурманске, о котором писала В. И. Ленину в своем первом письме: «Я уже передала Комиссариату иностранных дел проект обращения к солдатам Мурмана». Об этом обращении могла идти речь во время беседы Жанны Лябурб с В. И. Лениным 19 августа и теперь она информировала его о том, что воззвание вышло.

Такой же вывод напрашивается и в связи с фразой Лябурб об отъезде пяти пропагандистов из французской группы в Мурманск. Ведь в первом письме она писала: «Среди нас есть пропагандисты... Пропаганда, которую мы можем испытывать на посетителях клуба, нас не удовлетворяет». Такая тесная связь содержания обоих писем позволяет думать, что они написаны с небольшой разницей во времени. Второе письмо является своего рода кратким отчетом о проделанной работе после встречи с Владимиром Ильичем.

Так когда же все-таки было написано второе письмо? Для ответа на этот вопрос продолжим анализ его содержания.

В письме есть фраза, которая стала ключом к точному датированию письма Жанны Лябурб. Вот она: «Завтра у нас будет собрание». Известны два собрания интернационалистов — 30 августа и 4 сентября 1918 года. 30 августа 1918 года газета «Правда» напечатала сообщение инициативной группы английских и французских интернационалистов о том, что в этот день в 19 часов в клубе «Третий Интернационал» состоится собрание с повесткой дня: 1) доклады о текущем моменте тт. Филиппа Прайса и Жанны Лябурб (на английском и французском языках); 2) организация англо-французской коммунистической группы. На собрание интернационалисты приглашали «всех товарищей, говорящих на английском и французском языках и сочувствующих нашим идеалам», а также членов иностранных групп и работников райкомов и Московского горкома партии. Удалось установить по сохранившимся документам, что специальное приглашение было направлено в ЦК РКП(б).

Этот последний факт наталкивает на интересное предположение. Читатель, наверное, заметил, что второе письмо Лябурб написано без обычного в эпистолярном жанре вступления — обращения, характерного, кстати,

для ее первого письма. Создается впечатление, что это, скорее всего, информативная записка — приложение к документу, отправляемому по точному адресу — в ЦК РКП(б), В. И. Ленину. Не было ли этим документом специальное приглашение на организационное собрание группы, полученное, как свидетельствуют документы, в конце августа в Центральном Комитете партии. Зная, что с ним ознакомится В. И. Ленин, Жанна решила кратко поинформировать его о делах интернационалистов в сопроводительной записке. Тогда понятнее и то, что В. И. Ленин, получив одновременно официальное приглашение и письмо-отчет Жанны Лябурб, записал для памяти адрес клуба интернационалистов.

Состоялось ли намеченное на вечер 30 августа собрание? Да. Уже 1 сентября газета «Известия», а 4 сентября «Правда» информировали читателей о нем, сообщив, что «собрание прошло под знаком организационной деятельности». Кроме того, 1 сентября «Известия» писали: «У нас в России существуют коммунистические группы многих европейских народов, поставивших своей целью всемерную поддержку социалистической революции... Теперь в Москве организуется англо-французская коммунистическая группа, которая будет выполнять эту же задачу путем агитации и распространения революционной литературы на английском и французском языках».

Обратим внимание читателей на то, что выступивший на собрании Филипп Прайс познакомил товарищей с планом работы курсов по изучению «важнейших языков», в частности английского и французского, с целью эффективного ведения агитации и пропаганды среди оккупационных войск. Вспомним здесь фразу из письма Жанны Лябурб: «Мы начинаем в понедельник преподавание французского, английского и немецкого языков».

Нет сомнения в том, что в те минуты Жанна была счастлива. И как ей не радоваться. Она присутствует при организационном рождении коммунистической группы! Когда Жанна вышла из помещения клуба на Воздвиженку, ее лицо сияло улыбкой, которую так любили товарищи.

Они еще не знали о несчастье, постигшем народ Страны Советов. Не знали, что как раз тогда, когда проходило их собрание, эсеры осуществили злодейское

покушение на жизнь вождя мирового пролетариата. Террористка Каплан тяжело ранила Ленина отравленными пулями после его выступления перед рабочими на заводе Михельсона. Трудовой Москве стало об этом известно в тот же день, а со следующего дня газеты начали регулярно печатать бюллетени о состоянии здоровья Владимира Ильича.

Учитывая горький факт тяжелого ранения В. И. Ленина, мы должны совершенно исключить возможность написания письма Жанной Лябурб накануне второго собрания англо-французской группы, которое состоялось 4 сентября 1918 года. Вряд ли такое письмо вообще могло быть написано в первой декаде сентября 1918 года. Жанна Лябурб, которая, несомненно, знала о тяжелом состоянии здоровья В. И. Ленина, конечно же не стала бы беспокоить его деловым письмом. А если бы она это и сделала, то, безусловно, факт покушения на жизнь вождя нашел бы отражение в ее письме. Не следует забывать и о ленинской записи с адресом клуба, которую Владимир Ильич в первые недели после ранения никак не смог бы сделать по состоянию здоровья.

Таким образом, мы можем уверенно заявить, что *второе письмо Жанны Лябурб было написано 29 августа 1918 года,* накануне собрания интернационалистов, состоявшегося 30 августа 1918 года.

Секретарь французской группы

Всю свою энергию Жанна Лябурб отдала делу сплочения сил французских коммунистов.

А. Коллонтай

Итак, первым на собрании 30 августа, как и предполагалось, выступил Филипп Прайс. С 1914 года он был петроградским корреспондентом влиятельной в Англии либерально-буржуазной газеты «Манчестер гардиан». Далекий от большевизма, Прайс как честный человек публиковал в газете правдивые корреспонденции об Октябрьской революции и внешней политике Советской России, о ее стремлении к миру со всеми народами. При этом он, непосредственный участник событий, постоянно подчеркивал, что российские коммунисты выражают ко-

ренные интересы пролетариата и беднейшего крестьянства. Прайс активно выступает против антисоветской интервенции империалистических государств. Еще в мае он послал в «Манчестер гардиан» статью о причинах этого грязного вмешательства во внутренние дела Советской Республики, в которой высказал уверенность в его неизбежном крахе. «Те, кто попытаются затронуть социальные реформы русской революции,— писал он,— только добавят горючего в большевистское пламя».

Как свидетельствует ленинская Биохроника, в ноябре 1918 года Ф. Прайс дважды встречался с В. И. Лениным. В начале месяца Ленин беседует с ним о международном положении Советской Республики. Второй раз Ф. Прайс был приглашен в Кремль вместе с Р. Майнором и Д. Файнбергом. Речь шла об идейной направленности газеты английских интернационалистов, издании листовок для распространения в войсках интервентов, о положении в Англии и США, об информации рабочих этих стран о событиях, происходящих в России *. Обрати внимание, читатель,— это интересный штрих к обширной теме: Ленин и интернационалисты.

В тот день Прайс подробно рассказал товарищам о тех лекциях и митингах, которые предполагается провести в клубе «Третий Интернационал», других агитационно-пропагандистских мероприятиях.

— Из членов клуба,— закончил свое выступление Прайс,— должны выходить настоящие бойцы за справедливые идеи.

Председатель собрания предоставил слово Лябурб. Жанна выразила свою твердую уверенность в дальнейшем успешном развитии мирового революционного движения, в усилении интернациональной солидарности международного пролетариата со Страной Советов.

— Разумеется,— заявила она,— французские и английские солдаты не знают, что в действительности происходит в России. Если бы они узнали, то революционное движение во Франции пошло бы несравненно более быстрыми шагами. Мы должны повести агитацию, чтобы довести до сознания западноевропейского рабочего класса, кто такие большевики. Если бы рабочие Запада знали это достаточно ясно, то они никогда не позволили бы душить русскую революцию.

Так с трибуны уже первого организационного со-

---

* В 1921 году в Гамбурге Ф. Прайс издал книгу о революции в России.— *В. М.*

брания коммунистической группы прозвучали пламенные слова глубокой веры в правоту дела социалистической революции, в непобедимую силу идей пролетарского интернационализма, была названа основная задача группы — обратиться к сознанию обманутых братьев по классу с правдивым большевистским словом.

Жанна, уже возвратившись на место, прислушалась к следующему оратору. Возбужденная своим выступлением, Лябурб не услышала первых слов, но поняла, что он ее поддерживает.

«Хорошо говорит, а главное — правильно»,— подумала Жанна. Когда в заключение выступления прозвучало: «Да здравствует Третий Интернационал и пролетарская революция»,— она поднялась и вместе со всеми долго аплодировала...

30 августа 1918 года в день организации группы газета «Правда» писала от имени англо-французских интернационалистов в рубрике «Партийная жизнь»:

«Англо-французская коммунистическая группа. В то время, когда англо-французские бандиты нападают на пролетарскую революцию, долг каждого честного социалиста собрать все революционные силы для того, чтобы открыть глаза здесь живущим английским и французским гражданам на ложь и клевету, распространенную провокаторами и шпионами, а также защитниками капиталистического строя; не меньший долг — известить одураченных солдат Англии и Франции, с какими целями и против кого они в действительности обнажают свой меч на Мурмане.

Путем агитации и распространения революционной литературы на английском и французском языках необходимо помочь Советской России... в укреплении пролетарской диктатуры».

На следующий день утром Жанна вместе с тысячами москвичей читала в «Правде» сообщение ВЦИК за подписью Я. М. Свердлова о покушении на Ленина. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с контрреволюцией и объявил, что «на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции». Здесь же был опубликован первый официальный бюллетень о состоянии здоровья Ленина: «11 час. вечера 30 августа. Констатировано два слепых огнестрельных ранения... Имеют-

ся налицо явления внутреннего кровотечения. Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты-хирурги».

Буквы плыли перед затуманенным взором Жанны. Всего десять дней прошло с тех пор, как она посетила ленинский кабинет, разговаривала с Лениным, а сейчас — эти строки бюллетеня, которые мучительно терзают сердце. Покушение на жизнь Ленина Жанна восприняла как личное горе. Она была уверена, что так же восприняли это злодеяние все трудящиеся Страны Советов.

Лябурб медленно поднималась вверх по Тверской. Везде уже были расклеены плакаты с сообщением ВЦИК и воззванием Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. Возле каждого из них — группы людей. Жанна остановилась. Рабочий огромного роста, с глазами, полными слез, которых он не стыдился, в чем-то неуловимо похожий на ее отца — этим он и привлек внимание,— ожесточенно мял крупными, сильными пальцами кепку и дрожащим голосом говорил окружившим его прохожим:

— Его, значит, предупреждали, просили не идти на митинг. Чувствовали, значит, что враги замышляют недоброе. Но он поехал. Чего и кого ему бояться?! — вдруг с болью в голосе выкрикнул рабочий.— Он знал, что едет к своим, что вокруг него — рабочий люд... Да мы за него...— он угрожающе потряс мощными кулаками, а затем безвольно опустил руки и совсем тихо, будто забывшись, прошептал:

— Не уберегли, значит. Как же мы его не уберегли?

Он вскинул голову и в упор посмотрел в лица рядом стоящих. Все тягостно молчали.

— Я слушал его вчера,— уже более твердым голосом сказал рабочий после паузы, во время которой никто не шелохнулся. Жанна напряглась: этот человек вчера видел и слушал Ленина!

— У нас, значит, слушал, на заводе Михельсона. Ленин говорил, что только тот, кто трудится, имеет право пользоваться жизненными благами. Паразиты, высасывающие кровь из трудового народа, должны быть лишены этих благ.

Он сказал: все — рабочим, все — трудящимся! Он сказал, что пролетариат не может не победить, что мы должны, презрев буржуазию, творить свою революционную работу.

Говорил рабочий легко, не напрягаясь, чувствова-

лось, что ленинские слова запомнились, глубоко запали в душу. И еще казалось, что их повторение принесло ему облегчение. Он просветлел, гордо выпрямился.

— А закончил Ленин свою речь такими словами: «У нас один выход: победа или смерть!»

Он энергично взмахнул рукой и собрался было переходить на противоположную сторону улицы. Однако по Тверской шагал отряд красноармейцев: молодые, подтянутые ребята, худые, загорелые лица. Решительность во взглядах и в поступи.

Рабочий задумчиво посмотрел им вслед и повторил, уже ни к кому не обращаясь: «У нас один выход — победа или смерть!»

Проехал автомобиль, с которого разбрасывали листовки. Жанна подняла одну из них — бюллетень о состоянии здоровья Ленина. Люди расхватывали желтоватые листочки, снова собирались группами, читали вслух, обсуждали. В глазах — надежда...

1 сентября «Правда» писала: «Ленин борется с болезнью. Он победит ее! Так хочет пролетариат, такова его воля, так он повелевает судьбе!» 2 сентября 1918 года социалистическая Советская Республика была объявлена единым военным лагерем. Совет Народных Комиссаров в ответ на белый террор принял постановление о «красном терроре». Рабочие и крестьяне еще теснее сомкнули ряды вокруг партии Ленина.

Жанна всегда волновалась перед встречей с Инессой Арманд. Товарищ Инесса была старше ее всего на три года, но Жанна, знавшая героическую биографию профессиональной революционерки, преклонялась перед опытом и обаянием большевички, члена ленинской партии с 1904 года.

Инесса родилась в Париже, в семье певца. Рано осталась сиротой и воспитывалась в Москве в семье фабриканта Арманда, обрусевшего француза, позже стала женой его сына.

Дорогу в революцию ей открыл Ленин. «Под влиянием книги Ильича «Развитие капитализма в России», с которой впервые смогла познакомиться за границей, становлюсь большевичкой»,— так напишет она в своей автобиографии. Как революционерка Арманд закалилась в огне революции 1905—1907 годов. А затем — аресты, тюрьмы, ссылка на Север, в Мезень, с 1909 года — эми-

грация. И тяжкое, непоправимое горе — смерть любимого мужа.

Она выстояла. Потому что жила во имя революционных идеалов, потому что сердечная дружба связывала ее с Лениным и Крупской. Частым гостем была в их квартире на улице Мари-Роз в Париже. «Мы виделись каждый день,— вспоминала Надежда Константиновна. Инесса стала близким нам человеком... Светлело в доме, когда Инесса приходила». Была избрана секретарем Комитета заграничной организации РСДРП. В ленинской партийной школе в Лонжюмо, под Парижем, созданной в 1911 году, читала лекции по истории социалистического движения в Бельгии и вела практические занятия по политической экономии. Пригодились знания, приобретенные в Брюссельском университете, где она в свое время получила ученую степень лиценциата экономических наук. Но настоящие революционные университеты проходила в общении с Лениным.

В 1912 году Арманд приезжает в Петербург как агент ЦК РСДРП для партийной подпольной работы. В годы первой мировой войны, находясь в Швейцарии и во Франции, переводила работы Ленина на французский, немецкий, английский языки. В 1915—1916 годах представляла большевистскую партию на Международной женской социалистической конференции, Международной конференции молодежи, а также на Циммервальдской и Кинтальской конференциях.

После Февральской революции возвратилась в Россию, была делегатом VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции и VI съезда РСДРП(б). Принимала участие в подготовке вооруженного восстания в Москве.

После победы Великого Октября Инесса Арманд — член бюро Московского губкома партии, губисполкома, председатель Московского губсовнархоза, член ВЦИК. С 1918 года возглавляла женотдел при ЦК РКП(б) *.

---

* В феврале — мае 1919 года Инесса Арманд выполняла ответственное поручение своей Родины: в составе миссии Всероссийского общества Красного Креста она была командирована во Францию — на родину Жанны Лябурб. О героической смерти Жанны узнала только после возвращения в Москву.

Летом 1920 года по поручению партии Инесса Арманд вместе с Жаком Садулем принимала Марселя Кашена и других посланцев из Франции, приехавших в Советскую Россию. Была делегатом II конгресса Коммунистического Интернационала.

Благодаря заботам товарищей, В. И. Ленина в августе

Эта сильная, энергичная женщина с тонким, одухотворенным лицом, добрыми, вдумчивыми и проницательными глазами покорила Жанну всем: умом и красотой, неутомимостью и человечностью, неистребимой верой в идеалы революции. Радостное, праздничное волнение охватывало Лябурб при встречах. Они познакомились недавно. Инесса Арманд активно включилась в работу французских интернационалистов после того памятного дня, когда Жанна встретилась с Лениным.

Владимир Ильич, который в трудную минуту помог Жанне Лябурб, не забывал о французских интернационалистах. С его согласия, а точнее по его совету, Инесса Арманд вошла в состав французской группы, где понадобился ее пропагандистский и организаторский талант, опыт работы в международных организациях, огромный такт во взаимоотношениях с людьми. Кроме того, она знала французский язык, длительное время жила и проводила революционную работу во Франции под руководством Владимира Ильича.

Жанна знала о чрезвычайной загруженности Инессы Арманд, поэтому ценила каждую ее минуту. На этот раз их встреча тоже была краткой. Договорились, что следующее заседание группы следует провести как можно быстрее — в среду 4 сентября. Арманд, как о давно решенном, сказала, что Жанна должна серьезно готовиться к тому, чтобы официально возглавить французскую группу. Ведь она фактически выполняет обязанности секретаря, товарищи доверяют ей, высоко ценят ее авторитет.

Работа Инессы Арманд во французской коммунистической группе, на первый взгляд, не бросается в глаза. Как отмечал исследователь ее жизни П. И. Подлящук, это объясняется тем, что верная своему жизненному принципу Инесса, с присущей ей скромностью, старалась держаться незаметно. Однако в автобиографии она напишет позже: «Организовала французскую группу коммунистов и помогла создать орган этих французских коммунистов «Третий Интернационал».

1920 года приехала в Кисловодск на лечение. На Кавказе заразилась холерой, умерла 24 сентября 1920 года. Москва хоронила Инессу 12 октября. Гроб установили в Доме Союзов. Вместе с другими товарищами по партии в почетном карауле стояли и французские коммунисты. Был возложен большой венок из живых белых цветов с надписью на алой ленте: «Тов. Инессе — от В. И. Ленина». Владимир Ильич участвовал в траурном митинге. Похоронена Арманд на Красной площади у Кремлевской стены.— *В. М.*

Инесса Арманд помогла Жанне в организационном сплочении ее соотечественников в коммунистическую группу, поддерживала в ежедневной работе, выступала на собраниях, принимала участие в собеседованиях по вопросам теории и тактики революционного движения, литературных вечерах. Арманд как бы цементировала группу, а когда возникали споры, дискуссии (они, конечно, случались в группе, члены которой имели разный уровень теоретической подготовки, разный жизненный и революционный опыт), взгляды всех рано или поздно обращались к Арманд. Ее авторитет был непререкаем. Член группы Сюзанна Деполье (Жиро) вспоминала через много лет: «Я имела случай лично встречать в Москве Инессу Арманд во французской коммунистической группе... Она оставила у меня впечатление человека очень воспитанного, ей была присуща большая деликатность в отношениях с нами; во время дискуссий она всегда была озабочена тем, чтобы никого не ранить. Ее аргументация при этом всегда была точна и отличалась большой убедительностью». К аргументации Арманд прислушивались. Французские товарищи знали: устами Инессы Арманд говорит партия Ленина.

Участие Арманд во всех делах группы является еще одним ярким свидетельством постоянного внимания В. И. Ленина, большевистской партии к развитию интернационалистского движения на территории Страны Советов, в частности к работе французских интернационалистов.

Арманд присутствовала на втором организационном заседании англо-французской коммунистической группы 4 сентября 1918 года. В своем выступлении она предложила начать активную пропаганду среди французских рабочих, проживающих в Москве. Затем взяла слово Жанна Лябурб. Она рассказала о первых трудностях в работе и призвала прежде всего завершить решение организационного вопроса.

Несмотря на общность целей, задач и методов деятельности английских и французских интернационалистов, необходимость проведения работы на разных языках требовала создания двух отдельных групп: английской и французской. Собрание 4 сентября приняло такое решение. С этого дня существует отдельная французская коммунистическая группа, которая в октябре конституировалась как самостоятельная. Англо-американская коммунистическая группа была создана позже — в ноябре 1918 года.

Выступая на собрании от имени иностранных коммунистов, австрийский интернационалист А. Эбенгольц призвал группу присоединиться к Федерации иностранных коммунистических групп РКП(б). Товарищи М. Тихменев, Ф. Прайс говорили о необходимости установления связей с ЦК РКП(б), Наркоматом иностранных дел. Было постановлено «действовать в этом направлении». Со временем французская группа вошла в Федерацию иностранных групп РКП (б).

Учитывая предложение Инессы Арманд, собрание решило обратиться к фабрично-заводским комитетам с просьбой предоставить группам сведения о французских и английских рабочих, которые проживают и работают в Москве, с целью организации среди них агитации и пропаганды. Постановили также обратиться к рабочим с призывом поддержать деятельность интернационалистов.

Не случайно, что это важное решение было принято по рекомендации Арманд — посланца Ленина. Центральный Комитет подсказал иностранным коммунистам: в рабочей среде они получат крепкую, надежную опору и поддержку. Собрание обсудило вопрос о создании печатного органа.

Жанна Лябурб была единогласно избрана секретарем французской коммунистической группы РКП(б).

В отличие от других коммунистических групп Федерации, в французскую группу входили не бывшие военнопленные*, а рабочие, солдаты, служащие, представители интеллигенции, эмигранты, которые жили и работали в Москве, а также российские и иностранные коммунисты, владеющие французским языком. Последнее имело огромное значение, ибо это были, как правило, люди со значительным революционным опытом, связанные с Францией либо местом рождения, либо долгими годами жизни и борьбы. Их помощь французским интернационалистам была особенно ощутимой. Нередко французская группа называлась группой французского языка. В приглашении на первое собрание 30 августа, которое было послано в ЦК РКП(б), второй вопрос повестки дня, в отличие от объявления в газете, форму-

* На территории Страны Советов находились бывшие военнопленные германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской армий, а Франция была союзницей царской России в первой мировой войне.— *В. М.*

лировался так: «Formation d'une section du parti communiste russe parlant français» — «Создание секции Российской Коммунистической партии, говорящей по-французски». Такой подход давал возможность расширить и усилить состав группы, активизировать ее деятельность. Кроме Инессы Арманд, в работе группы принимали участие румынские коммунисты-интернационалисты И. Дическу-Дик, А. Николау, которые хорошо знали французский язык, австрийский коммунист А. Эбенгольц, советские коммунисты Нюрин, Тихменев. В группу входили также сочувствующие — учителя и переводчики Бомбуа, Лаваль и моряк Леру.

Конечно, большинство в группе составляли французы. Общая численность членов была небольшой — около двадцати человек. Среди них: рабочий-металлист Робер Дэм и рабочий газового завода Эрнест Руйе, инженер-механик Эдмон Розье и бывший ремесленник, а потом солдат-артиллерист Жак Цукорция, учительница французского языка, дочь парижской коммунарки Розали Барбере и ее сын Анри Барбере, учительница Сюзанна Деполье (Жиро), служащий Жорж Гельфер и наборщик Марсель Боди *, журналист Рене Маршан.

В группу входили также некоторые сотрудники и солдаты французской военной миссии генерала Лаверня в Москве. Большую работу среди них провела Жанна Лябурб, кроме того, они и сами, как отмечалось в отчете группы за 1919 год, «ежедневно наблюдали преступления и низость своих шефов, и это открыло им глаза». Достаточно сказать, что глава французской военной миссии генерал Лавернь был причастен к антисоветскому заговору, получившему название заговора Локкарта (по фамилии одного из его руководителей — английского дипломатического представителя в России Брюса Локкарта). В организации заговора приняли также участие французский посол Нуланс и американский Френсис. Заговорщики намеревались арестовать Совнарком и убить Ленина. Однако контрреволюционный очаг был своевременно раскрыт ЧК и ликвидирован 31 августа — 1 сентября 1918 года.

Солдаты и сотрудники миссии, которые на собственном опыте убеждались в лживости антисоветской пропаганды, освобождались от ее грязных пут. Среди них были лейтенант Пьер Паскаль, переводчик Рауль Шапоан, солдат Роберт Пети и его жена Мари Луиз Пети.

---

* Впоследствии отошел от революционного движения.— *В. М.*

...Мари Луиз приехала из Парижа на заработки в Россию в 1911 году шестнадцатилетней девушкой. Работала в Екатеринославе гувернанткой в богатой семье. Затем через французское консульство добилась перевода в Москву, где давала уроки французского языка. Летом 1915 года побывала в Феодосии, в Крыму, где познакомилась с группой русских революционеров. От них впервые услышала о Ленине и большевиках. Стала интересоваться политической жизнью. Эти зерна дали всходы, когда грянул Великий Октябрь.

Вооруженное восстание в Москве втянуло ее в революционную борьбу неожиданным образом. Мари Луиз снимала квартиру в самом центре города, рядом со Страстным бульваром, невдалеке от здания Московского Совета. Ожесточенные уличные бои шли в двух шагах от ее дома. Первых раненых — это были молодые рабочие с соседней улицы — она увидела в окно. И не колеблясь сделала выбор. Отважная парижанка вместе с русскими женщинами-работницами перевязывает раненых, ухаживает за ними.

Так Мари Луиз встала под знамя Октябрьской революции. Дальнейшие события навсегда остались в ее памяти. В 1979 году она напишет: «Минуло шесть десятилетий, а воспоминания так свежи в моей памяти, будто все это происходило вчера. Правда, иногда отдельные события видятся не очень отчетливо, и тогда спрашиваешь себя: неужели именно мне пришлось пережить их? Ведь это немало — шестьдесят лет».

Это много, камарад Пети. Однако мы знаем, что время не стерло в вашей памяти образы дорогих людей, годы самоотверженной борьбы и большой, нежной любви. Да, в ее памяти революция и любовь жили вместе. В революционной Москве Мари Луиз встретила своего соотечественника — солдата Робера Пети, и вскоре стала его женой.

А затем в ее жизнь вошла Жанна. Зимой 1918 года Мари Луиз тяжело заболела. Робер сбился с ног, разыскивая врача, который согласился бы помочь бесплатно,— нечем было платить за визит. Наконец пообещали помочь товарищи. И вот к ней пришел пожилой русский врач. Его привела француженка Жанна Лябурб. Мари Луиз как-то сразу потянулась к этой сильной и доброй женщине. Они стали близкими друзьями. Через десятки лет корреспондент газеты «Правда» во Франции В. Седых встретился с Мари Луиз в Париже. «Мари Луиз,— пишет он,— нередко и с видимым удовольствием

рассказывала мне о своей знаменитой соотечественнице, которая была ее подругой, несмотря на большую разницу в возрасте» *.

Мари Луиз и Робер Пети полностью отдавали себя работе в коммунистической группе. Робер, которого все любили за доброту и скромность, принимал участие в составлении текста листовок, воззваний. По телеграфу он неустанно отстукивал послания французским трудящимся «Всем, всем, всем...», призывая их выступать в поддержку социалистической революции в России **.

Другие члены французской группы, кроме агитационной и пропагандистской работы, также использовали любую возможность, чтобы помочь молодой Советской Республике в борьбе за новый мир, старались внести свой скромный вклад в это великое дело. Эдмон Розье и Робер Дэм стремились помочь Красной Армии, напряженно работая над чертежами танка. Жак Цукорция, который раньше был бойцом отряда Красной гвардии и поддерживал связи с красноармейскими частями, принимал участие в проведении там политической работы. Позже он в должности политического комиссара сражался на Украине против внутренних и внешних врагов Страны Советов. Сюзанна Деполье, которая восемна-

---

* Жанна Лябурб была старше Мари Луиз Пети почти на двадцать лет.— *В. М.*

** Как сложилась дальнейшая судьба Мари Луиз и Робера Пети? После создания в декабре 1920 года Французской коммунистической партии /ФКП/ они покинули Страну Советов, работали в еженедельном бюллетене коммунистических партий «Корреспонданс интернасьональ», побывали во многих странах и спустя несколько лет вернулись на родину.

В годы гитлеровской оккупации Франции Робер был арестован, заключен в тюрьму Санте, потом содержался в различных концлагерях. С помощью друзей бежал и вместе с Мари Луиз активно участвовал в движении Сопротивления. После войны партия направила Робера Пети на ответственный пост в редакцию журнала «Демокраси нувель», однако подорванный лишениями военных лет организм не выдержал: Пети умер в 1951 году.

Мари Луиз продолжала работать в различных организациях ФКП. В 1967 году в связи с пятидесятилетием Великой Октябрьской социалистической революции была награждена советским орденом как активная участница борьбы за власть Советов в годы гражданской войны. Много писала и рассказывала о деятельности французской группы в Москве. Это чрезвычайно важно, ибо Мари Луиз была последней из оставшихся в живых французов, принимавших участие в Октябрьской революции. Неоднократно встречалась с Л. М. Зак, которой сообщила интересные сведения о Жанне Лябурб. В ноябре 1979 года «Правда» опубликовала большую статью В. Седых о славной французской коммунистке Мари Луиз Пети.— *В. М.*

дцатилетней девушкой приехала в Россию на заработки, трудилась в организациях помощи беспризорным детям *.

...Сентябрь был первым месяцем деятельности организационно оформленной французской группы, а потому особенно ответственным. Секретарь группы Жанна Лябурб работала не покладая рук. Первостепенной задачей стала теперь организация выпуска специальной газеты на французском языке. Жанна не сомневалась, что избранная на собрании 4 сентября редакционная комиссия успешно справится с поставленной перед ней задачей. Ведь за дело взялась Инесса Арманд. И хотя значительную часть своего времени Жанна отдавала газете, сейчас она думала не о ней.

Жанну волновали вопросы теоретической подготовки членов группы, вовлечения в сферу агитационно-пропагандистской деятельности группы большего количества соотечественников, особенно рабочих. Как и раньше, проводились теоретические занятия членов группы, по инициативе Лябурб вошла в практику такая форма работы, как собеседования. Их проводят Инесса Арманд и она, Жанна. Собеседования рассчитаны на откровенный разговор о волнующих вопросах не только с товарищами по работе, но и с теми, кто впервые приходит в группу со своими колебаниями, сомнениями, нерешенными проблемами.

Однако и это не удовлетворяет Жанну. Она стремится к тому, чтобы пламенное революционное слово звало к борьбе не одиночек, а массы людей. Правда, в Москве не так много ее соотечественников, но и они еще не все

---

* В марте 1919 года, после гибели Жанны Лябурб, группа отправила Сюзанну Деполье в Киев в распоряжение ЦК КП/б/У с заданием содействовать организации французской коммунистической группы в городе. На организационном собрании коммунистов-французов, состоявшемся 4 апреля 1919 года по инициативе Жака Садуля, такая группа была создана. С. Деполье становится ее секретарем. После возвращения на родину С. Деполье некоторое время была секретарем ЦК ФКП, а после второй мировой войны несколько раз избиралась сенатором.

В 1967 году награждена орденом Красного Знамени. В 1972 году прогрессивная общественность Франции отметила 90-летие славной дочери французского народа. Ее поздравил Жак Дюкло и другие руководители Французской компартии. К этим поздравлениям присоединились все ее французские и советские друзья. Сюзанна Деполье (Жиро) умерла на 92-м году жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что французы, прошедшие школу революционного опыта и пролетарского интернационализма в Советской стране, навсегда остались верными ленинизму и прожили жизнь как подлинные коммунисты.— *В. М.*

услышали голос коммунистической группы. Жанна учится у большевистской партии, как вести работу среди трудящихся масс. Каждый коммунист и прежде всего каждый руководящий работник должен поддерживать постоянный контакт с рабочими, солдатами, крестьянами, пропагандировать политику партии. Пример в этом показывал Ленин. Перегруженный партийными и государственными делами, он, однако, постоянно выступал перед трудящимися, в частности по путевкам Московского комитета РКП(б), который каждую пятницу проводил в городе тематические митинги. На одном из них, в пятницу 30 августа, Ленин был ранен.

Вот уже неделю Жанна радостно возбуждена доброй вестью. 18 сентября врачи разрешили Владимиру Ильичу приступить к работе. В газетах она прочитала последний бюллетень о состоянии здоровья Ленина с его же припиской: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами». Ленин здоров, Ленин работает — сознание этого делало Жанну счастливой, воодушевляло, придавало силы.

Жанна помнила все темы митингов, которые прошли в прошлом месяце. На некоторых из них присутствовала. Четыре пятницы — четыре темы. Запомнился митинг «За что борются коммунисты-большевики», который состоялся 23 августа. В переполненном зале Политехнического музея она вместе со всеми слушала Ленина.

— В чем наша программа? В завоевании социализма,— так начал он свое выступление.

Владимир Ильич разоблачил захватническую, антинародную преступную сущность мировой войны, которую ведут империалисты. Он подчеркнул, что во всех странах, на всех рабочих митингах и собраниях только и разговора, что о большевиках. Международный рабочий класс знает, что в настоящее время мы делаем дело всего мира, исполняем работу для него.

— И мы верим,— закончил он,— что победа за нами и что, победив, мы отстоим социализм.

А в тот трагический день 30 августа по городу прошли митинги на тему: «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». Не выходила из головы простая и весомая фраза: за что борются коммунисты-большевики. В емкой лаконичности чувствовала Жанна какую-то особенную силу. Ясно было: люди, которые

организовали митинги на эту тему, знают, что они борются за дело высшей цели и справедливости, за дело поистине народное. Именно об этом Жанна и хотела еще раз поговорить со своими соотечественниками.

Так родилась идея проведения общего собрания членов группы и сочувствующих с приглашением французских рабочих и служащих. Подготовительная работа закончена, и Жанна сдала в редакцию «Известий» объявление: «Французская группа коммунистов созывает в клубе «Третий Интернационал» в Москве 29 сентября в 6 час. вечера общее собрание на тему: «Что такое большевизм?» Приглашаются все французы-интернационалисты и сочувствующие коммунизму».

Как секретарь французской коммунистической организации Жанна выполняла всю организационно-техническую работу, заботилась о разного рода делах, касающихся группы. Сохранилась финансовая расписка Жанны Лябурб от 26 сентября 1918 года о получении ею средств на оплату помещения, где работали французские интернационалисты, работы переводчиков, типографских и канцелярских расходов и т. д. Внизу стоит слово «секретарь» и стремительная подпись Жанны Лябурб. Этот документ заверен круглой печаткой, на которой значится «Российская Коммунистическая партия. Французская группа в Москве».

История сохранила не так уж много документов, которые бы рассказали сегодня о специфике и особенностях работы Жанны Лябурб как секретаря французской группы. Несомненно, было бы неправильно обособленно рассматривать эту сторону деятельности Жанны, отрывая от ее многогранной жизни и революционной борьбы. Все, чем она занималась тогда, осенью 1918 года, она делала как секретарь группы. Вся революционная деятельность Жанны Лябурб в Москве характеризует ее и как члена РКП(б), и как секретаря французских коммунистов.

Однако были же какие-то особенные штрихи, характеризующие Жанну именно как секретаря группы? Какие-то присущие только ей черты характера, обусловившие избрание Жанны секретарем группы и определившие ее успешную и плодотворную работу на этом посту?

Попытаемся ответить на эти вопросы, обратившись к малочисленным воспоминаниям и высказываниям о Жанне Лябурб товарищей, которые лично знали ее и видели в работе.

Начнем с уже упоминавшейся первой статьи о слав-

ной интернационалистке в «Правде» от 25 марта 1919 года. Как мы уже знаем, Н. Нюрин начал ее словами о том, что Лябурб была скромной труженицей, сочетавшей в себе революционный энтузиазм и боевую закалку опытного работника большевистского подполья. Здесь объединены три важнейшие черты Жанны: революционный энтузиазм, революционный опыт и закалка, революционная скромность при большом трудолюбии. Уже одна эта фраза дает ключ к пониманию того уважения и доверия, которое оказывали товарищи Лябурб.

Еще раз напомним слова А. Коллонтай, взятые эпиграфом к этому разделу: «Всю свою энергию Жанна Лябурб отдала делу сплочения сил французских коммунистов». А. Коллонтай тонко подметила четкую целеустремленность, энергию, энтузиазм пламенной коммунистки. В результате Лябурб, как отмечал Нюрин, «закладывает фундамент французской организации РКП(б)», она была инициатором, организатором французской группы, фактическим руководителем французских интернационалистов еще до формального избрания ее секретарем. Не случайно же, несмотря на исключительную скромность, она еще в августе, как мы видели, подписала свое первое письмо к Ленину как секретарь французских интернационалистов. Она имела на это право.

После официального избрания секретарем группы Жанна приступила к исполнению своих обязанностей. «Она не только выполняет технические функции секретаря,— писал Нюрин,— но принимает самое деятельное участие в литературно-издательской работе», во всей многогранной деятельности группы. Секретарь группы обязан исполнять прежде всего целый ряд технических функций, что, возможно, не всегда отвечало порывам горячего сердца Жанны, но было необходимым для общего дела. И она исполняла их, ибо официальную должность секретаря доверили ей не только товарищи по группе, но и партия большевиков. Считая высшей обязанностью и высшей честью самоотверженный труд на своем боевом посту, она буквально горела в работе. На любом другом, доверенном партией, она работала бы так же — с полной отдачей. Лябурб — прежде всего коммунистка по мировоззрению, и именно этим высоким званием определялось ее ленинское отношение к работе.

И еще одно свидетельство. В марте 1918 года на VIII съезде РКП(б) Жак Садуль сказал о Жанне Лябурб: «Она являлась олицетворением неутомимости и преданности нашему великому делу. Она всегда воодушевляла

группу, и в моменты, когда мы падали духом или когда перед нами вставали какие-нибудь препятствия, группа черпала новое вдохновение и новую энергию, глядя на неутомимую работу... нашего товарища».

Такой была Жанна Лябурб — человек, коммунист, секретарь французской группы РКП(б).

Жанна вышла из помещения группы на улицу, когда вечерняя прохлада уже обволакивала город. Несколько дней тому назад группа получила отдельную комнату в бывшей гостинице «Дрезден» и переехала сюда. Здесь же теперь работает и Федерация иностранных групп, о чем 20 сентября было объявлено в «Правде»: «Вниманию тов. коммунистов. Федерация иностранных групп Российской Коммунистической партии находится: Москва, гостиница «Дрезден», комн. 301-302... Просьба связываться с Федерацией. Председатель: Бела Кун, секретарь: Пескариу». 301-я и 302-я комнаты на четвертом этаже, а французская группа работает ниже — в 102-й комнате.

Окна «Дрездена» выходят на Тверскую улицу и Советскую площадь. Почти напротив — здание Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. До последнего времени в «Дрездене» находился Московский комитет РКП(б), который недавно переехал в Леонтьевский переулок, передав помещение иностранным коммунистам. В Октябрьские дни здание «Дрездена» имело большое значение для развития революционных событий в городе. Тут действовал Московский комитет РСДРП(б), а также находились редакции большевистских органов «Социал-демократ» и «Деревенская правда». Именно здесь Московский комитет РСДРП(б), получив телеграмму ЦК с указанием взять власть в руки Советов, единогласно принял решение воплотить в жизнь эту директиву партии.

На Советской площади, тогда Скобелевской, возле Московского Совета стояли орудия: два на Тверской — между «Дрезденом» и правым углом дома Совета, два — на углу Чернышевского переулка и Тверской улицы. Этот район надежно охранялся красногвардейскими отрядами. Когда 1 ноября на Скобелевскую площадь со стороны Столешникова переулка прорвался броневик белых, грянул залп с орудий, размещенных у Чернышевского переулка, и броневик отступил. Однако здание «Дрездена» было повреждено: снаряд попал в дверь, вы-

ходящую на площадь. Следы взрыва виднелись и сегодня. Жанна на мгновение задержалась у двери.

Выше по Тверской, возле булочной,— длинная очередь. Нелегкое время переживает столица молодой Страны Советов, нелегкое время и для всей Советской Республики, окруженной кольцом фронтов. Интервенты отрезали ее от важнейших продовольственных и сырьевых ресурсов страны: от нефти Баку и угля Донбасса. Из-за отсутствия топлива останавливаются предприятия, в вечернее время города погружаются во тьму — нет света. Транспорт не справляется с перевозками. Свирепствует сыпной тиф. Народ голодает. Снабжение продовольствием рабочего класса, городского населения, а также бойцов Красной Армии Советское государство взяло непосредственно под свой контроль, введя карточную систему. Распределение продовольственного пайка осуществляется на основе классового принципа. Преимущества предоставляются красноармейцам и рабочим. Только дети получают одинаковый паек независимо от классовой принадлежности своих родителей. Однако и самые большие пайки — мизерны. В середине сентября по продовольственной карточке I-й категории выдавали полтора фунта хлеба (600 граммов), а через десять дней — только один фунт (400 граммов). Еще долго хлебный паек не поднимается выше 300—400 граммов. Будут и более тяжелые времена, когда он катастрофически упадет до восьмушки в день (50 граммов).

Ленин делил все тяготы и лишения наравне с рабочим классом, всеми трудящимися Страны Советов. Интернационалисты знали, что он отдавал продукты, посылаемые ему крестьянами, детям, а сам, бывало, обедал в кремлевской столовой * вместе с наркомами, работниками Совнаркома и ВЦИК, посетителями Кремля. Здесь нередко обедала и Жанна Лябурб, можно было видеть венгров Бела Куна и Тибора Самуэли, поляка Юлиана Мархлевского, швейцарца Фрица Платтена, француза Жака Садуля, американца Роберта Майнора, немца Гуго Эберлейна и других иностранцев.

Яркую зарисовку кремлевской столовой, помещавшейся в бывшем здании судебных установлений, оставила Елизавета Драбкина в книге «В восемнадцатом году». На обед в столовой всегда было одно и то же — селедочный суп с сухими овощами и пшенная каша. По поводу последней велся непрекращающийся филологиче-

* Об этом вспоминала через полвека Мари Луиз Пети.— *В. М.*

ский спор: как следует говорить — каша «с ничем», каша «без всего» или же каша «без ничего». Зато уж посуда была на редкость разнообразная: миски, тарелки, котелки из глины, фаянса, жести и даже серебра. Случалось, посетители столовой хлебали суп из глиняной миски серебряной ложкой, но бывало, что деревянной ложкой уписывали кашу из тончайшей фарфоровой тарелки.

Мари Луиз вспоминала, что Ленин обычно был добродушен, спокоен, весел, но однажды «страшно рассердился, узнав, что, нуждаясь во всем и не желая ничего просить для себя, мы один за другим падаем, сраженные болезнями». Это еще одно свидетельство внимания Владимира Ильича к французским интернационалистам.

Неунывающая Мари Луиз долгими летними вечерами собирала на Воробьевых горах крапиву и варила из нее зеленый суп, радушно угощая друзей и подхваливая жиденькую похлебку. И действительно, суп казался отменным, удивительно вкусным в голодное и грозное время московских будней 1918 года.

Думая об огромных трудностях, которые переживала Страна Советов и которые ждали ее впереди, Жанна не переставала удивляться неисчерпаемости духовных сил народа первого в мире социалистического государства. Взять хотя бы искусство. Казалось бы, что в эти неимоверно трудные военные месяцы голодные люди даже не вспомнят о существовании театра. Однако думать так мог только тот, кто не знал этого народа. Партия большевиков в основу культурной революции положила ленинский лозунг: искусство — народу. Сразу же после победы Октября в Москве советские власти наряду с такими неотложными делами, как налаживание работы транспорта, водоснабжения и др., занялись и театрами. Сейчас их в городе несколько десятков — значительно больше, чем до революции. Частные театры национализированы. Сюда пришла новая, необычная публика. Рабочие, красноармейцы, крестьяне, бедно и разношерстно одетые, сидели вечерами в театральных залах и с восторгом вбирали в себя все, что происходило на сцене.

Регулярно устраивались концерты оркестра Большого театра, классическая музыка звучала в парках, на площадях. Как никогда раньше, потянулись простые люди к искусству, к грамоте, книге...

Жанна часто говорила об этом с товарищами по группе, призывала активно пропагандировать среди соотечественников успехи культурного стоительства в Совет-

ской России, его истинно народный характер. Группа немало сделала в этом направлении. Профессор Л. М. Зак обнаружила и опубликовала интересные материалы о том, что с помощью интернационалистов был переведен на французский язык ряд книг и статей А. В. Луначарского, Н. К. Крупской по вопросам строительства советской культуры. Уже после смерти Лябурб группа писала: «Конечно реализовать всю... колоссальную культурную программу для громадной России сейчас очень трудно, особенно вследствие материальных затруднений. Однако не забудем, что если программа-минимум — научить читать и писать сотню миллионов человек, то идеал Луначарского — приобщить все население к более высокому наслаждению интеллектуальной жизнью, эстетикой, моралью. И дело постепенно идет к этому».

...Сегодня Жанна собиралась зайти в недавно открытый на Тверской книжный магазин издательства ВЦИК. Книги — это ее страсть. Жанна часто бывала в книжном магазине мадам Тестевен на Кузнецком мосту, где продавались французские книги и находилась частная иностранная библиотека. Много читала и на русском языке.

Новый магазин работает до девяти вечера, и у нее еще достаточно времени. Товарищи говорили, что в нем есть книги не только издательства ВЦИК, но и «Коммуниста», Петроградского Совета депутатов, Народного комиссариата просвещения. В записной книге отмечены несколько названий: «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Женщина и социализм» А. Бебеля, «Новая армия. История французской революции» Ж. Жореса.

Полтора месяца назад литературно-издательский отдел Народного комиссариата просвещения объявил в газетах, что эти книги готовятся к печати. Свободного времени мало, но не читать нельзя. Этого требуют и ее духовные потребности, и ее работа. А вот эта книга записана по давней привычке следить за педагогической литературой: «Французский народный учитель» К. Лозовского.

Но самой дорогой книгой для Жанны стала скромная восьмистраничная брошюра, с которой она в последнее время вообще не расстается. На титульном листке слова: «В. И. Ульянов (Ленин). Краткая биография». Ее издал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Отпечатана в типографии И. Д. Сытина. В кратком предисловии сказано:

«Имя тов. Ленина стало известно решительно во всех странах мира. Одни произносят это имя с бешеной злобой, другие с величайшей любовью и доверием, и почти нет равнодушных к этому имени.

Вполне понятно поэтому желание многих товарищей ознакомиться с жизнью и деятельностью товарища Ленина, вождя величайшей в истории народов революции».

Неизвестный автор излагал важнейшие факты биографии Ленина. Он особенно подчеркивал, что все его помыслы принадлежали партии и революционной работе. Люди, близко знающие Ленина, говорилось в брошюре, всегда удивлялись, до чего мало внимания уделяет он своим личным потребностям, с каким упорством и непоколебимой энергией работает он. Владимир Ильич был всегда непримиримым последовательным марксистом, упорно боровшимся со всеми шатаниями в сторону соглашательства с буржуазией.

Жанне было приятно осознавать, что авторские оценки жизненного пути Ленина полностью совпадали с ее собственными. С этой мыслью она переступила порог магазина. В книжных магазинах Жанну всегда ожидали приятные минуты. Ей нравилось ходить вдоль стеллажей, бегло просматривать содержание новых, еще пахнущих типографской краской, книг, не спеша рыться в букинистических завалах. Однако на этот раз действительность превзошла все ожидания.

Она еще находилась во власти размышлений о ленинской биографии, когда взгляд остановился на книжечке под названием «Великий вождь рабочей революции. Владимир Ильич Ульянов — Ленин». Волнуясь, Жанна раскрыла ее. Без сомнения — это новое издание ленинской биографии! По размерам книга вдвое больше той, которую она имела. Московский окружной военный комиссар Емельян Ярославский писал: трудящиеся города и деревни должны знать, в кого была направлена рука злодеев, которые от имени партии правых эсеров покушались на жизнь Владимира Ильича Ленина. «Лютая ненависть буржуазии к трудящимся — вот что подтолкнуло руку убийцы»,— подчеркивал автор.

Жанна уже не могла оторваться от текста. Ранен человек, писал Ярославский, около тридцати лет отдавший делу рабочего класса, революционной борьбе, вождь пролетариата, величайший враг буржуазии, ранен гениальный мозг, в котором собраны и переработаны мысли всех борцов за освобождение человечества, ранено сердце, бьющееся ненавистью к угнетателям рабочих и вели-

кой любовью ко всем обездоленным, ранен крупный ученый, сделавший науку орудием освобождения пролетариата.

— Блестяще! — восторженно воскликнула Жанна, забыв, что вокруг нее покупатели. Затем, смутившись, она купила несколько брошюр и, уже не осматривая магазин, быстро вышла на улицу. Ей действительно очень понравилась простота и яркая публицистичность речи Ярославского. В сознании уже зрела идея: необходимо специально заняться изучением биографии Ленина на занятиях в группе. Тем более что Ярославский, как она успела заметить, пишет о революционной работе Владимира Ильича в эмиграции за границей, упоминает многие ленинские труды, освещает его деятельность как главы Советского государства.

Равняться на Ленина, на его жизнь и борьбу — смысл жизни и борьбы самой Жанны. Поэтому и решила она вступить в ряды большевистской партии.

Член РКП(б)

№ 930. Лябурб Жан *... (секретарь группы коммунистов, «Дрезден», 102)... 8 октября 1918 г.

Запись в книге учета членов РКП(б) Краснопресненского райкома партии города Москвы

Советский историк Л. М. Зак, более всех сделавшая для освещения жизни и деятельности Жанны Лябурб, считает, что она стала членом партии большевиков в 1905 году во время первой российской революции. Такой точки зрения долгое время придерживались все исследователи, писавшие о Лябурб. Это вполне понятно. Официальные документы о вступлении Жанны Лябурб в партию тогда еще не были найдены, а известные историкам факты свидетельствовали, что с 1905 года она принимает участие в революционной борьбе.

Однако в 1970 году исследовательница Г. М. Исаева опубликовала принципиально новый документ, который

* Так в тексте.— *В. М.*

позволил точно установить время вступления Жанны Лябурб в партию. Просматривая в Московском партийном архиве книгу учета членов РКП(б) Краснопресненского райкома партии города Москвы, которые вступили в партию в 1917—1920 годах, Г. М. Исаева встретила запись, взятую эпиграфом к этому разделу. Против фамилии Жанны Лябурб в графе «вступительный взнос» стояла дата ее вступления в партию — 8 октября 1918 года и отмечен вступительный взнос в сумме 50 копеек. В тот же день вместе с Лябурб в РКП(б) вступили Розалия и Анри Барбере (мать и сын), о чем свидетельствуют соответствующие записи в книге учета.

Датировку Г. М. Исаевой поддержали многие исследователи, в том числе и автор этих строк. Она вошла в третье издание Большой Советской Энциклопедии и второе издание Украинской Советской Энциклопедии. Казалось бы, вопрос исчерпан. Однако в книге «Они представляли народ Франции» о французских интернационалистах, вышедшей в 1977 году, Л. М. Зак писала по поводу 8 октября 1918 года: «...И Розали, и Анри Барбере вступили в ряды РКП(б) в это время. Что же касается Жанны, то можно полагать, что она в октябре 1918 г. лишь встала на учет в одной из организаций РКП(б), в районе Красной Пресни». Правда, Л. М. Зак соглашается с тем, что Жанна могла активно участвовать в революционной борьбе, в частности в Польше, формально не состоя в партии.

Думается, что так оно в действительности и было. Известно, что в 1907 году в рядах партии большевиков находилось 150 тысяч членов партии, к октябрю 1917 года количество членов РСДРП(б) увеличилось до почти 350 тысяч, в марте 1918 года к VIII съезду РКП(б) ленинская партия насчитывала более 300 тысяч коммунистов. Это небольшие цифры по сравнению с многомиллионной страной. Однако В. И. Ленин подчеркивал, что уже осенью 1905 года большевистская партия «стала партией *миллионов* пролетариата»[1]. Она являла собой образец того, что значит быть подлинно массовой партией нового типа. Партия была единственным истинным выразителем интересов не только рабочего класса, но и всех трудящихся, которые поверили в нее и пошли за ней на штурм старого мира.

Партия воспитала многие и многие тысячи испытан-

---

[1] Ленин В. И. О некоторых чертах современного распада // Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 145.

ных бойцов, которые не были ее членами, но самоотверженно боролись во имя идеалов революции. Именно такой предстает перед нами в дооктябрьские годы и Жанна Лябурб.

Профессор Л. М. Зак предполагает, что, выступая в августе 1918 года «от имени англо-французских коммунистов», Лябурб должна была бы состоять в РКП(б). Нет, это необязательно. Заметим, что в то время практически никто из интернационалистов не был членом ленинской партии. Но это не помешало создать французскую коммунистическую группу. Л. М. Зак совершенно справедливо отмечает, что товарищи всегда называли Жанну Лябурб первой французской коммунисткой. Да, она была первой. Однако это совсем не значит, что в партию Жанна вступила, скажем, на десять лет раньше других, не хронологический фактор играет здесь основную роль. Вступая в партию 8 октября 1918 года, в один день с Анри и Розалией Барбере, она все-таки была первой. Как революционерка, имеющая большой опыт работы, как инициатор, создатель и руководитель группы, как человек, лично знающий Ленина.

Исследователи до сих пор не обращали пристального внимания на небольшой, но очень важный штрих документа, обнаруженного Г. М. Исаевой. Речь идет об уже упомянутом вступительном взносе в сумме 50 копеек. Действующий в то время Устав партии, принятый на Шестом съезде РСДРП(б), гласил, что обычный членский взнос коммуниста устанавливается местной организацией в размере не менее 1% заработной платы. Архивные документы позволили нам установить, что зарплата секретаря французской группы составляла в сентябре 1918 года 650 руб. Значит, плати Жанна обычный партийный взнос, она должна была внести в партийную кассу не менее 6 руб. 50 коп. В чем же дело? Дело в том, что это был действительно *вступительный взнос*. «*Новые члены*,— говорилось в Уставе партии,— уплачивают вступительный взнос в размере 50 коп.» (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

Итак, это не постановка на учет в одной из организаций РКП(б), а вступление в партию нового члена. Тот факт, что Жанна Лябурб стала членом партии в октябре 1918 года, а не, допустим, в 1905 году, нисколько не умаляет ее заслуг перед РКП(б) и ФКП. Наоборот, следует особо подчеркнуть, что она вступила в партию в тяжелейшее для молодой Страны Советов время смертельной борьбы против внешней и внутрен-

ней контрреволюции, в то время, когда Советская Республика превратилась в единый военный лагерь. История свидетельствует, что в периоды наибольшей опасности для Советской власти в ряды партии шли самые преданные, самые смелые и самоотверженные люди.

...В ту ночь Жанна почти не спала. Причиной было волнение, с которым она никак не могла совладать. Пожалуй, такое случилось с ней впервые в жизни. Жанна стояла возле окна, наблюдая, как над крышами проблескивают первые солнечные лучи. Небо было ярко-синим, покрытым большими белыми клубами туч. Казалось, начинался обычный день недели — вторник, 8 октября 1918 года,— но для нее он должен стать необычным, праздничным.

Лябурб вышла на улицу и направилась к Тверской. Осень — искусный живописец — уже положила первые мазки багрянца на кроны деревьев, которые тянулись к солнцу мокрыми от утренней росы ветвями. Желтые листья падали, кружась в прозрачном тумане, и золотистым ковром покрывали серую брусчатку. Дворники сметали их в небольшие кучи, от которых струился особенный запах, напоминавший Жанне запах дубравы на околице Лапалиса. А может, ей это кажется? Так редко вспоминается детство...

В «Дрезден» она сегодня пришла, наверное, раньше всех. Открыла сто вторую комнату, присела к столу, но работать не могла. Поднялась, быстрыми шагами стала мерять комнату. Она всем сердцем чувствовала и переживала значение и ответственность того, что делала. Не колебалась, ибо выбор пути состоялся более десяти лет назад. Но вступление в партию Жанна расценивала как увеличение отдачи собственных сил, неизмеримое повышение требовательности к самой себе. В сознании Жанны в последнее время вызрело решение просить, требовать отправки ее на передний край борьбы, где советскую землю оккупировали солдаты французского интервенционного десанта. Она была уверена в том, что готова к этой необходимой, хотя и опасной работе. Она должна добиться командировки на Север и с глазу на глаз со своими обманутыми соотечественниками-солдатами сделать все для того, чтобы вместе отвести штыки, направленные в грудь рабоче-крестьянской власти.

Лябурб знала, что в эти дни Московская партийная организация жила напряженной жизнью. Почти на каждом заседании комитета партии слушались вопро-

сы об очередной мобилизации на фронт коммунистов и рабочих, о сборе подарков для Красной Армии, о деятельности продовольственных отрядов, о состоянии дел на фабриках и заводах, о жилище и быте рабочих и т. д.

Это большая честь, что ее принимает в партию именно Московская партийная организация РКП(б). Еще и неделя не прошла с того дня, когда торжественно отметили знаменательную дату — 25-летие возникновения в Москве первой социал-демократической организации — «Московского рабочего союза». На юбилейном вечере Московскую партийную организацию от имени Центрального Комитета партии приветствовал Я. М. Свердлов, от петроградских большевиков поздравления передал М. И. Калинин. С приветственным словом от Федерации иностранных групп выступил А. Пескариу, который особо подчеркнул, что «октябрь 1917 года открыл пролетариату всего мира новые горизонты». Четвертьвековой юбилей Московской партийной организации еще раз напомнил о ее славной истории, выдающейся роли в жизни партии.

Жанна вступала в ряды одной из самых больших в городе Пресненской районной организации. Район молодой, образован в 1917 году, но революционные традиции здесь старые, прочные. Рабочие Пресни активно участвовали в революции 1905—1907 годов. В дни Декабрьского вооруженного восстания 1905 года Пресня стала цитаделью восставшего московского пролетариата. Жанна заходила на Ваганьковское кладбище, где в братской могиле похоронены герои Пресни. В октябрьские дни 1917 года красногвардейцы района вели бои в центре города, освобождали Кремль. Жанна гордилась этим и молча поклялась, что будет боевым членом районной парторганизации. Когда пришли Розалия и Анри Барбере, внешне Жанна казалась спокойной. Все трое вышли из «Дрездена» и направились к райкому партии.

Член райкома, немолодой седой мужчина, очевидно, в прошлом рабочий, как-то особенно бережно пожал им руки — как будто боялся причинить боль. Но тут же уверенным голосом сказал, что знает об их работе в французской коммунистической группе, верит в их силы. Сказал также, что Инесса Арманд дала высокую оценку деятельности интернационалистов. Говорил с ними просто, и Жанна видела, как теплеют его покрасневшие от бессонницы глаза.

Член райкома только что беседовал с группой ком-

мунистов, которых район направлял на фронт для политической работы. Всего по городу с этой целью мобилизовано в сентябре свыше 200 человек. Он рассказывал им о том, что просьбы о пополнении Красной Армии коммунистами поступают в адрес Московского комитета партии прямо с боевых рубежей, что большевики столицы могут и обязаны помочь фронту.

В результате первого летнего и сентябрьского призывов Москва дала фронту около тысячи лучших своих сынов-коммунистов. В действующую армию уже ушли многие работники Московского городского и районных комитетов РКП(б), Моссовета, районных Советов. В некоторых райкомах партии осталось всего несколько работников.

Седовласый член райкома на мгновение остановился. Он подумал о том, что именно по этой причине его просьбы об отправке на фронт неоднократно отклонялись. Здесь тоже кому-то нужно работать.

— Мы сделали немало,— не спеша и твердо сказал он в заключение.— Однако, если партия потребует, если Ленин скажет, мы, коммунисты, уйдем на фронт все до одного. И разгромим врагов. Защитим наше рабоче-крестьянское государство.

Он вышел к французским интернационалистам взволнованный, весь в плену общения с кадровыми московскими рабочими. Его ждали две женщины и юноша, тоже взволнованные, с открытыми лицами людей, сделавших окончательный и честный выбор жизненного пути. И уже в который раз старый партийный работник подумал о том, что с такими коммунистами Страна Советов — непобедима. Разве не является подтверждением этого и то, что в ряды РКП(б) вступают французские интернационалисты, которые умом и сердцем поняли значение Октября?! Вручая партийные билеты, сказал кратко:

— Будьте настоящими большевиками.

— Будем,— ответила за всех Жанна.

Возвращались счастливые и окрыленные. Они — члены РКП(б).

Французская группа значительно активизировала свою работу после вступления в нее сотрудника французской военной миссии в Москве Жака Садуля. Эта крупная фигура интернационалистского движения заслуживает особого разговора. Уроженец Парижа, сын участницы Парижской коммуны, Садуль окончил Сорбонну, где получил профессию адвоката. Когда разразилась первая

мировая война, его привлекли к работе в министерстве вооружений. В 1917 году Жак Садуль — капитан французской армии, член Французской социалистической партии, стоящий на социал-шовинистических позициях,— был отправлен в Россию как сотрудник военной миссии. Прибыл он сюда в роли политического наблюдателя и информатора.

Свою задачу Садуль старался выполнять честно. Во Францию поступала правдивая, объективная информация о событиях в революционной России. Уже в ноябре 1917 года он писал, что программа большевиков «в широкой степени отражает надежды народа».

Однако в то время Садуль был далек от понимания сути большевизма. «Я, может быть, и сегодня был бы так же слеп, если бы не прошел здесь великой школы русского коммунизма»,— скажет он в марте 1919 года.

Эта школа состояла прежде всего в непосредственном влиянии Великого Октября и личном влиянии на Садуля Владимира Ильича Ленина. Обычно, описывая знакомство Садуля с Лениным, исследователи уделяют больше внимания второй половине 1918 года. Но после выхода пятого тома ленинской Биохроники стало известно, что Ленин неоднократно встречался с капитаном и в 1917-м — первой половине 1918 годов. Достаточно сказать, что на протяжении первых неполных пяти месяцев Советской власти Ленин беседовал с Садулем не менее десяти раз. Характерно, что уже в конце октября 1917 года Ленин несколько раз беседует с Жаком Садулем о позиции большевиков по формированию нового, Советского правительства России. Вне сомнения, эти беседы повлияли на содержание тех материалов, которые Садуль отправлял на родину, в частности, на оценку большевиков как истинных выразителей дум и чаяний народа.

Автор проанализировал материалы Биохроники, касающиеся Садуля. Они свидетельствуют, что в конце 1917-го — начале 1918 годов имя Садуля упоминается чаще всего в связи с упорной борьбой Ленина за выход из войны и заключение всеобщего демократического мира. Известно, что Советское правительство неоднократно обращалось к правительствам стран Антанты с предложениями совместно провести переговоры с Германией и ее союзниками о перемирии и заключении мира, однако они были отвергнуты. Очевидно, Ленин видел в сотруднике французской военной миссии Жаке Садуле человека, который может объективно информировать о по-

зиции Советского правительства свои власти, уведомить о ней мировую общественность.

Именно поэтому в ночь с 5-го на 6 (с 18-го на 19) декабря 1917 года Ленин принимает Садуля и в беседе с ним высказывается за участие бывших союзников России — Франции, Англии, США и др. — в общих переговорах о мире. Ночная встреча была не случайной. Как раз в это время Советское правительство добилось перерыва в переговорах с Германией о мире в Брест-Литовске и вновь предложило правительствам держав Антанты присоединиться к переговорам о демократическом мире.

29 декабря 1917 года (11 января 1918 года) Ленин снова принимает Садуля и в беседе с ним говорит о необходимости для Советской России пойти на заключение сепаратного мира с Германией, если союзники не согласятся приступить к всеобщим переговорам о мире.

Нельзя обойти и тот интереснейший факт, что Ленин беседовал с Садулем в первый день нового, 1918 года *. Это был напряженный день. Утром Ленин принимает делегацию Советского правительства Украины, направляющуюся на мирную конференцию в Брест-Литовск, расспрашивает ее членов о положении на Украине, дает советы, касающиеся позиции украинской советской делегации в Брест-Литовске, рекомендует В. П. Затонскому остаться в Петрограде в качестве представителя Советского правительства Украины в Совнаркоме.

В 13 часов дня из кабинета Ленина доносилась английская речь. Он говорит по телефону с позвонившим ему американским послом Д. Френсисом, который в качестве дуайена (старшины) дипломатического корпуса просит принять весь корпус для беседы. Сразу после 16 часов Ленин принимает аккредитованных в Петрограде дипломатических представителей стран Антанты и нейтральных стран [1].

Затем Ленин беседует с Ф. Платтеном. Едет вместе с М. И. Ульяновой, Ф. Платтеном и Н. И. Подвойским в Михайловский манеж, где выступает с приветственной речью на митинге, посвященном проводам на Западный фронт отряда новой, социалистической армии. После

---

* По старому стилю.

[1] Поводом для просьбы Д. Френсиса послужил арест Совнаркомом румынского посланника К. Диаманди в связи с вооруженными провокациями румынского командования против верных Советскому правительству войск. Однако в действительности дипломаты Антанты использовали визит к Ленину для своеобразной про-

митинга беседует с американским журналистом А. Вильямсом и американской журналисткой Б. Битти *.

Вечером автомобиль, в котором Ленин вместе с М. И. Ульяновой и Ф. Платтеном возвращался в Смольный с митинга в Михайловском манеже, обстреливают контрреволюционеры-террористы. Платтен, заслонивший Ленина, был ранен в руку. Несмотря на это чрезвычайное происшествие, Владимир Ильич уже через полчаса председательствует на заседании Совнаркома, где среди первых обсуждается вопрос о посещении Смольного дипломатическим корпусом. И сразу же после заседания поздно вечером Ленин беседует с Жаком Садулем о посещении Совнаркома дипломатами стран Антанты и нейтральных стран.

В письме, написанном сразу же после встречи, Садуль сообщил в Париж, что Ленин «с иронией выразил сожаление о том, что послы, которые проявляют столько инициативы, когда заходит речь о защите привилегий их почетной корпорации, не развертывают такой же деятельности, когда нужно... предотвратить пролитие крови их солдат». Как видим, Садуль передал во Францию материал, содержащий всю убийственную силу ленинской иронии по поводу очевидной фальши предпринятого Антантой дипломатического шага. В то же время, как вероятно и надеялся Ленин, сотрудник французской военной миссии фактически информировал свои власти о силе и твердости молодого Советского правительства, о том, что времена, когда Антанта могла распоряжаться в России по своему усмотрению, канули в Лету, а Совнарком готов вести переговоры с капиталистическими правительствами только на основе полного равноправия.

Как видим, Владимир Ильич не ошибся в честности и порядочности Садуля. Тот объективно информировал свое правительство о ленинской политике мира. Садуль постоянно подчеркивал, что «по вопросу о немедленном мире существует единство между большевиками и всей русской нацией».

верки сил молодого Советского правительства, проверки того, какое впечатление произведет на Ленина «грозный окрик Европы». Этот дипломатический демарш закончился полным крахом для его организаторов. (Подробнее см. В. Голант «Не вышло!», «Нева», 1968, № 1.) — *В. М.*

* Обрати внимание, читатель, на то, что даже один день Владимира Ильича дает представление о богатстве и разнообразии его личных контактов, в том числе и с иностранными интернационалистами.— *В. М.*

О доверии к Садулю свидетельствует и то, что, как правильно отмечает Л. М. Зак, в тяжелое для Советской страны время, время немецкого нашествия и борьбы за Брестский мир, французский капитан был одним из немногих представителей союзников, к которому обращался Совнарком, предпринимая попытки некоторых технических и военных контактов, чтобы приостановить продвижение войск интервентов в глубь России. Ленинская Биохроника рассказывает, что 27 февраля 1918 года Садуль привел к Владимиру Ильичу французского лейтенанта Ж. де Люберсака. Речь шла о предложении французских офицеров-подрывников разрушить железнодорожные пути, чтобы помешать наступлению немцев.

Об этом случае рассказал В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим», опубликованном 22 августа 1918 года. В нем мимоходом упоминается французский капитан Садуль, «на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму»[1]. Это была суровая, бескомпромиссная, подлинно классовая ленинская оценка. Она свидетельствовала о том, что личная честность, объективность, словесное сочувствие большевикам автоматически не переводят человека с империалистической стороны баррикады на пролетарскую.

Жак Садуль был потрясен. Казалось, весь мир опрокинулся в одно мгновение. Сначала его захлестнула обида. Но вскоре, немного успокоившись, он открыл для себя, что горькие ленинские слова, как ни странно, исцеляют его. Исцеляют от мучительного недуга сознания и совести, вызванного двойственностью его положения.

Умом и сердцем Садуль понял — Ленин прав. Уже несколько месяцев он жил как бы двойной жизнью: остро чувствовал, что рвет с прошлым и тянется к большевизму, и в то же время продолжал по-старому служить в военной миссии. «Меня какие-то силы удерживали,— скажет Садуль позже,— возможно, мое официальное положение, с одной стороны, а с другой — я столько лет работал в социалистической партии. Один случай заставил меня резко порвать с моим прошлым...».

Этот случай — беспощадный ленинский отзыв, о котором шла речь. Пришло время от сочувственных слов

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 55.

переходить к практическим действиям. Первый поступок Садуля состоял в том, что он собрал копии всех своих писем, посланных во Францию, и направил их Ленину. Владимир Ильич очень внимательно ознакомился с ними и через несколько дней принял Садуля. Он высказал надежду, что Садуль будет последователен в своей борьбе, порвет с социалистической партией и станет коммунистом. Письма Ленин посоветовал опубликовать *. Обращает на себя внимание такой интересный факт. 24 августа 1918 года газета «Известия» напечатала одно из писем Садуля Ромену Роллану, написанное еще 14 июля. Можно высказать предположение, что Садуль передал его в редакцию сразу же, как только прочитал 22 августа ленинское «Письмо к американским рабочим».

Дальнейшие шаги Жака Садуля, предпринятые под влиянием встречи с Лениным, были решительными и однозначными. Когда французская военная миссия оставила Москву, капитан Садуль открыто порвал с французским правительством и остался в России. «Вооруженное вмешательство союзных бандитов и их вассалов в дела рабоче-крестьянской России ни в какой мере не может быть признано войной французского народа с русским. Это война буржуазии против пролетариата, эксплуататоров против эксплуатируемых. В этой классовой борьбе,— мотивировал позже Садуль свое решение,— место всякого искреннего социалиста и, следовательно, мое место — в рядах пролетарской армии против армии буржуазии. Я вступаю в Красную Армию». Одновременно он вступил и во французскую коммунистическую группу.

Во многих письмах, в том числе к Ромену Роллану, Жак Садуль заклеймил позором действия стран Антанты, призвал писателей, ученых Франции «помешать сынам великой французской революции покрыть себя несмываемым позором, выполняя роль палачей великой русской революции». На конгрессе Французской социалистической партии, который состоялся 6—11 октября 1918 года, один из лидеров этой партии прочитал письмо Садуля Роллану. По сообщению женевского корреспондента «Правды», «письмо произвело колоссальное впечатление».

---

* Письма Жака Садуля под названием «Записки о большевистской революции» и «Сорок писем капитана Садуля» были изданы в Берне, Париже, Петрограде, Москве и имели широкий политический резонанс.— *В. М.*

Ленин не оставил без внимания этот факт. В плане доклада, который он готовил в октябре для объединенного заседания ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, Ленин записал: «чтение письма Садуля на съезде» [1]. А 22 октября, выступая в первый раз после покушения на упомянутом заседании, Ленин сказал: «На последнем съезде (Французской социалистической партии — *В. М.*), когда читали письмо о том, что делают союзники, англо-французские империалисты, раздались крики: да здравствует социалистическая республика» [2].

Сделав окончательный выбор в пользу большевизма и пролетарского интернационализма, Садуль ясно сознавал, что французский империализм не простит ему этого. Однако он спокойно и мужественно смотрел в лицо будущему.

В одном из своих писем к Ромену Роллану Жак Садуль писал: «Я уже предвижу, благодаря хорошо информированным друзьям, что как только я вернусь во Францию, мой голос постараются заглушить всеми средствами... Я авансом принимаю на себя всю ответственность. Я спокоен, как человек, который сознательно выполнил долг социалиста и француза, всегда вдохновляемый точной формулой Жореса: «Немного интернационализма отдаляет патриотизм, много интернационализма — приводит к нему».

Владимир Ильич внимательно следит за качественными преобразованиями в жизни Садуля. 27 ноября 1918 года, выступая с заключительным словом на собрании партийных работников Москвы, он как бы подытожил их, упомянув о капитане Садуле, «который присоединился к большевизму» [3].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 529.

[2] Там же.— С. 113.

[3] Там же.— С. 226. И в дальнейшем Ленин неоднократно встречался и переписывался с Жаком Садулем. Так, в феврале 1919 года Владимир Ильич пишет Садулю письмо с благодарностью за присылку изданной в Москве брошюры «Vive la Republique des Soviets!» /«Да здравствует Республика Советов!»/, шлет привет и добрые пожелания. Совсем недавно стало известно, что в феврале 1920 года Ленин получает письмо Садуля о течениях внутри Французской социалистической партии, о планах создания коммунистической партии Франции, а в июне и сентябре 1920 года принимает Садуля. Наконец, девятый том ленинской Биохроники свидетельствует, что в сентябре 1920 года Владимир Ильич знакомится с письмом французского интернационалиста, который сообщал о своем отъезде из Москвы в Берлин и просил помочь ему в осуществлении

Талантливый и страстный публицист, энергичный и умелый организатор, Жак Садуль ощутимо расширил диапазон возможностей группы, внес свежую струю в ее деятельность. Уже в первом разговоре с секретарем группы Жанной Лябурб Садуль предложил:

— Используйте меня, не жалея моих сил.

— Мы как раз и рассчитывали на то, чтобы в полной мере использовать ваши возможности,— ответила Жанна.

— Вы знаете мои возможности? — удивился Садуль.

— Да, о капитане французской военной миссии Жаке Садуле мы слышали много хорошего от ее сотрудников — членов нашей группы. Нам, к примеру, известно, что вы хорошо поинформированы о состоянии дел во Франции, отлично знаете социалистическое движение на родине и одновременно неплохо ознакомлены с жизнью Советской России, борьбой рабочих и крестьян. Это именно то, что необходимо для ведения действенной агитации и пропаганды среди французского оккупационного десанта. Я имею в виду печатную агитацию и пропаганду, ведь вы прекрасно пишете, товарищ Садуль. Инесса Арманд говорила, что ваши корреспонденции во Францию понравились Владимиру Ильичу.

— Вы переоцениваете мои возможности. Но я согласен с вами в главном: в необходимости глубоко продуманной и хорошо организованной агитации. И в подтверждение этого уже принес вам текст обращения к солдатам интервенционных армий. Считаю, что следует

этой поездки. Ленин пишет на письме записку в Реввоенсовет Республики с просьбой оказать Садулю содействие.

Жак Садуль был участником I и II конгрессов Коммунистического Интернационала. В апреле — августе 1919 года по поручению ЦК РКП/б/ и Исполкома Коминтерна работал на Украине. Входил в состав Южно-Российского бюро Коминтерна, представлял его в Одессе, где в это время действовало одиннадцать иностранных коммунистических групп. Автору этих строк удалось найти в Крымском областном партийном архиве интересный документ, свидетельствующий о высоком доверии к Садулю со стороны Советской власти. Это телеграмма (апрель 1919 года) за подписью наркома иностранных дел Г. В. Чичерина на имя председателя Совнаркома Украины Х. Г.. Ракавского, в которой шла речь о событиях в Севастополе. «Советуем использовать Садуля,— подчеркивал Г. В. Чичерин,— для влияния французских солдат и матросов». Жак Садуль, который в то время находился в Одессе, не работал в Севастополе, но листовки и брошюры, написанные им, широко распространялись среди солдат оккупационной эскадры. По инициативе и при непосредственном участии Садуля были созданы французские коммунистические группы в Киеве и Одессе.

Как и предполагал интернационалист, французские власти уже

увеличить выпуск таких изобличительных документов.

— Вы нам в этом поможете. Кроме того, мы надеемся, что вы примете активное участие в подготовке нашей газеты. Хотелось бы получить вашу статью уже в первый номер, который выйдет в октябре. Наконец, просто необходима ваша помощь в устной агитации и пропаганде. Как видите, мы выполняем вашу просьбу и собираемся полностью загрузить нового члена группы.

— Это чудесно. Рад буду работать вместе с вами. Кстати, о француженке Жанне Лябурб я тоже слышал немало добрых слов от сотрудников нашей миссии. Говорил о вас и Владимир Ильич, когда принимал меня по поводу моих писем во Францию. Ваш личный пример меня многому научил и был не последним аргументом в пользу вступления в группу.

— А знаете, где я впервые встретила фамилию Садуль в прессе? В ленинской статье «Письмо к американским рабочим». Вот она, наверное, и стала главным аргументом в выборе вами пути.

— Я до сих пор краснею при воспоминании о той ленинской оценке моей персоны. Да, это был настоящий урок, который решил мою дальнейшую жизнь.

Сегодня в Александровский сад Жанна зашла с Вукашиным. В последнее время у него были стычки с некоторыми членами югославянской коммунистической группы, и он глубоко переживал это. Жанна старалась

летом 1919 года обвинили его в «государственной измене» и заочно приговорили к смертной казни. Этот приговор был вынесен Садулю трижды. И все же в 1924 году он возвращается во Францию. В следующем году военный трибунал вынужден был оправдать Садуля под мощным давлением народных масс, для которых его имя олицетворяло революционную борьбу в России. В 1927 году Советское правительство наградило орденом Красного Знамени «бывшего капитана французской службы, верного друга Октябрьской революции в ее наиболее тяжелые дни».

Во время второй мировой войны коммунист Садуль — участник движения Сопротивления. До последних дней жизни — подлинный друг нашей страны. Написал ряд интересных работ о Советском Союзе, в том числе книгу «Рождение СССР». После смерти Жака Садуля в ноябре 1956 года газета Французской коммунистической партии «Юманите» писала: «Наша партия склоняет свои боевые знамена перед социалистом, который сумел постичь все величие Октябрьской революции, перед борцом славной Красной Армии, перед коммунистом, нерушимо верным своей партии и своему народу».

Жак Садуль вошел в историю как известный деятель интернационалистского движения в защиту Страны Советов. —*В. М.*

быть рядом, поддерживала мужа в трудные минуты. В то же время она не раз говорила ему, что он слишком резок в отношении с товарищами, нетерпим к молодым членам группы. Личные конфликты, правда, не влияли на работоспособность Марковича. Жанна убедилась в этом, когда 21 октября прослушала его лекцию о революционных событиях на Балканах, прочитанную в клубе «Третий Интернационал», который находился теперь на Малой Бронной, 2. Лекция была блестяще подготовлена, Маркович показал глубокое знание истории, использовал новейшие материалы. Энергично, с революционным огоньком он организовал и провел митинг интернационалистов. Его знания и немалый революционный опыт понадобились и тогда, когда Жанна как секретарь группы приглашала Марковича на теоретические занятия и собеседования, которые проводили французские коммунисты, в частности среди рабочих.

Кстати, их агитация среди французских рабочих на предприятиях города не была безрезультатной. На собеседования приходило все больше людей, некоторые активно помогали группе. Один из таких активистов — Франсуа Лаваль — даже был отправлен пропагандистом на Север. Он пришел к Жанне в один из сентябрьских дней с просьбой направить его на Северный фронт.

— Но кто вы, готовы ли к такой работе, понимаете в чем ее опасность? — спросила она тогда.

— Подготовьте меня,— просто ответил Франсуа.— А опасности я не боюсь.

Кратко рассказал свою биографию. Родился во Франции. С двадцати лет работал в Бельгии, где и приобрел квалификацию. Осенью 1915 года прибыл в Россию в числе восьмиста бельгийцев, приглашенных на работу Центральным военно-промышленным комитетом. Работал на Сестрорецком заводе, потом судьба забросила его в Москву. Здесь начал прислушиваться к лозунгам большевистской партии, пристально наблюдал за деятельностью большевиков после Октября, сочувствовал им. Однако сочувствие это было на первых порах пассивным. Резкий перелом в сознании наступил тогда, когда узнал об интервенции Антанты на севере Советской страны. Как-то особенно остро почувствовал, что дело, за которое борются большевики, благородное и близкое ему, а дело, ради которого вторглись на советскую территорию его вооруженные соотечественники, позорное и чуждое.

Он хотел, чтобы это поняли и обманутые солдаты.

Как бы чувствуя вину за свою долгую бездеятельность перед страной, которая давно и тяжело воюет, он стремился сделать это немедленно и еще весной просил отправить его в Мурман. Франсуа вежливо ответили, что высококвалифицированные специалисты нужны на заводе. Однако это не охладило молодого француза. Он много читал, наблюдал за событиями, посещал митинги, одновременно серьезно готовясь к избранной им необычной работе. Как только услышал о создании французской коммунистической группы, сразу же принес заявление.

Жанна помогла Франсуа Лавалю. И не только потому, что уже во время первого разговора убедилась в его хорошей подготовке. Ее особенно поразило то, что этот молодой рабочий самостоятельно пришел к выводу о необходимости ведения агитационной работы среди войск интервентов. Жанна еще целый месяц лично работала с ним, шлифовала его знания, теоретическую подготовку. Она ознакомила его с воззваниями, которые подготовила группа, другой революционной литературой. Когда Франсуа уехал на оккупированную территорию, Жанне стало горько от того, что она не может поступить так же. Ее попытки добиться поездки на Север не увенчались успехом.

Посмотрела на мужа: Вукашин шел молча, думая о своем.

— Ты не забыл, ради чего мы сюда пришли? — засмеявшись спросила Жанна.

— Нет. К обелиску осталось полсотни шагов.

В Александровский сад Жанну привело сегодня желание посмотреть только что открытый обелиск выдающимся революционерам и мыслителям мира. Ведь это первый памятник, установленный после победы революции! Еще в апреле 1918 года газеты опубликовали декрет Совнаркома за подписью В. И. Ленина о снятии памятников, сооруженных в честь царя и его приспешников, и разработку проектов памятников российской социалистической революции. В этом Жанна усматривала революционный смысл и высокую историческую справедливость. Лично ей было радостно от того, что новый памятник открыт именно здесь, возле Кремлевской стены, в Александровском саду. Он сооружен на месте старого обелиска, установленного в 1913 году к 300-летию царского дома Романовых. Памятник был увенчан двуглавым орлом — символом царской власти и исписан именами царей.

Как же теперь? Они остановились. Простой четырехгранный обелиск из серого гранита был оставлен. Но навсегда исчезли царский орел и ненавистные народу имена. А вместо них на гранях обелиска высечены сверху вниз новые: Маркс, Энгельс, Либкнехт... Всего девятнадцать. Жанна и Вукашин долго стояли молча.

— Среди них есть и французы, мои соотечественники,— наконец задумчиво сказала Жанна.

— Да, три великих мыслителя-утописта: Жан Мелье, Сен-Симон, Шарль Фурье, мужественный борец против реакции, милитаризма и войны, безупречно честный Жан Жорес *.

А через несколько дней, в воскресенье, 3 ноября, Жанна снова пришла в Александровский сад. Здесь открывался памятник ее знаменитому земляку — Максимильену Робеспьеру **. Газеты извещали о том, что в преддверии первой годовщины Октября в разных местах столицы будут открыты памятники историческим лицам, чьи славные имена составляют гордость всего человечества. В тот день состоялось открытие монументов Алексею Кольцову, Ивану Никитину, Тарасу Шевченко, Робеспьеру...

Страстную речь возле величественной железобетонной фигуры Робеспьера произнес Жак Садуль. Он подчеркнул, что Робеспьер «наиболее полно выражает самые высокие и справедливые идеалы Великой французской революции». Выступление Садуля, горячо встреченное присутствующими, переводила Александра Коллонтай.

Оркестр играл «Марсельезу», люди были радостны, царила атмосфера подлинного революционного праздника. Позже об этом расскажет в яркой публицистической статье знаменитый русский ученый К. А. Тимирязев, присутствовавший на митинге. «Перед памятником «Непод-

* Они не знали о том, что их имена тоже будут занесены в историю революционной борьбы советского народа. Имя дочери французского народа Жанны Лябурб и имя сына югославянского народа Вукашина Марковича.— *В. М.*

** Автором памятника была юная студентка училища живописи, ваяния и зодчества Б. Ю. Сандомирская. Монумент Максимильену Робеспьеру понравился Ленину. «Вот этот памятник наш,— сказал он.— Такие памятники нам нужны...»

Очевидно, враги революции тоже чувствовали мощную пропагандистскую силу воздействия революционного монумента. Они боялись и ненавидели даже железобетонного Робеспьера. В ночь с 6-го на 7 ноября 1918 года памятник Робеспьеру был разрушен белогвардейской бомбой.— *В. М.*

купному»,— он назвал свою статью так, как называл французский народ своего великого сына.

К. А. Тимирязев писал, что задолго до Октябрьской революции, в Париже, он беседовал о Робеспьере с одним известным французским академиком. «Почему это вы, парижане, такие мастера по части памятников, не собрались до сих пор поставить... памятник вашему Робеспьеру?» — спросил у него Тимирязев. «Он отскочил, как ужаленный,— писал Тимирязев,— и, пробормотав: «Не так-то мы его любим»,— поспешно удалился... Если бы в ту минуту мне кто-нибудь сказал, что этот памятник, от которого открещивался благонамеренный француз, я увижу в двух шагах от своего жилья, прямо против Московского университета, я, конечно, счел бы это за бред расстроенного воображения».

...Первые шаги по реализации ленинского плана монументальной пропаганды поразили Жанну своим размахом и подлинным интернационализмом. Только 7 ноября 1918 года были торжественно открыты памятники основателям научного коммунизма Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, французскому революционеру Жану Жоресу, немецкому поэту Генриху Гейне, бельгийскому поэту Эмилю Верхарну... Великие люди, которых Жанна глубоко уважала, перед гением которых преклонялась, оставались теперь не просто в памяти, но как бы зримо присутствовали рядом. Отныне они были неотделимы от революционной жизни, действовали, боролись вместе с трудящимися столицы. Кто станет отрицать, что и они во весь голос засвидетельствовали интернационализм Великого Октября?!

Третий номер газеты «III Интернационал» выйдет в свет завтра, 9 ноября. Газета уже набиралась, ждали только статью Жанны Лябурб, в которой она должна рассказать о вчерашнем праздновании годовщины Октябрьской социалистической революции. Жанна так и назвала статью «Годовщина Октябрьской революции». Написала и первую фразу: «Наша газета уже в наборе, мы сможем только вкратце поделиться впечатлениями». Задумалась, отложила ручку. Волнующие, радостные переживания переполняли ее, но как кратко об этом расскажешь? Она снова взялась за перо.

«Конечно, мы были уверены,— писала Жанна,— что это будет великий день, революционный праздник... Но мы не ожидали, что праздник будет столь широким,

столь могучим, столь торжественным. Еще никогда Москва не видела такого огромного величавого человеческого потока».

Счастливые, гордые лица демонстрантов и сейчас стояли перед ее глазами.

«Как было бы необходимо,— продолжала Жанна,— чтобы те, кто ошибается или сомневается в силе революционного движения, увидели это зрелище и прониклись чувствами и волей русского народа — жить свободными на своей свободной земле.

Их были сотни тысяч, и они шли так спокойно, уверенно, полные сознания величия своего праздника, что нельзя было не проникнуться огромной верой, воодушевлявшей их...»

— Какой прекрасный день! — вырвалось у нее вслух. И эти искренние слова сразу же легли на бумагу. Затем Жанна вывела:

«В то время как тираны втайне замышляют заговоры против человечества, целый народ провозглашает свой идеал всемирного братства, демонстрируя силу, свою веру в окончательную победу всех угнетенных над угнетателями».

Выпрямившись в кресле и чуть откинув голову, Жанна вспоминала. Вчера они — французские интернационалисты — с утра вместе с москвичами вышли на улицу. Ведь праздник начинался с улиц и площадей, которые были удивительно нарядные и красивые. Накануне стояла хмурая и сырая погода, но уже к вечеру выглянуло солнышко. Утром в праздничный день город купался в солнечных лучах, которые высвечивали его яркое убранство,— алые полотнища, знамена, транспаранты, плакаты и лозунги. Тверская от Страстного монастыря до Охотного ряда украшена красной материей, гирляндами цветов. Через улицу между домами натянуты плакаты: «Октябрьская революция дала власть народу», «Да здравствует Советская власть!» На зданиях Моссовета и «Дрездена» — пурпурные диски с золотой эмблемой герба РСФСР с серпом и молотом в центре. На фасаде «Метрополя» огромное панно, изображающее рабочего с факелом в руке. На здании бывшей городской Думы — еще одно: крестьянин со снопом золотой пшеницы. А на стене Исторического музея — фигуры рабочего и крестьянина как символ нерушимого союза рабочего и трудящегося крестьянства.

Все уже знают о том, что ряд улиц и площадей города переименованы. Бывшая Воскресенская площадь

в память происходивших здесь в октябре 1917 года баррикадных боев отныне будет называться площадью Революции. Пресня стала называться Красной Пресней в честь героического Декабрьского вооруженного выступления московского пролетариата в 1905 году.

В помещении бывшего кафе Филиппова открылась выставка «Год пролетарской диктатуры». Они, конечно, не могли пройти мимо, зашли все вместе. У входа — плакат: «На смену старому миру идет светлый мир труда». С увлечением и восхищением рассматривали стенды и диаграммы, демонстрирующие достижения Советской власти за первый год ее существования. Много места на выставке занимали советские издания — книги, брошюры, газеты, бюллетени РОСТА.

Почти час провели на Советской площади, что напротив Московского Совета, рядом с «Дрезденом». Здесь на месте бывшего памятника генералу Скобелеву гордо высился новый памятник. Трехгранный обелиск поднялся вверх над шестигранным пьедесталом, на котором в нишах высечен текст Конституции РСФСР. Около десяти часов утра на Советской площади выстроились военные части, собрались трудящиеся нескольких районов. После торжественного открытия обелиска могучая человеческая река потекла вниз по Тверской улице, чтобы влиться в радостно взволнованный океан, бурливший на Манежной площади, и далее, сквозь узкую горловину Иверских ворот, выплеснуться на Красную площадь...

«Пройдя почти через весь город,— писала Жанна,— огромное шествие прибыло на Красную площадь, где у стен древнего Кремля погребены мужественные революционеры, которые пали на протяжении года в борьбе против защитников старого режима, проклятого всеми поколениями».

На Красной площади состоялось торжественное открытие мемориальной доски борцам Октябрьской революции. Это были незабываемые минуты. Со стороны Большого театра, где работает VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казацких и красноармейских депутатов, быстро приближается группа людей. Впереди Ленин. На нем пальто с черным каракулевым воротником и черная шапка-ушанка. Вот он подходит к Сенатской башне Кремля, где установлена доска. Звучит траурная мелодия, склоняются все знамена. Говорит председатель Московского Совета рабочих и солдатских депутатов П. Г. Смидович:

— Год тому назад народ решил передать власть

Советам. Волею Совета, избранного народом, мы открываем сегодня памятную доску нашим товарищам, павшим в борьбе за освобождение трудящихся. Совет поручает открыть эту доску вам, Владимир Ильич Ленин.

Владимир Ильич разрезает ножницами ленту. Ниспадает красный занавес, открывая мемориальную доску *. На ней изображена крылатая фигура женщины, олицетворяющая собой Победу. В левой руке ее — зеленая пальмовая ветвь, символизирующая свободу, в правой — темно-красное знамя. У ног — сломанные сабли и воткнутые в землю ружья. Все это на фоне восходящего солнца, в золотых лучах которого написано: «Октябрьская — 1917 — Революция». На доске также начертаны слова: «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

Снова звучит оркестр, над площадью льется могучее: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Ленин поднимается на трибуну.

— Товарищи! — взволнованно говорит он.— Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 года. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм.

...Люди стоят на площади плечом к плечу, сердцем к сердцу. Невдалеке от Жанны слушают Ленина русский рабочий и его брат по классу — немецкий интернационалист. Ее товарищи по группе стоят вперемежку с красноармейцами. Жанна чувствует себя неотъемлемой частью мощной, организованной и непобедимой силы, имя которой — народ Страны Советов. Замерла многотысячная толпа, народ внимает своему вождю. Только слышно, как трепещут на ветру знамена революции.

— На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей,— разносится над притихшей площадью голос Ленина,— досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу.

---

* Автором мемориальной доски был С. Т. Коненков, впоследствии выдающийся советский скульптор, лауреат Ленинской премии, народный художник СССР. Он первым из работников искусства был удостоен звания Героя Социалистического Труда.—*В. М.*

Теперь во всех странах кипит и бурлит возмущение рабочих. Капиталисты всего мира в ужасе и озлоблении спешат соединиться для подавления восстания. И особенную ненависть внушает им Социалистическая Советская Республика России. На нас готовится поход объединенных империалистов всех стран, на нас обрушиваются новые битвы, нас ждут новые жертвы.

Восстановив в памяти эти ленинские слова, Жанна снова взялась за ручку.

«В тот час,— написала она,— когда возрастает опасность и грозовые тучи сгущаются на горизонте, когда враги вынашивают свои преступные замыслы против суверенитета этого народа, столь невиданная доныне демонстрация напоминает, что им предстоит столкнуться с людьми, полными решимости сопротивляться до конца».

И снова в памяти всплыли ленинские слова:

— Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы.

Шквал аплодисментов был ответом на последние слова Ленина.

«Победа или смерть!» — этот ленинский лозунг и сейчас отдавался эхом в сознании Жанны. Ей очень хотелось написать обо всем этом. Однако статья не должна превышать трех-четырех страниц машинописи, а все ее впечатления о празднике не вместить и на тысяче страниц.

...Накануне праздника, вечером 6 ноября, в кафе Казакова на Тверской состоялся большой интернациональный митинг, организованный Комитетом по проведению октябрьских торжеств Комиссариата иностранных дел с участием Федерации иностранных групп. К интернационалистам с приветствием обратились представители Комиссариата, Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. От румынской коммунистической группы на митинге выступил Александр Николау, от болгарской — Стоян Джоров. На трибуну поднимались представители югославянских, китайских, английских интернационалистов. Все они горячо говорили о том, что зарубежные интернационалисты всегда будут вместе с

трудящимися Страны Советов. От французской группы никто не выступал (митинг и так затянулся до часа ночи), так как Николау, как член группы, говорил и от их имени. Не выступал и представитель немецкой группы, однако Жанна уточнила с немецкими товарищами некоторые детали их совместного участия в праздничной демонстрации.

На следующий день в колонне Федерации иностранных групп французские и немецкие коммунисты привлекли всеобщее внимание. Они шли тесными рядами под одним флагом. На одной стороне полотнища был начертан на французском языке призыв: «Да здравствует социальная революция во Франции!», на другой — тот же текст на немецком языке.

Вечером они снова собрались на Красной площади, до предела заполненной людьми. На освещенном праздничными зарницами небе вырисовывался стройный и величественный силуэт Кремля. На Лобном месте выступали ораторы импровизированного митинга, затем под одобрительный гул толпы было сожжено чучело сельского кулака-мироеда.

Прошли на Лубянскую площадь. Дом Союзов отсюда казался повисшим в воздухе сияющим огненным замком. По Тверской разъезжает броневик, с треском выстреливая шутихи. Здесь же автомобили с оркестрами, автомобили-эстрады, с которых выступают актеры. Везде царит неповторимое настроение этого прекрасного революционного торжества...

Оторвавшись от воспоминаний, Жанна перечитала написанное. Осталась недовольна. Ей показалось, что не сказала читателям главного о вчерашнем дне. Конечно, в ее строках ощущается искреннее восхищение, но этого недостаточно. Ведь не найдется человека, который бы безразлично отнесся к юбилею Великого Октября. Она, Жанна Лябурб, член РКП(б), не может ограничиться одним описанием, даже восторженным. Итак, в чем состоит главный вывод, вынесенный из событий вчерашнего дня?

И снова перед ее глазами возникли монолитные колонны демонстрантов, объединенные единым революционным порывом, тысячи одухотворенных лиц, обращенных к Председателю Совета Народных Комиссаров, председателю правительства Советской Республики Владимиру Ильичу Ленину...

Она написала так: «Никогда никакое правительство не имело такой поддержки среди масс, никогда еще ни-

какая идея не поднимала народ к такому высокому осознанию справедливости и братства». Да, вчера она убедилась в этом. Эти слова написаны ее сердцем.

И еще на один вопрос она обязана ответить. В чем же состоят уроки этого небывалого, невиданного доныне праздника. Для них, французских интернационалистов, для пролетариев всего мира. На бумагу легли заключительные строки статьи:

«Мы должны гордиться русским пролетариатом, мы должны его поддерживать, потому что его борьба с объединившимися угнетателями — это и наша борьба, а его победа должна положить конец нашему порабощению.

Вот почему вчерашний праздник был праздником не только русского народа, но и всех народов, объединенных одним желанием, одним идеалом: построением социализма.

Вот кратко о том, каким был вчерашний день».

Написав последнюю фразу, Жанна поставила под статьей свои инициалы: «J. L.»

Газета «III-me Internationale»

В речи на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов 8 ноября 1918 года В. И. Ленин одобрительно отозвался о наших французских интернационалистах, «которые публикуют в Москве газету «Третий Интернационал».

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 165.

Вопрос о выпуске газеты французской группы был обсужден на ее организационном собрании 4 сентября 1918 года. Избрали редакционную комиссию, «имеющую целью редактирование газеты». В нее вошли И. Арманд, Ж. Лябурб, А. Эбенгольц, Н. Тихменев и А. Барбере.

На первое заседание редакционная комиссия будущего печатного органа собралась 6 сентября 1918 года. Решили назвать газету «Социалистическая революция». Тогда же определили ее цели и задачи. Они были изложены в специальном «Докладе о предложенной к изданию французской коммунистической группой газете», направленном в ЦК РКП(б) 11 сентября. Вот этот до-

кумент, хранящийся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

«Программа (речь идет о программе газеты — *В. М.)* — Программа Российской Коммунистической партии.

Цели: 1) осведомление рабочих Франции, Бельгии и Швейцарии о русской революции;

2) агитация на фронте среди французских солдат в России;

3) организация живущих в России французских, бельгийских и швейцарских пролетариев.

Выход — один раз в неделю, по воскресеньям.

Число страниц газеты: 4.

Тираж: 10 тыс. экз.

Способы распространения: 1) российская миссия в Швейцарии; 2) оперативный штаб на фронте; 3) розничная продажа через контрагентство (печати) ЦИК; 4) подписка».

Доклад был получен в ЦК РКП(б) 13 сентября. Центральный Комитет оказал помощь французским интернационалистам, постоянно был в курсе их дел. Вспомним, что по поручению В. И. Ленина активное участие в создании газеты приняла Инесса Арманд.

Очень много для рождения печатного органа сделала секретарь группы Жанна Лябурб. Она организовала часть материалов для первого номера, а главное, благодаря ее неисчерпаемой энергии, настойчивости и активности удалось найти полиграфистов, шрифт, бумагу, типографию. Это была типография Рябушинских, дом № 3 на Страстном бульваре.

Уже 16 сентября член редакционной комиссии газеты И. Арманд докладывала в ЦК РКП(б), что «материал для очередного номера и вся подготовительная работа по изданию газеты сделана». Учитывая отъезд из Москвы членов комиссии Эбенгольца и Тихменева, в ее состав были введены Нюрин и Мартенс. «Название газеты,— писала И. Арманд,— переименовано: «Третий Интернационал».

Жанна Лябурб была одним из инициаторов такого названия, считала, что оно наиболее полно отражает интернационалистский характер деятельности французской группы, свидетельствует о стремлении французских коммунистов внести посильный вклад в борьбу Ленина, РКП(б), других партий и групп за объединение революционных сил в III, Коммунистический Интернационал. Кроме того, это название продолжает революционные

традиции клуба интернационалистов «Третий Интернационал».

Первый номер газеты «III Интернационал» вышел 20 октября 1918 года. Вот он перед нами. На первой странице лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ниже — название газеты, еще ниже: «Орган французской секции Российской Коммунистической партии (большевиков)».

Номер открывается обращением «К трудящимся Франции» за подписью: редакция. «Алчные капиталисты Антанты,— говорилось в нем,— стремятся послать своих солдат к самому центру России, чтобы уничтожить русскую революцию. Надо, чтобы крестьяне и рабочие Франции отказались быть убийцами своих братьев — крестьян и рабочих России». Так уже в первом номере газета призвала трудящихся Франции к выполнению своего классового, интернационалистского долга. В обращении четко разъяснялись задачи газеты: говорить правду о социалистической революции в России; принимать участие в борьбе против оппортунистов II Интернационала за создание III, Коммунистического Интернационала (эти слова разъясняли читателям сущность названия новой газеты). Обращение завершалось лозунгами «Да здравствует российская революция!», «Да здравствует III Интернационал!». Газета поместила также две статьи, которые всесторонне и убедительно развивали идеи обращения: «На пути к III Интернационалу» и «Против интервенции союзников в России».

В газете опубликованы призывы к солдатам интервенционистской армии повернуть оружие против своего внутреннего врага — французской буржуазии. Помещено также «Обращение трудящихся Петрограда к их товарищам во Франции, Англии и Америке», в котором подчеркивалась классовая общность интересов и целей трудящихся всех стран. Номер содержит информацию о событиях во Франции, причем редакции удалось создать там группу своих корреспондентов.

В воспоминаниях одного из товарищей Жанны Лябурб по группе есть место, где сказано, что осенью 1918 года она «принимает самое деятельное участие в литературно-издательской работе, составляет сводки для партийного органа «III Интернационал». Последнее, наверное, было одной из обязанностей Лябурб как члена редкомиссии газеты. Можно предположить, что именно она составила подборку материалов из четырех

французских буржуазных газет и журналов, помещенную на четвертой странице первого номера «III Интернационала». Подборка называлась «Обзор французской прессы». Она преследовала цель разоблачить империалистические планы Антанты по отношению к Советской России устами ее же официальных реакционных органов печати. И еще в небольшом предисловии с уничтожающей иронией говорилось, что буржуазная печать не единожды пророчила близкий конец большевизма и Советской власти, но каждый раз это оказывалось беспардонной ложью. Больше комментариев не было. Последнее слово, написанное составителем: «читайте». Вниманию читателя предлагались изобличающие материалы-выдержки из буржуазной печати. Приводилась, в частности, цитата из крайне реакционной газеты «L'Echo de Paris» («Парижское эхо») от 9 сентября 1918 года, которая призналась: «Союзники заявили о своем твердом намерении не вмешиваться во внутренние дела России. Абсурдное заявление! Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков. Хотят этого или нет, но это означает вмешательство во внутренние дела России. Утверждать обратное — значит хотеть перейти море посуху».

В речи о международном положении на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов 8 ноября 1918 года В. И. Ленин рассказал об этом признании буржуазной газеты. Официальная версия, господствующая на Западе среди заправил Антанты, подчеркивал он, состоит в том, что будто бы «они с Россией войны не ведут, в военные дела не вмешиваются, а только борются против германского засилия»[1]. Однако «они не могут скрыть правды, и там прорываются нет-нет, и прорываются откровенные признаки того, что эти господа империалисты не могут чувствовать себя прочно. «Эко де Пари» делает признание: «Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков»[2]. Владимир Ильич отмечал, что это признание цитируют «наши французские интернационалисты, которые публикуют в Москве газету «III Интернационал»[3]. В. И. Ленин особенно подчеркнул большое политическое значение публикации подобных материалов для разоблачения коварных замыслов империалистов. «И разумеется,— говорил он,—

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 165.

[2] Там же.

[3] Там же.

сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают, и не одну эту, и видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь»[1].

Это знаменательно, что Ленин ознакомился с первым номером газеты «III Интернационал», как только он вышел в свет, и особенно ярко, убедительно свидетельствует об интересе и внимании вождя к работе французской группы в Москве.

Самой бурной на ленинский отклик об их газете была реакция Анри Барбере. Он ворвался к Жанне, размахивая «Правдой», веселый и, несомненно, совершенно счастливый:

— «Наши французские интернационалисты» — он так назвал нас! Ленин говорил о газете группы! Вчера, на съезде Советов!

Лябурб уже знала об этом — газетный отчет она прочитала с утра. Анри можно понять — для них ленинская поддержка имела огромное значение. Глядя на озаренное юностью и счастьем лицо Барбере, она искренне радовалась вместе с ним...

Перед нами, читатель, один из наиболее молодых участников интернационалистского движения в Советской стране, самый юный член французской коммунистической группы РКП(б). Его имя мало известно широкому кругу читателей, а он заслуживает нашего внимания и памяти, особенно тех, кому сейчас 18,— его ровесников. Ветеран группы Мари Луиз Пети писала, вспоминая Анри: «Так же, как и имя Жанны Лябурб, имя Анри Барбере высечено на доске почета французской группы». Не преувеличение ли это? Нет. Анри Барбере отдал свою жизнь революции без остатка.

Его мать Розалия Барбере — учительница французского языка в Москве — была дочерью французской коммунарки. После победы Великого Октября она не колебалась в выборе пути, и сын пошел за матерью, семнадцатилетним включившись в октябре 1917 года в борьбу за установление Советской власти в Москве. В документах французской группы РКП(б) он и числился как Барбере-сын. Материнское воздействие дополнилось в группе личным влиянием на юношу Жанны Лябурб, Жака Садуля, Инессы Арманд. Огромную роль на формирование его революционного мировоззрения

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 166.

оказал В. И. Ленин. Нет, Барбере не посчастливилось встретиться с ним, но он читал все ленинские статьи и речи, которые публиковались в газетах. Из уст Жанны Лябурб он знал о ее встрече с В. И. Лениным. Восторженно рассказывал о Владимире Ильиче Жак Садуль.

Вступив в партию в один день с Жанной Лябурб, Анри постоянно тянулся за ней, как и она, максималистски относился к выполнению своих обязанностей в группе. Знал о том, что Лябурб стремится на Север, затем в оккупированную Одессу, добивался своей отправки вместе с ней. Есть сведения о том, что ему это удалось, и Анри отправился на подпольную работу в одно время с Лябурб. В Одессе Барбере, как известно, не появлялся. Где же он работал? Л. М. Зак предполагает, что Анри был оставлен в сельских районах под Одессой, где располагались французские части. Если это так, то здесь чувствуется рука Лябурб, которая попыталась хоть как-то оградить своего совсем юного и неопытного в подпольных делах соотечественника от опасной работы в оккупированном городе.

Однако документы молчат. Возможно, новые поиски в архивах раскроют эту неизвестную страницу жизни молодого интернационалиста в феврале — марте 1919 года. Точно известно, что в начале апреля Анри Барбере был уже в Киеве, где сосредоточила свои лучшие силы французская группа.

В третьей декаде апреля группа узнала о революционном выступлении в Севастополе 19—20 апреля французских матросов, которые отказались воевать против трудящихся Страны Советов. Сразу же возникла идея направить туда литературу для моряков революционной эскадры. А когда 29 апреля Красная Армия вступила в Севастополь, решили послать в город специальный агитвагон с революционными брошюрами, листовками, газетами на французском, английском и греческом языках. Сопровождать его поручили членам французской группы Анри Барбере и Стеле Коста — журналистке, члену Французской социалистической партии.

Перед ними была поставлена нелегкая и ответственная задача: распространить литературу среди матросов оккупационной эскадры, которая покидала город. Позже в отчете киевской группы отмечалось, что «задача эта была выполнена весьма успешно».

...В Севастополь прибыли 6 мая. На рейде в утреннем тумане виднелись тяжелые очертания военных ко-

раблей — «Мирабо», «Жюстис», транспорта «Сен», греческого броненосца. Анри, не откладывая, обратился в городской комитет партии. Там встретили тепло и поделовому. Познакомили с французским матросом Жоржем Лейсом, перешедшим на сторону Советской власти. Первое, что спросил Жорж: слышал ли Анри о Жанне Лябурб, знает ли он Жака Садуля. А когда узнал, что Барбере был лично знаком с Лябурб и недавно видел Садуля, то сразу проникся к юному соотечественнику симпатией. Пообещал помочь пробраться на пристань, охраняющуюся французскими часовыми.

Анри вышел в город, который сразу понравился ему суровой красотой старого морского бастиона. На Историческом бульваре, казалось, каждый камень сохранял память о героической Севастопольской обороне. А рядом уютные улочки, каменные лестницы, потопающие в цветах. И всюду ощущается недалекое и мощное присутствие моря. Оно — в глухом рокоте прибоя, слышном на Графской пристани, в глазах матросских патрулей, в самом воздухе, насыщенном морскими запахами.

Проходя мимо небольшого кафе возле порта, Анри сквозь витрину увидел за столиком четырех французских матросов. Вспомнил, что чемоданчик, который нес с собой, полон брошюр и листовок. Зашел, сел за соседний столик, прислушался. Матросы были с «Жюстиса». Возбужденно говорили о том, что командование вынуждено было вывести из порта военные корабли «Верньо», «Жан Бар», «Франс». Завтра отбывают и они...

Анри, не колеблясь, подошел к матросам. Услышав французскую речь, те не скрывали радости. Откровенно рассказал о себе и Барбере. Всю литературу матросы забрали с благодарностью. Перебивая друг друга, рассказывали о революционном выступлении на «Жюстисе» 20 апреля. В этот день броненосец присоединился к восставшим судам, поднял красный флаг.

Уже когда выходили из кафе, один из матросов, продолжая рассказ, упомянул Лябурб. Анри вздрогнул. Как хорошо знали ее здесь, вдали от Одессы, как тепло отзывались! Ощущение было такое, что Жанна жива и находится где-то рядом.

В отчете о своей поездке в Севастополь, сохранившемся в архиве, Барбере напишет: «Французские матросы, которых я встретил в кафе, согласились пронести лите-

ратуру на корабли. Каждый из четырех взял по две пачки...» Каждая строка этого отчета пульсирует юношеской гордостью — он выполнил поставленную задачу!

Поздно вечером Жорж Лейс провел Анри на пристань. Часовой только молча и по-дружески тронул его за плечо. Литературу разбрасывали на пирсах, возле монтажного крана. Потом пробрались на транспорт «Верден», стоявший у самого причала, оставили там целые пачки листовок, спрятав их между броневыми плитами. Анри не удержался и написал мелом несколько лозунгов прямо на палубе.

На следующее утро с горы над пристанью он наблюдал результаты своего ночного похода. «Картина была радостной,— писал он.— Надо было видеть энтузиазм матросов, которые быстро расхватывали литературу, и злость офицеров, которые бегали за матросами и тщетно пытались отобрать спрятанные в карманах листовки».

Интересная деталь. Отчет Анри Барбере каким-то образом попадет зарубежным газетчикам, и они опубликуют его полностью в русской эмигрантской прессе за границей в 1923 году. Из этого источника в 1927 году его перепечатает на французском языке бывший одесский банкир и владелец газеты «Южная мысль» Жан Ксидиас в книге «Французская интервенция в России. 1918—1919. Воспоминания очевидца».

Последний пытался выполнить непосильную работу: любой ценой оправдать французскую интервенцию в Советской стране. Сквозь сплошную ложь в книге иногда прорывается авторская горечь по поводу неотразимости идей большевизма. «Большевистская пропаганда — сильное оружие,— злобно констатировал Ксидиас.— Большевики прекрасно владеют им». И в качестве документального свидетельства приводил отчет Барбере. Этот «большевистский агитатор» поражал и пугал его. Он и в мыслях не держал, что «агитатор» — славный сын Франции, страны, империалистической буржуазии которой служил Ксидиас.

...После возвращения из Севастополя Анри Барбере входит во французскую коммунистическую группу в Одессе, куда в мае 1919 года перенесла центр своей деятельности киевская группа. Есть сведения что Анри Барбере и его товарищи в одежде рыбаков, рискуя жизнью, подплывали на лодках к кораблям оккупационной эскадры, которые с моря блокировали советское побережье, и передавали матросам революционную литературу. Во второй половине июня 1919 года французское командо-

вание вынуждено было провести на блокирующей эскадре полную или частичную замену экипажей. Революционно настроенные матросы подлежали немедленной демобилизации.

Сохранились документы о том, что Анри принимал участие в подготовке и проведении интернациональных митингов в городе. Автор обнаружил в архиве телеграмму от 13 июня 1919 года из Одессы В. И. Ленину, в которой сообщалось: «Многолюдные митинги проходят с огромным подъемом, вербовка в Красную Армию рабочих и иностранных коммунистов идет очень хорошо». Анри с матерью участвуют в интернациональном митинге, состоявшемся 14 июля 1919 года, в день взятия Бастилии. Они были счастливы — в стране Великого Октября помнили о революционных традициях французского народа...

В конце июля 1919 года под Одессой вспыхнуло контрреволюционное восстание немецких кулаков-колонистов. Свора бандитов двинулась на город. Большинство членов Одесской партийной организации сражались на фронте с Деникиным. Те из них, кто работал в городе, вливались в отряды самообороны, возглавляли их. Отряд добровольцев организовали иностранные интернационалисты. По некоторым данным его возглавил Анри Барбере. Гордый своей миссией, он повел отряд в бой...

Анри не возвратился в Одессу. Он погиб 31 июля 1919 года, всего на четыре месяца пережив Жанну Лябурб. Погиб от кулацкой пули. В счастливую пору цветущей юности, в девятнадцать лет. На революционном посту.

Такая краткая и яркая, как вспышка, жизнь.

Пусть же имя его — внука коммуны и сына Октября — не забудется.

...29 ноября 1918 года газета «Известия» в рубрике «Партийная жизнь» поместила заметку «Деятельность французов коммунистов в Москве». В ней говорилось: «В Москве существует французская группа коммунистов... Сфера влияния французских коммунистов в самой Москве невелика, и потому деятельность группы состоит главным образом в литературно-агитационной работе в целях пропаганды идей революционного интернационализма во Франции, посильного воздействия на солдат, брошенных французским правительством против революционной России. Так, группа выпустила ряд воз-

званий к французским солдатам, серию переводных и оригинальных брошюр по общим вопросам международного социализма, материалы для суждений о сущности происходящих в Советской России событий, наконец, издается еженедельная газета «III Интернационал...»

Жанна сохранила номер «Известий» с этой заметкой и сейчас, перечитывая ее, думала о том большом внимании, которое уделяют деятельности интернационалистов центральные газеты Республики Советов. «Правда» и «Известия» нередко публиковали материалы о деятельности Федерации, ее отдельных коммунистических групп, в том числе французской. Жанна лично не раз обращалась в редакции этих газет и всегда находила понимание и поддержку. Объявления о тех или иных мероприятиях иностранных групп печатаются в газетах постоянно. Только на протяжении первых двух недель декабря «Правда» около десяти раз сообщала о собраниях, лекциях, кинофильмах, организованных в клубе интернационалистов «Третий Интернационал». Это не только широкая гласность их работы. Это огромная моральная поддержка, которая прибавляет сил, вдохновляет на дальнейшую борьбу.

А борьба Страны Советов за идеалы Октября — борьба не на жизнь, а на смерть — с мировым империализмом продолжалась. Память Жанны четко зафиксировала важнейшие события последнего месяца. 13 ноября 1918 года ВЦИК объявил Брестский договор аннулированным. Революция в Австро-Венгрии, начавшаяся в октябре, ноябрьская революция в Германии существенно облегчили положение Советской страны. Крах захватнической политики немецкого империализма содействовал росту борьбы трудящихся масс против оккупантов и буржуазных националистов. Однако военное поражение Германии вместе с тем развязало руки государствам Антанты для усиления антисоветской интервенции. Используя силы внутренней контрреволюции, они решили взять Страну Советов в «железное кольцо» и задушить Советскую власть. Антанта развернула наступление с севера, юга и востока. В Сибири в ноябре 1918 года английские интервенты поставили «верховным правителем» царского адмирала Колчака. Антанта снабжала военным снаряжением и оружием армию царского генерала Деникина. Грозные события разворачивались на юге Украины.

Жанна готовила для публикации в газете «III Интернационал» ленинский доклад на объединенном заседа-

нии ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 года. Она помнит, что уже тогда, разоблачая агрессивные планы Антанты, Ленин говорил: теперь появляется для нас новая опасность, которая еще не вся развернулась и не вся видна, которую англо-французские империалисты готовят исподтишка, они направляют свои усилия на то, чтобы напасть на Советскую Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо сухим путем через Болгарию и Румынию. Ленинское предвидение сбылось*. 22 ноября 1918 года Антанта опубликовала декларацию об оккупации Украины и поддержке гетманской власти. На следующий день в Новороссийске и Севастополе, а 26 ноября в Одессе появились первые французские и английские военные корабли, вслед за которыми начали приходить и главные военно-морские силы интервентов: крейсеры, броненосцы, миноносцы. Практически осуществление интервенции возлагалось в основном на Францию. В начале декабря в Одессу прибыли несколько тысяч польских легионеров, были доставлены сербские части. Однако основной контингент оккупационных войск находился на французских военных кораблях, которые шли в Одессу. Там уже действовала французская военная миссия, которая должна была обеспечить высадку и размещение интервентов. Далекий южный город Одесса болью за своих обманутых соотечественников входил в сознание и сердце Жанны, как и северный город Мурман.

Оторвавшись от мыслей, Жанна только теперь заметила, что рядом с датой на газете «Известия» — 29 ноября она уже несколько раз машинально написала другую цифру: 30. Вспомнила: на следующий день — в субботу 30 ноября 1918 года — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет особым постановлением подтвердил декрет от 2 сентября 1918 года об объявлении в стране военного положения. С целью мобилизации всех сил и ресурсов страны на разгром иностранных интервентов и внутренней контрреволюции 30 ноября был соз-

---

* Судите сами о глубине ленинского проникновения в планы интервентов. Через 20 дней после упомянутого выступления в записке Генерального штаба главного командования армиями Антанты говорилось: «После заключения перемирия, подписанного 11 ноября с Германией, роль союзных армий не заканчивается... Необходимо уничтожить большевизм... Отсюда вытекает необходимость... интервенции в южную Россию (Украина — Донецк) одновременно через Румынию и через Черное море...» — *В. М.*

дан Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным.

Как корила себя тогда Жанна! Ей казалось, что она недостаточно активно и решительно добивается отправки на подпольную работу. В этот раз она обратилась в райком партии с просьбой рекомендовать ее для отправки за линию фронта. Одновременно состоялся разговор с Инессой Арманд, которая сказала, что это возможно только с разрешения Владимира Ильича. Жанна чувствовала, что ее оберегали от опасности, которая подстерегает каждого там, в подполье, на оккупированной территории. Но она, Жанна Лябурб, член РКП(б), может ли она думать о личной безопасности, когда смертельная опасность нависла над Страной Советов?! Может ли она сидеть сложа руки?! На это товарищи Жанны, как правило, отвечали улыбкой. Нет, они не сидели без дела, и Жанна, конечно, понимала это. Однако ее страстная натура рвалась в самый водоворот борьбы.

На столе перед Жанной лежали все номера «III Интернационала», вышедшие в свет. Это результат их напряженного труда: семь номеров за семь недель. Работали самоотверженно, не жалея сил. Штат редакции «III Интернационала» небольшой: редактор, корректор, экспедитор, машинистка и два курьера. Вот и весь аппарат. Поэтому редакционная комиссия трудилась без устали, готовя номер за номером. Работа комиссии состояла прежде всего в определении плана конкретного номера. Общий план был известный и, как правило, не обсуждался: знали, что нужна передовица, несколько статей политического характера, материалы о развитии революционных событий за рубежом и о жизни Страны Советов, обращения к солдатам оккупационных частей, хроника последних событий и так далее. Нередко сами события подсказывали план конкретного номера газеты. Затем шел подбор и подготовка материалов. Жанна, например, составляла сводку и хронику событий, готовила политические материалы, в ее обязанности входило также внимательное изучение всего номера газеты.

Редкомиссия работала четко и слаженно. Организаторский и публицистический талант Инессы Арманд, пламенность и энергия Жанны Лябурб, юношеский задор Анри Барбере, трудолюбие других ее членов сливались в единый революционный сплав, обеспечивающий успешный выход «III Интернационала».

Последний номер газеты датирован 12 декабря, а Жанна уже работает над восьмым номером, он увидит свет через несколько дней. Часть материалов собрана и для девятого номера, который обязательно выйдет еще в этом году.

Редакционная комиссия газеты стремится прежде всего как можно более полно освещать жизнь и борьбу Советской Республики. Правду революции они противопоставляют грязной лжи буржуазных газет, которые задались целью оболванить трудящихся Франции, солдат, посылаемых на советскую землю.

В газете печаталась речь В. И. Ленина на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов, отрывки из других его выступлений, статей. Разоблачая бесчестную дипломатию государств Антанты, редкомиссия публиковала в то же время дипломатические предложения и ноты Советского правительства, ярко свидетельствующие о его миролюбивой внешней политике.

Отдельная рубрика газеты рассказывала о борьбе Красной Армии на фронтах гражданской войны. Постоянными были также рубрики «Неделя в стране», «Социалистическое строительство», «Год советского труда», в которых они стремились показать все стороны жизни молодой Республики Советов. В последней рубрике, например, уже напечатано две статьи на сельскохозяйственную тему: в номере пятом от 27 ноября «Аграрный вопрос» и в номере седьмом от 12 декабря «Осуществление аграрной реформы». Для следующего, восьмого номера уже готов материал «Сельскохозяйственные коммуны».

В тот же номер идет и передовая статья Инессы Арманд «Демократия подлинная и демократия мнимая», подписанная псевдонимом: Е. Блонина. Жанна с огромным вниманием вчитывалась в рукопись, содержащую уничтожающую критику хваленой на Западе демократии, демократии для эксплуататоров. С начала войны правительства союзных государств не переставали повторять, что они — защитники свободы и воюют за триумф демократии и решительный мир,— с иронией писала Арманд.— На деле же Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо «выполняют роль международных жандармов, подавляя революцию с помощью вооруженных армий». Одновременно Арманд охарактеризовала действительно народную демократию, завоеванную Великим Октябрем. «Демократия,— писала она,— не мнимая, а подлинная

демократия, может быть достигнута только на пути революции и диктатуры пролетариата»*.

Значительное место редакционная комиссия отводила информированию своих читателей о солидарности трудящихся всех стран с пролетариатом Страны Советов, о революционных событиях во Франции. На днях из-за рубежа прибыли товарищи, которые привезли информацию о кровавых столкновениях полиции с рабочими в Париже. Жанна планирует ее в восьмой номер газеты. Однако так везет далеко не всегда. Зато они широко используют материалы советской прессы и телеграммы РОСТА, особенно когда они касаются событий на родине**.

Постоянной в газете стала рубрика «Большевизм во всем мире», рассказывающая о международном движении. «III Интернационал» держит в поле зрения события, связанные с деятельностью зарубежных интернационалистов в Советской стране. 5 декабря 1918 года в Москве состоялся интернациональный митинг солидарности с борьбой Страны Советов, в котором участвовали представители Индии, Турции, Сербии, других стран. От имени французской группы на нем выступил Жак Садуль. Уже 12 декабря газета рассказала о митинге под заглавием «Знамение времени».

В последнее время газета много внимания уделяет освещению событий на Украине. В шестом номере от 4 декабря она поместила на второй странице обзор событий в республике за весь 1918 год. Мощное повстанческое движение украинского народа сметало немецкий оккупационный режим и его ставленника гетмана Скоропадского, однако на смену шли новые оккупанты — государства Антанты. Разоблачая их захватнические планы, газета в том же номере на первой странице отдельно дала выдержку из декларации союзников: на Украине мы преследуем те же цели, что и немцы.

---

* Председатель Московского губсовнархоза Инесса Арманд и в следующем, 1919 году печаталась в газете «III Интернационал». Например, в номере от 12 января 1919 года была опубликована ее статья «Год советского труда». Речь шла о развитии советской экономики в первом году диктатуры пролетариата, о результатах национализации промышленности в Советской России, о том, что революция умеет не только разрушать старое, но и строить новое. «Канула в вечность старая аргументация буржуазии о том, что пролетариат никогда не сумеет организовать производство»,— вот вывод этой статьи.— *В. М.*

** В номере от 12 января 1919 года, например, газета дала анализ выступлений Марселя Кашена во французском парламенте и газете «Юманите», в которых он, выражая волю рабочего клас-

Жанна уже несколько дней собирает материалы об оккупационной политике Антанты на Украине для рубрики «Политика союзников» в девятый номер газеты *.

Наряду с газетой «III Интернационал» французские интернационалисты издавали листовки, которые, как правило, подписывали: «Французская коммунистическая группа». Чаще всего это были отдельные издания важнейших и злободневных статей газеты. Образцом в этой работе служила Жанне и ее товарищам листовка-обращение на английском языке к английским и американским солдатам «Зачем вы пришли на Украину?». Изданная в конце осени 1918 года за подписью Председателя Совнаркома В. И. Ленина и народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина, эта листовка убедительно разоблачала преступные планы Антанты: «Цель союзнической интервенции в Россию — уничтожить социалистическую республику и восстановить царство капиталистов и помещиков». Листовка рассказывала об исторических завоеваниях трудящихся Страны Советов в социалистической революции, разъясняла солдатам, что капиталисты Антанты «хотят превратить миллионы рабочих и крестьян России в наемных рабов, чтобы вымучить барыши для себя». В ней разоблачалась сама суть обмана буржуазией солдат интервенционной армии, пришедшей на Украину: «Если вам сказали,— говорилось в листовке,— что ваша высадка была радушно встречена народом,— не верьте этому. В течение всего периода германской оккупации украинский народ был в состоянии восстания... Сейчас Скоропадский свергнут. Восстановлено Советское правительство, и украинские рабочие и крестьяне объединились, чтобы вести борьбу, последнюю борьбу против капиталистов и помещиков... Това-

---

са Франции, смело протестовал против антисоветской интервенции. Горячо одобряя его позицию, французские интернационалисты заявляли: «Мы, которые хорошо знаем нашу страну, мы, которые... знаем, что такое рабочие протесты, мы уверены, что французский пролетариат оправдает возлагаемые на него надежды».— *В. М.*

* 27 декабря в этой рубрике газета поместила информацию о событиях на Украине. Она заканчивалась такими словами: «Антанта обнаружила свое банкротство и свое абсолютное бессилие бороться против революционного народа Украины». Надо было обладать политической дальновидностью, несгибаемой верой в Коммунистическую партию и революционные силы украинского народа, чтобы написать так в конце 1918 года, когда интервенция на Украине приняла зловещий розмах.—*В. М.*

рищи, неужели вы пришли делать то черное дело, которое отказались творить немецкие солдаты?»

Особенно подчеркивалось, что борьба империалистов против Советской Республики является одновременно борьбой против революции в собственных странах: «Высший мотив, который воодушевляет капиталистические правительства союзников в отношении вторжения в Россию, есть подавление этой цитадели революционного социалистического движения. Они боятся прежде всего, что рабочий класс в их собственных странах свергнет их и возьмет власть в свои руки. Они надеются, раздавив русскую революцию, обезглавить все мощное освободительное движение рабочего класса, которое развертывается повсюду». Листовка рассказывала солдатам о нарастании революционной борьбы в странах Европы и Америки. А заканчивалась она призывом: «Поднимайте красный флаг свободы рабочего класса. Присоединяйтесь к нам и вместе с революционными рабочими Германии и Австрии освободите мир для труда. Долой капитализм! Да здравствует социальная революция!»

Благотворное влияние этой ленинской листовки сказалось на печатных изданиях иностранных коммунистических групп. В конце ноября 1918 года московские интернационалисты, например, издали на английском, румынском, сербском, русском языках листовку «Зачем вас послали на Украину?», содержавшую обращение ко всем солдатам Антанты.

Идеи ленинской листовки развивались в обращениях французской группы на конкретном материале, близком и дорогом французским солдатам. Особенно плодотворно в этом направлении работал Жак Садуль, имя которого становилось все более известным. 20 ноября в четвертом номере «III Интернационала» было помещено его пламенное воззвание «К французским солдатам», которое впоследствии вышло отдельной листовкой. «Ни одного шага по русской земле, против русского народа! Ни одного выстрела против русской революции!» — призывал Жак Садуль. Он бросил лозунг, ставший крылатым: «Сыны французской революции не станут палачами русской революции». Так же убедительно и страстно обращалась к солдатам и Жанна Лябурб. Один из ее товарищей по группе вспоминал, что она «выпускает ряд воззваний к французским солдатам, заклиная их оставаться верными заветам Великой Французской революции и отказаться от позорной роли палачей революции русской и революции международной». Как удивительно верно

подобрали Лябурб и Садуль ключ к сердцам французских солдат! Как это важно было — напомнить им о славном революционном прошлом французского народа! Здесь чувствуется мудрый ленинский совет. Мы знаем, что В. И. Ленин считал оживление славных революционных традиций в памяти солдат интернационалистских армий одним из важных факторов революционизирования их сознания. «Если в течение двух лет мы успели завоевать этих людей,— говорил он в марте 1920 года,— то это потому, что, несмотря на то, что они уже забыли, как они казнили своих королей,— с тех пор, как они вступили на русскую почву, русская революция и победы русских рабочих и крестьян напомнили солдатам Франции и Англии об их революциях, и благодаря событиям в России в них всплыли воспоминания о том, что было когда-то и у них» [1].

Среди изданий группы нельзя не назвать листовку «Подавят ли они большевизм», составленную на основании статей Инессы Арманд, опубликованных в январских номерах газеты «III Интернационал» за 1919 год. В ней говорилось: «Ширится и растет с каждым днем все более высокий прилив революции, которая с каждой новой подымающейся волной наливается новыми силами и которая, каковы бы ни были усилия империалистов, каковы бы ни были препятствия, стоявшие перед ней, закончится обязательно тем, что расстроит и затопит их планы».

Зерна большевистской агитации и пропаганды среди солдат, оккупировавших север Советской страны, давали хорошие всходы. Вот только несколько примеров. 18 октября 1918 года американский посол Френсис телеграфировал государственному секретарю США Лансингу: «Американский военно-морской атташе, который возвратился с фронта, сообщает о большом недовольстве среди солдат двух американских и трех французских рот». В конце ноября 1918 года на Северном фронте в районе Котласа сдались в плен почти 50 английских солдат. Газета «III Интернационал» 4 декабря опубликовала их письма, разоблачавшие обман империалистов и свидетельствовавшие о солидарности солдат со Страной Советов. «Недалек тот день,— сделала вывод газета,— когда правительства Англии и Франции пожалеют о том, что они послали в Россию своих сол-

[1] Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. // Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 172.

дат». Это были пророческие слова. В конце декабря 1918 года передовая статья «III Интернационала» сообщала об отказе воевать против Красной Армии группы американских солдат под Архангельском. «Солдаты Антанты не желают быть жандармами Европы,— говорилось в газете.— Пусть господа Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон хорошо знают это!» Орган французских коммунистов не только приветствовал благородный шаг американских солдат, но и выразил уверенность, что французские солдаты, находящиеся в России, «последуют такому мужественному примеру». Для этого были основания. В декабре 1918 года, например, на Северном фронте, солдаты 21-го полка французской колониальной пехоты самовольно покинули свои позиции и потребовали отправить их на родину. 90 человек было арестовано и заключено в архангельскую тюрьму. Однако это не остановило других. Через несколько дней с позиций ушел французский батальон.

Какова же роль в этих событиях французской группы РКП(б), ее листовок, газеты «III Интернационал», лично Жанны Лябурб? Тут нельзя ответить однозначно, ведь французские интернационалисты проводили работу по революционизации оккупационных войск не сами, а совместно с другими коммунистическими группами. Усилия иностранных групп в этом направлении были только скромной частью огромной агитационно-пропагандистской деятельности Коммунистической партии. Поэтому высшей оценкой для французских интернационалистов является признание того, что в успешном результате деятельности РКП(б) есть и частица их труда.

...Всего вышло 16 номеров газеты «III Интернационал». По трагическому стечению обстоятельств последний номер увидел свет 1 марта 1919 года, когда в Одессе была арестована Жанна Лябурб *. Сегодня это уникальное издание в полном объеме сохранилось только

* Уже после смерти Жанны Лябурб факел, зажженный «III Интернационалом», подхватил журнал французской группы «Le drapeau rouge» («Красное знамя»), который выходил на Украине. Первый номер журнала увидел свет 12 апреля 1919 года в Киеве. Он рассказывал об освобождении Одессы и полном крахе французской интервенции на юге страны. Один из французских солдат, перешедших на сторону Красной Армии, писал в журнале: «Трепещите, тираны!.. Вы не знаете, что те солдаты, которых вы вернете во Францию, прошли тут хорошую школу». Второй номер «Красного знамени» также вышел в Киеве 1 мая, а третий в Одессе 15 июня 1919 года. В журнале работали Жак Садуль, Сюзанна Деполье, Анри Барбере, Марсель Боди, Стела Коста и другие.— *В. М.*

в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Поэтому с особенным волнением вчитываешься в пожелтевшие от времени страницы... Газета французской группы РКП(б) в Москве «III Интернационал» занимает достойное место среди 200 периодических изданий зарубежных интернационалистов, выходивших в течение 1918—1920 годов на территории Советской страны. «Наша цель заключалась в том, чтобы добраться до французского пролетариата повсюду, где мы находили его представителей — в Москве, в интервенционистских армиях и, наконец, во Франции. Мы знаем сегодня,— с гордостью отмечали французские интернационалисты,— что эта цель была достигнута, потому что «III Интернационал» был известен на фронтах и вызвал шум во Франции. К счастью, не существует ни цензуры, ни пограничных застав, которые смогли бы остановить правду».

В. И. Ленин высоко оценил работу зарубежных интернационалистов по революционизации оккупационных войск. Имея в виду издания иностранных коммунистических групп, он говорил: «...у нас были только ничтожные листки, в то время, как в печати английской и французской агитацию вели тысячи газет, и каждая фраза опубликовывалась в десятках тысяч столбцов, у нас выпускалось всего 2—3 листка формата четвертушки в месяц, в лучшем случае приходилось по одному листку на десять тысяч французских солдат... Почему же все-таки и французские и английские солдаты доверяли этим листкам? Потому, что мы говорили правду, и потому, что, когда они приходили в Россию, то видели, что они обмануты» [1].

Невзирая на то, что идеологическую обработку солдат армии интервентов проводила хорошо отлаженная, щедро финансируемая машина буржуазной пропаганды, пресса Страны Советов, составной частью которой была и пресса интернационалистов, вышла победительницей в борьбе за умы и сердца солдат.

---

[1] Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков // Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 171.

Героическое подполье

«Одесса. Областному комитету Коммунистической партии (большевиков) Украины, товарищу Елене. Центральный Комитет КП(б)У приветствует в Вашем лице всех коммунистов Одессы, самоотверженно и неустанно, истинно героически исполнявших свои революционные обязанности в тяжелых условиях, сложившихся в главном форпосте контрреволюции. Партия с напряженным вниманием следила за Вашей работой...»

Из приветствия ЦК КП(б)У Одесскому обкому партии в связи с освобождением города в апреле 1919 года

18 декабря 1918 года, когда на улицах Одессы шли бои между деникинцами и петлюровцами, а в порту уже второй день высаживался антантовский оккупационный десант, в доме №63 по Болгарской улице на Молдаванке состоялось объединенное заседание подпольных областного комитета партии и военно-революционного комитета.

По предварительной договоренности подпольщики должны были встретиться на Пересыпи, поэтому секретарь обкома София Ивановна Соколовская, она же в недалеком прошлом по партийной кличке Елена Кирилловна Мрийская, а ныне Елена Кирилловна Светлова, или просто Елена, с утра направилась туда. Елене шел двадцать пятый год, однако с виду ей можно было дать не больше восемнадцати.

Невысокого роста, изящная, хрупкая, с удивительно милым лицом, лучистыми, лукавыми зеленовато-карими глазами, густыми черными волосами и черными, шнурочком, бровями, элегантно одетая, внешне она никак не походила на подпольщика с огромным опытом работы *. Более того, наверное, любой встречный поклялся

* София Соколовская получила блестящее образование в Петербурге в женском медицинском институте, а затем на Бестужевских высших женских курсах. Все знания, всю себя отдала большевистской партии, в которую вступила в 1915 году. После буржуазно-демократической революции С. И. Соколовская — на партийной работе в Чернигове, была членом губкома партии и губревкома, депутатом Черниговского Совета, членом исполкома Совета, гласным городской Думы от большевиков. В 1918 году работала председателем Черниговского Совета рабочих и солдат-

бы, что эта очень привлекательная, веселая девушка вообще не может быть причастной к политическим страстям, которыми, казалось, сегодня дышали даже одесские мостовые. Может быть, так и воспринял ее патрулировавший молодой белогвардейский офицер, который остановил Елену недалеко от Пересыпского моста, но по первой же ее просьбе пропустил. Не успела Соколовская перейти улицу, как дорогу ей преградил другой деникинский патруль. Офицер постарше и на вид построже вежливо, но твердо объяснил: улицы простреливаются, и пропустить ее он не может. Елена очень спешила, поэтому стала энергично и задорно пререкаться с офицером. Стоило офицеру услышать речь девушки, как он понял, что перед ним далеко не простушка, за которую он ее принял.

— Если вы такая боевая, поступайте в наш отряд,— полушутя предложил он.

— Благодарю, но нам с вами не по дороге,— отрезала Елена с той долей неожиданно появившейся злой иронии, которая заставила офицера удивленно вскинуть брови.

Его внимательный, изучающий взгляд остановился на лице незнакомки:

— Как это понимать? — строго спросил он.

— Просто мне нужно на другую улицу,— нашлась Елена, поняв, что до конфликта дело доводить нельзя.

Соколовскую пропустили. Она быстро дошла к явке на Пересыпи, но товарищей там не было. Узнала, что Николай пошел на Ришельевскую, 41, где находилась другая явка. Руководитель одесского подполья Николай Ласточкин был прекрасным конспиратором, и Соколовская знала, что для такого ответственного заседания он подберет наиболее удобное и безопасное место. По дороге Елена, помня, что товарищи с утра ни росинки во рту не имели, зашла на базар и купила 5 фунтов колбасы и 10 фунтов хлеба. Она не удивилась, когда не за-

ских депутатов. Во время германской и австро-венгерской оккупации Украины София Соколовская входила в состав Черниговского подпольного губкома партии, возглавляла губернский военно-революционный комитет. Готовился арест Соколовской, однако она, как делегат от Черниговской губернской подпольной партийной организации на I съезд КП/б/У, успела уехать в Москву. После съезда ЦК КП/б/У направил Соколовскую в Киев, где она входила в состав Киевского подпольного губкома партии, работала секретарем губревкома, а вскоре секретарем Киевского обкома КП/б/У. Как и в Чернигове, в критический момент ей удалось избежать ареста. Была делегатом II съезда КП/б/У. После съезда направлена в Одессу.— *В. М.*

стала никого на Ришельевской. Здесь сообщили, что Николай был и просил ее прийти на Молдаванку, в дом № 63 по Болгарской улице, где находился своеобразный штаб областкома и ревкома. С Ришельевской на Молдаванку — немалый путь. Елена шла быстро, не обращая внимания на ожесточенную стрельбу, доносившуюся от центра и от вокзала...

Соколовская приехала в город своего детства Одессу 12 ноября. Здесь, в семье мелкопоместного дворянина, адвоката, она родилась. Когда родители переехали в Чернигов, ей было десять лет. Всегда пестрая, многоязычная, по-южному шумная и веселая, не похожая на другие города России, Одесса предстала особенно своеобразной. Неустойчивость, калейдоскопичность политических и военных сил, противостоящих Советской власти, отразились на одесском общественном климате полной мерой. С начала ноября началась эвакуация из города австро-германских оккупантов, а военные корабли Антанты вот-вот могли появиться в одесском порту. Не ушли еще солдаты гетманской варты, а на подходе уже были петлюровцы. Здесь группировались добровольческие силы. Кроме того, в город хлынула буржуазия со всей России, надеясь в случае необходимости попасть через море за границу.

Своеобразие обстановки Елена почувствовала, едва сошла с поезда. На вокзале носильщик наотрез отказался принять от нее деньги так называемой «Украинской державы».

— Но ведь это деньги Украинской державы,— попыталась вызвать его на разговор Елена.

— Одесса не гетманская держава Скоропадского.

— А что же у вас?

— У нас Одесса,— исчерпывающе ответил носильщик.

Через несколько дней в Одессу приехали и другие опытные подпольщики, которых ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У направили в город для укрепления руководства большевистским подпольем и налаживания агитации и пропаганды среди войск интервентов. С паспортом на имя купца 1-й гильдии Николая Ласточкина прибыл Иван Федорович Смирнов *. Кроме него, при-

---

* И. Ф. Смирнов (Николай Ласточкин) — член партии с 1906 года, профессиональный революционер с огромным опытом большевистского подполья. Работал в Москве, Ростове-на-Дону, Царицине, Самаре, с 1912 года — на Украине, в Киеве, Одессе, Харькове. После Февральской революции 1917 года был членом исполкома Киевского Совета рабочих депутатов, возглавлял Центральный

Жанна Лябурб

Camarade Lénine

Secrétaire du groupe Franco-Anglais des Internationalistes de Moscou, attaché au Club de la III-e Internationale Воздвиженка 20, et après une quantité de démarches infructueuses, nous nous décidons à vous demander de vous intéresser à nous.

Je puis vous soumettre dès maintenant quelques épreuves, des forces littéraires que nous

Страница письма Ж. Лябурб В. И. Ленину

J'ai reçu le Mandat m'autorisant
à former le groupe Anglo-Français
le 22 Aout 1918

Jeanne Labourbe

Расписка Жанны Лябурб о получении мандата, уполномачивающего ее организовать англо-французскую группу

26-го сентября , 1918 года.

ДРЕЗДЕН, комната 102.

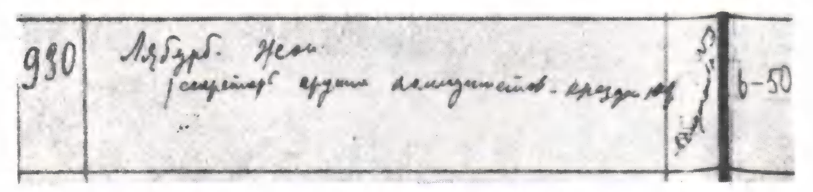
Секретарь: Ж. Лябурб

ФРАНЦУЗСКАЯ ГРУППА В МОСКВЕ

Печать французской коммунистической группы РКП(б) в Москве и факсимиле Жанны Лябурб

Вукашин Маркович — муж Жанны Лябурб

Запись в книге учета членов РКП(б) Краснопресненского райкома партии города Москвы о вступлении Жанны Лябурб в ряды РКП(б) 8 октября 1918 года.

Несколько номеров газеты «III Интернационал» — органа французской коммунистической группы РКП(б) в Москве

И. Ф. Смирнов (Николай Ласточкин)

С. И. Соколовская

И. Е. Клименко

В. А. Деготь

Жанна Лябурб

Альтер Залик

Стойко Ратков

Яков Елин (Жак)

Мишель Штиливкер

Proletaires des touts les pays, reunissez vous

LE COMMUNISTE

Organe du parti Communiste (bolchevic) d'Odessa.

№ 2.

L'INTERNATIONALE

LA CONFERENCE DE LA PAIX

LA POLITIQUE DU JOUR

L'APPEL DES OUVRIERS FRANÇAIS*)

NOTES

Газета «Коммунист» на французском языке

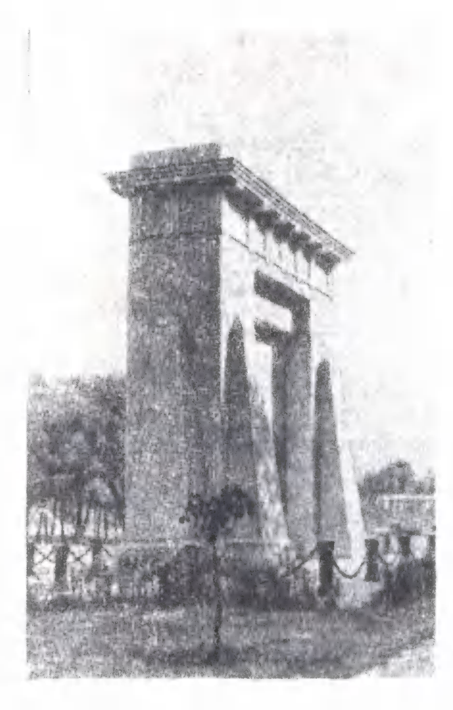

Спуск Жанны Лябурб в Одессе и мемориальная доска

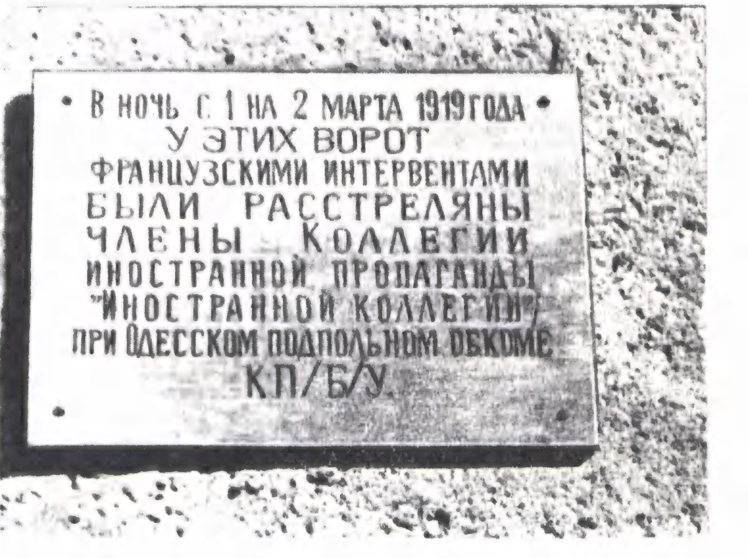
Спуск назван в честь
французской коммунистки,
члена иностранной коллегии
при Одесском обкоме
КП(б)У Жанны ЛЯБУРБ
Растреляна англо-французскими
интервентами 2 марта 1919г.
/1879 — 1919гг./

Мемориальная доска на доме № 24
по ул. Пушкинской в Одессе

Мемориал на месте расстрела Жанны Лябурб, других членов Иностранной коллегии и мемориальная доска

Воскресенье 23 марта 1919 г. № 63.

LA GROUPPE COMMUNISTE FRANÇAISE

fait part aux camarades de la mort tragique de sa secrétaire

JEANNE LABOURBE,

fusillée le 2 mars à Odessa par les mercenaires du commandement français.

Gloire éternelle à la camarade tombée courageusement à son poste révolutionnaire!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГРУППА Р. К. П.

извещает товарищей о трагической смерти секретаря группы

тов. ЖАННЫ ЛАБУРБ,

расстреленной 2-го марта в Одессе наемниками французского капитала.

Вечная память славному товарищу, погибшему на революционном посту.

Траурное сообщение о смерти Жанны Лябурб в «Правде»

6/

они су потпуни „зверови".
ја сам стигао у Киево за[illegible]
II. и пишем вам по наших
дилах. У Одесси је терор
биле ужасан, раденика у
бијају свакидан по 5-6 и
пишу у новина овако: вчера
бил сопровожден у тюрьму
такой то.... пытался бежать
вартовые на бигу разстреляли.
на [illegible] [illegible] [illegible], Мили-
ционер тера кога то било у
тюрьму и остаје на 5 корака от
места [illegible] и убијају [illegible]
тако раде попом новине пишу
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] у Одесси.
Ја се сам налазим у
Киеву [illegible] медју
народной пропаганди.

298

пошљите ми моју Карту са
[illegible]
и новце ако сте добили из Ба-
мари а ко нисте пишите
ми да што нисте добили.
пошљите ми ствари
Поздрав другарски одајте
свима.
Пошљите нам нових
брошура које изашле и
пошљите нам брошуру од сјезда
III Интернационала.
Поздрав Милчику
и тебе Вук и свим другови
[illegible]
Ратков

Предајте француској групи и
Марковићу даје Лабурб зверски
убијена
Ратков

Страницы из письма Стойко Раткова от 4 апреля 1919 года
из Киева в Москву, где сообщается о зверском
убийстве Жанны Лябурб

Две фотографии (о которых идет речь в тексте):
Похороны жертв интервенции в освобожденной Одессе.
Апрель 1919 года

Транспарант Иностранной коллегии на демонстрации в Одессе.
Апрель 1919 года.

Надгробная стела на могиле Жанны Лябурб в Одессе

ехали еще два опытных партийных работника: Иван Евдокимович Клименко (Сергей) * и Лаврентий Иосифович Картвелишвили (Лаврентий) **.

С их приездом была возобновлена деятельность подпольного областного комитета партии (в конце германской и австро-венгерской оккупации некоторые работники предыдущего состава обкома потерпели провал). Подпольный обком возглавил И. Ф. Смирнов (Николай Ласточкин), секретарем была утверждена Елена Соколовская. На нее возлагалось руководство агитацией и пропагандой. В комитет вошли также И. Е. Клименко, Л. И. Картвелишвили, Ф. Е. Балкун и другие. Обком осуществлял руководство городским и районными комитетами партии, партийными организациями в области, военной разведкой и контрразведкой, редакционной коллегией, Красным Крестом, при нем начал действовать военный отдел. Был создан также областной военно-революционный комитет, руководивший вооруженными силами большевистского подполья — революционными дружинами и отрядами рабочих, партизанским движением в области.

Обком разворачивал работу в чрезвычайно сложных условиях. В городе шла ожесточенная борьба за власть между всякого рода белогвардейскими и другими буржуазными группировками. Большевики находились в подполье, а украинские буржуазные националисты, меньшевики, эсеры, бундовцы действовали легально и всячески стремились, в частности через газеты, одурманить сознание трудящихся. Буржуазная пресса восторженно визжала, сообщая об ожидаемом прибытии интервентов в Одессу. На наш берег ступают гости — давние друзья и недавние союзники. Искренне приветствуем представителей Франции, Англии, Италии, Америки,— так писала 19 ноября буржуазная газета «Одесские новости».

Совет фабрично-заводских комитетов города. Активный участник октябрьского вооруженного восстания 1917 года и январского вооруженного восстания 1918 года в Киеве. В составе первого Советского правительства Украины — член коллегии Народного секретариата труда.— *В. М.*

* И. Е. Клименко — член партии с 1912 года, активно работал в подполье еще до Великого Октября. Принимал участие в январском вооруженном восстании в Киеве, в марте — апреле 1918 года — член ЦИК Советов Украины, народный секретарь труда.— *В. М.*

** Л. И. Картвелишвили — большевик с 1910 года, был членом Киевского городского комитета РСДРП/б/, в июле — октябре 1918 года — член ЦК КП/б/У.— *В. М.*

В тот же день выступил и меньшевистский «Южный рабочий», утверждавший, что приход союзников на российскую территорию является событием огромного политического значения, которое может благотворно сказаться на «возрождении нашей Родины». Огромным аншлагом «Добро пожаловать, дорогие друзья и союзники!» встречал поработителей кадетский «Одесский листок». В этот хор хорошо вплетались слова генерала А. И. Деникина, сказанные им 1 ноября 1918 года на торжественном заседании Кубанской краевой рады: «И мы с открытой душой шлем сердечные пожелания доблестным войскам наших союзников» (в виде листовки эта речь была расклеена в Одессе).

Иначе «готовились к встрече» интервентов рабочие Одессы. 25—26 ноября, руководимые большевиками, они провели двухдневную общую политическую забастовку в знак протеста против высадки десанта оккупационных войск. Пролетариат Одессы грозно продемонстрировал свою силу, от которой зависела жизнедеятельность города: эти два дня не работали заводы и фабрики, электростанции, водопровод, магазины, транспорт. Бастующие требовали освобождения из тюрьмы политических заключенных. Однако по вине соглашательской предательской политики меньшевиков и эсеров забастовка была сорвана *.

Через полмесяца рабочие снова продемонстрировали свою сплоченность вокруг большевиков. Меньшевики и эсеры, не терявшие надежды перетянуть на свою сторону рабочих, затеяли организацию общегородского митинга под своими лозунгами. Они выхлопотали у петлюровцев, вступивших в город 11 декабря, разрешение на такой митинг и провели его 12 декабря в помещении цирка. Людей было так много, что Елена не смогла протолкнуться вовнутрь и застряла в толпе перед входом в цирк, а Клименко все-таки пробился на хоры. Как ей потом рассказывали, с этой верхотуры он и выступил с пламенной речью.

— На Советскую Россию,— говорил Сергей,— надвигаются шакалы международного империализма. Пе-

---

* Позже в своих воспоминаниях Елена Соколовская напишет: «Забастовка началась при единодушном воодушевлении рабочих. Весь город замер, ни один магазин не открылся, не было света, воды. Это исключительное единодушие и те революционные речи, которые раздавались в разных рабочих уголках, перепугали Центропроф» (речь идет о меньшевистском исполкоме Одесского совета профсоюзов.) — В. М.

ред нами, рабочими Украины, стоит задача занять позицию, на которую нас выдвинула история. Здесь мы должны принять бой с империализмом. Необходимо создание Совета рабочих депутатов. Лозунг сегодняшнего дня — сплотиться вокруг Советов! Да здравствуют Советы!

Успех Клименко имел необычайный. Выступление большевика стало стержнем митинга и определило его политическую направленность. И как затем уже ни распинались, как ни суетились меньшевики и эсеры Кулябко-Корецкий, Градов-Матвеев, Шиффер, петлюровец Рощаховский и иже с ними, участники митинга приняли предложенную Сергеем большевистскую резолюцию. «Призывы и лозунги большевика-оратора встретили самое бурное одобрение со стороны аудитории»,—вынуждены были констатировать 13 декабря «Одесские новости».

Отвечая на призыв Клименко, тысячи рабочих устроили грандиозную демонстрацию. Построившись в колонну на Коблевской улице, с красными знаменами и пением «Марсельезы» они двинулись к Бульварному полицейскому участку и городской тюрьме, где освободили политических заключенных. Так лопнула, как мыльный пузырь, попытка одесских социал-предателей привлечь рабочих на свою сторону.

В тот же день, 12 декабря, на экстренном совместном заседании Одесских областного и городского комитетов КП(б)У обсуждался вопрос о тактике большевиков в связи с положением в городе. Со вступлением петлюровских войск в Одессу тут столкнулись лицом к лицу две вооруженные группировки внутренних контрреволюционных сил: части белогвардейской добровольческой армии, с одной стороны, и отряды буржуазно-националистической Директории — с другой. В то же время французское командование издало приказ о создании в городе отдельной союзнической зоны, в которую входила вся территория порта и гаваней. Белогвардейцы занимали центр, а петлюровцы привокзальный район и железнодорожные станции Главная, Товарная. Одним словом, положение было очень сложное и... трагикомическое *.

* Позже Соколовская вспоминала: «Начинается канитель между петлюровцами и союзниками. С одной стороны, петлюровцы желают удержать Одессу за собой, с другой — не желают ссориться с Антантой. Между петлюровцами и союзниками путается добровольческая армия».— *В. М.*

На заседании отмечалось, что вооруженное выступление рабочего класса Одессы против во много раз превосходящих сил контрреволюции в данный момент несвоевременно и было бы губительным для боевых дружин. В то же время было решено: вооруженное столкновение между белогвардейцами и петлюровцами всячески использовать для того, чтобы добыть как можно больше оружия.

Было принято также решение о проведении перевыборов в Советы. Рабочие Одессы активно поддержали большевиков, и до вчерашнего дня мандатная комиссия зарегистрировала уже 284 избранных депутата — преимущественно из большевиков и сочувствующих им рабочих. Но уже сегодня ясно, что деятельность легального большевистского Совета в городе стала невозможной *.

Вчера в Одессу прибыли четыре морских транспорта под охраной эскадры военных кораблей во главе с французским дредноутом «Эрнест Ренан» — десант союзных войск. Да еще 156-я французская дивизия генерала Бориуса, два батальона зуавов. Генерал Бориус сразу же заявил в прессе, что союзные войска берут Одессу «под свое высокое покровительство».

Сегодня с утра на улицах завязались бои между петлюровцами и белогвардейцами. Казалось бы, за власть в городе. Однако реальная власть уже находилась в руках интервентов. Они стали на сторону белогвардейцев (военным генерал-губернатором города был назначен деникинский генерал Гришин-Алмазов), и хотя стрельба не стихает, Елена не сомневалась, что теперь петлюровцы оставят город. (Так и случилось. В тот же день по требованию интервентов петлюровцы отступили из Одессы. Хозяевами города стали интервенты и белогвардейцы, но рабочие окраины — Молдаванка, Пересыпь, Слободка еще некоторое время находились под контролем боевых рабочих дружин).

На Молдаванке Елена почувствовала себя в безопасности. Этот район еще охранялся рабочими пикетами **, хотя французское и белогвардейское командова-

---

* Оккупация Одессы интервентами помешала возобновлению в городе деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов. Вся власть в Одессе перешла к Совету 5 апреля 1919 года.— *В. М.*

** Обратим внимание на организованность, уверенность в своих силах, с которыми большевики уходили в подполье. Молдаванка была оцеплена с дальним прицелом, здесь концентрировалось, а затем было надежно спрятано оружие, захваченное 18 декабря. Соколовская говорила в 1927 году: «Район этот... мы решили оцепить пикетами, чтобы нам никто не мешал, и не допускать

ние уже ввели в Одессе осадное положение. Она не напрасно заходила на базар. Целый день подпольщики провели в штабе, и поэтому принесенные ею хлеб и колбаса оказались кстати.

...На заседании подпольного обкома партии и военно-революционного комитета выступил Николай Ласточкин. Революционер-профессионал, опытнейший подпольщик, он прекрасно понимал, что настало время выполнить ответственное поручение Центрального Комитета РКП(б) — организовать при обкоме партии глубоко законспирированную группу людей, владевших иностранными языками, для политической работы среди войск интервентов.

— Не все французы одинаковы,— говорил он.— Нужно помнить, что в солдатских шинелях в Одессу прибыли рабочие и крестьяне. Конечно, французские власти, офицеры постарались внушить им, что в Россию они явились для праведной борьбы со «злодеями-большевиками». Однако, если французские пролетарии собственными глазами увидят, за что борются рабочие и крестьяне нашей страны, они не смогут нам не сочувствовать. Мы уже убедились в этом на примере австро-германских войск... Главным нашим оружием в борьбе с интервентами будет правдивое большевистское слово.

Участники заседания единодушно приняли решение о создании при обкоме партии специального отдела, который возглавит всю работу по разложению войск интервентов. Он получил название «Комитет (затем — Коллегия) иностранной пропаганды», а в историю вошел под названием Иностранной коллегии *. С самого начала договорились строжайшим образом законспирировать этот

туда никакие отряды. Затем решили захватить крупные казармы и склад военной аммуниции у 2-й заставы. В случае, если петлюровцы сдадутся, мы решили захватить оружие, свернуться и исчезнуть, что и было сделано впоследствии». Есть еще одно свидетельство Соколовской об этом важном моменте. В журнале «Пролетарская революция» /1927, № 1/ она писала совместно с В. Дегтем, Ф. Балкуном, И. Горенюком /Южным/: «В день боя за Одессу между петлюровцами и белыми (18/XII) большевистская организация укрепилась на Молдаванке, оцепив пикетами целый район, и готовилась к возможности боя с белыми. Когда вечером 18/XII петлюровское командование решило оставить Одессу, партийная организация быстро свернула свои военные силы и ушла в подполье, подкрепленная новыми сторонниками и захватив значительное количество оружия».—*В. М.*

* В апреле 1919 года, когда Одесса была освобождена, здесь сосредоточили свои лучшие силы многие иностранные коммунистические группы. Для руководства их деятельностью в городе

орган. Он подчинялся непосредственно Николаю Ласточкину. Представителем в Комитет иностранной пропаганды от Одесского обкома КП(б)У была утверждена секретарь обкома Елена Соколовская.

Поздно вечером, когда улицы города поглотила густая тьма и только изредка доносились одинокие выстрелы, подпольщики услышали в отдалении мерный топот. Пикетчики доложили, что идут солдаты французского десанта. Все выбежали на улицу, где, несмотря на поздний час, было много народа. Понимали, что идут оккупанты, однако «не могли, — как вспоминала позже Соколовская,— побороть чувства инстинктивного доверия к этим пролетариям в солдатской одежде, и никто из нас не вздумал принимать меры предосторожности по отношению к ним или прибегнуть к оружию». Французские солдаты также мирно встретили одесситов.

— Куда идете, товарищи? — спросила по-французски Елена. Услышав родную речь, солдаты оживились.

— Идем в казармы, говорят, здесь недалеко,— ответил один из них и добавил: — Мы приехали из Салоников.

Из солдатского строя горожан забросали вопросами: «Кто вы такие?», «Что сегодня произошло?», «Между кем был бой?» Нетрудно было догадаться, что солдаты ничего не знают об обстановке в городе, не понимают истинной цели их прибытия в Одессу.

— Зачем вы сюда приехали? — продолжала Елена.

— Сюда нас привезли, pour faire l'ordre *. Перед высадкой на берег офицер сказал, что население города ждет нас как освободителей. Мы должны помочь русско-

---

была создана Коллегия международной пропаганды, в состав которой входили 11 групп: английская, болгарская, греческая, испанская, итальянская, мусульманская, немецкая, польская, румынская, французская и югославянская. В руководящий орган Коллегии входили представители Отдела международной солидарности, Наркомата иностранных дел УССР, Одесского комитета КП (б)У и коммунистических групп. Большую помощь иностранным коммунистам оказывали председатель Одесского губкома КП(б)У Я. Б. Гамарник, секретарь губкома С. И. Соколовская, председатель исполкома Одесского Совета И. Е. Клименко, член бюро губкома В. А. Деготь. На штампе этой организации стояло такое название: «Иностранная коллегия коммунистической пропаганды г. Одессы». Таким образом подчеркивалась органическая связь данной организации с героической Иностранной коллегией, действовавшей в Одессе с декабря 1918 года по апрель 1919 года. Однако нельзя смешивать, как это иногда делается в научно-популярной литературе, деятельность этих двух разных коллегий.— *В. М.*

* Чтобы навести порядок (*Франц.*).

му народу прогнать немцев и защитить его от большевистских банд. А потом мы возвратимся домой.

Вот он, обманутый Антантой солдат. Вырванный из окопов в Салониках и брошенный для грязного дела на Украину. Напичканный злостными сплетнями о Советской Республике, закованный в панцирь лжи. Усталый, он большими натруженными руками поддерживает лямки ранца, оттягивающего плечи. Эти руки говорят о том, что он — рабочий. Рабочий, одетый в мундир солдата французской армии.

— Мы рабочие Одессы. Вы будете стрелять в рабочих?

— Oh, jamais * — раздалось несколько голосов.

Солдаты, поломав строй, собрались вокруг одесситов. Назревал митинг. Но тут подошел офицер, резко оборвал разговор, приказал строиться и повел солдат дальше.

— Мы еще встретимся! — крикнул кто-то из толпы вслед удалявшемуся отряду французов.

«Так произошла первая встреча французских солдат с русскими большевиками,— вспоминала Соколовская.— ...Мирный характер первой встречи не был случайным: он знаменовал начало братания русских рабочих с французскими рабочими и крестьянами в солдатских шинелях, он был началом той пропаганды среди оккупационных войск, которая, по выражению Ленина, отняла у Антанты ее солдат».

Большинство членов французской коммунистической группы жили коммуной в доме-вилле в Денежном переулке, выходящем на Арбат. Это недалеко от посольства Германии, где левые эсеры убили немецкого посла. Дом раньше принадлежал вдове богатого торговца Горожанкина и был реквизирован. Множество больших комнат деревянного дома зимой напоминали ледник. О теплой одежде и не мечтали — ее недоставало, как недоставало и топлива. Спасала всех «буржуйка» — маленькая железная печурка. Топили ее деревяшками от заборов, другим хламом. Обед чаще всего состоял из чая без сахара, зато с сушеной морковью, и ничтожного кусочка черного хлеба (пайковую восьмушку берегли пуще глаза). Когда приходила Жанна (она жила на

---

* О, никогда! *(Франц.)*

Гнездниковской улице), все собирались вокруг пузатого самовара, источавшего тепло. Всегда бодрая, энергичная, она неизменно приносила вместе со свежим, морозным воздухом здоровый оптимизм, непреклонную веру в революционные идеалы. Это были незабываемые минуты. Товарищи по борьбе делились впечатлениями, рассказывали о сделанном, спорили, мечтали.

Вместе бывали на спектаклях, посещали музыкальные утренники в Большом, где слушали Бетховена, Моцарта, Чайковского. В свободную минуту заходили в Третьяковку, следили за творчеством Маяковского и Бедного, слушали Есенина...

«Несмотря на голод, холод, болезни,— вспоминала через десятилетия Мари Луиз Пети,— я никогда не забуду это время. Мы были молоды, у нас было необычайное ощущение свободы, осознание того, что в жизни случилось что-то большое, опрокинувшее мир. Мы не ходили по земле. Мы летали». Добавим: они работали. Для дела революции.

Та же Мари Луиз Пети рассказывала, что члены группы Пьер Паскаль и Робер Пети ночью по беспроволочному телеграфу обращались на родном языке к трудящимся Франции. Днем все были заняты подготовкой и печатанием листовок и воззваний, направляемых на оккупированную территорию. Особенно Пети отметила, что «московская группа переводила и издавала брошюры Ленина, отправляла их в оккупированные Одессу и Севастополь».

В газете «Известия» от 15 декабря 1918 года можно было прочесть: «Французская группа РКП(б) приглашает товарищей французов-коммунистов на собеседование, организуемое 15 декабря, в 2.30 дня в клубе «Третий Интернационал» (М. Бронная, 2). В собеседовании примут участие тт. Садуль, Арманд, Нюрин, Лябурб и др.». Так в последний раз в 1918 году в центральной прессе упоминается Жанна Лябурб. Однако тот факт, что в газетах второй половины декабря 1918 года — января 1919 года мы не находим имени Жанны, вовсе не означает, что она не работала. Ее имя, как и ее работа, были неотделимы от французской группы, успешно действовавшей в это время.

Регулярно проводились беседы. Уже через неделю, 22 декабря, «Известия» снова сообщали: «Французская группа РКП(б) приглашает французских коммунистов сочувствующих на собеседование на тему: «Международное положение и очередные задачи». Вступительное сло-

во Ж. Садуля». Наверняка в этом, как и других собеседованиях, не могла не принимать участие и секретарь группы Лябурб, продолжающая активную работу в клубе «Третий Интернационал». По материалам газет можно сказать, что в декабре в клубе были прочитаны лекции «Великая французская революция», «Парижская коммуна», «Интернационал», состоялось общее собрание членов клуба, заседание лекционной комиссии, было продемонстрировано несколько кинофильмов. В январе группа организовала платный концерт, средства с которого пошли на приобретение подарков для воинов Красной Армии.

Документы свидетельствуют, что в конце 1918 года Жанна Лябурб выступила с докладом о Парижской коммуне в партийной школе, созданной Центральным Комитетом РКП(б) для уездных партийных и советских работников.

Она подготовилась, как всегда, основательно. Свои выступления старалась обговорить с мужем, хотя такая возможность предоставлялась не всегда. Вот и теперь Вукашин в Петрограде. Жанна уже знает, что он выступал там 19 декабря на большом интернациональном митинге, прошедшем под председательством Максима Горького. Двадцать три оратора от шестнадцати стран Европы и Азии! Грандиозный митинг! От имени своих народов выступающие высказали солидарность с революцией в России, призвали народы мира прийти на помощь рабочему классу России *.

Поднимаясь на трибуну, Жанна представила Марковича перед многотысячной интернациональной аудиторией и подумала, что они делают с ним одно и то же важное и нужное дело.

Переполненный зал слушал дочь французского народа, пламенного члена РКП(б). Было задано ей много вопросов. И все они так или иначе касались современности. Чаще всего речь шла об антантовской интервенции на юге Украины. Раздался шквал аплодисментов, когда Жанна ответила фразой из листовки, изданной французской коммунистической группой: сыны француз-

---

* Позже в статье «Советская Россия и народы мира» М. Горький писал об этом форуме: «Не столь важны речи, не столь новы и ярки слова, сказанные русскому народу представителями разных государств и наций Европы и Азии, сколь важно и знаменательно чувство пламенного доверия к рабочей России, глубокое понимание исторической ее роли, выраженные двадцатью тремя ораторами».— *В. М.*

ской революции откажутся душить русскую революцию!

После выступления состоялось немало теплых, душевных бесед с товарищами по партии. Жанне запомнилась встреча с большевичкой Раисой Борисовой, рассказавшей ей о Чапаеве — сыне крестьянина-бедняка, ставшем народным героем гражданской войны, замечательным полководцем Красной Армии (в то время Василий Чапаев занимался в Военной академии Генерального штаба).

— Как хорошо, что я узнала об этом,— горячо сказала Жанна.— Теперь я смогу рассказать моим французским товарищам, кто такой этот необычный Чапаев и как рабочие и крестьяне становятся военачальниками, защищают свою революцию. О, если бы я могла рассказать это французским солдатам и матросам, которых империалисты направили в Одессу и Севастополь для подавления русской революции. Во французской армии такие же рабочие и крестьяне, как ваши чапаевцы, а французская буржуазия надеется одолеть вас их руками. Не бывать этому! Французский рабочий никогда не станет палачом русской революции, а будет помогать ей!

Жанна самоотверженно работала в Москве, однако ее сердце рвалось в большевистское подполье, к большому, откровенному и правдивому разговору со своими обманутыми соотечественниками в солдатских шинелях. Об этом свидетельствуют ее товарищи по группе.

Мари Луиз Пети: «Жанна Лябурб стремилась работать там, где были французские интервенционные силы... Жанна Лябурб убеждала товарища Ленина в необходимости ее личной пропаганды среди войск французских интервентов. Ленин долго колебался, но наконец согласился».

И снова Мари Луиз Пети: «Она не могла смириться с мыслью, что сыны коммунаров 71 года, потомки революционеров 93 года посланы задушить великую революцию в России. Она спешила действовать».

Эти воспоминания написаны ветераном группы Мари Луиз Пети через полстолетия после смерти Лябурб. Давайте сравним их со словами, обнародованными сразу же после героической гибели Жанны. Член французской группы РКП(б) Нюрин писал в «Правде» от 25 марта 1919 года: «Она не может мириться с «кабинетной» работой в Москве. Она рвется в оккупированные союзными десантами области, ей хочется войти в непосредственный контакт с «облаченными в солдатские

шинели пролетариями», с «обманутыми братьями», расшевелить, взбунтовать эту пассивную массу. «Il faut agir, il faut agiter!» * — с этими словами она неоднократно обращалась ко мне, настаивая на командировке ее для работы среди высадившихся в России французских солдат».

Одно стремление, одна мысль — действовать! Она добилась своего. В начале 1919 года французская коммунистическая группа РКП(б) направляет Жанну Лябурб в Одессу на подпольную работу.

В Одессе действовали семнадцать вражеских контрразведок, каждая из которых охотилась за большевиками, а шесть из них, как отмечалось в одном из донесений в штаб Деникина, «специализировались на вылавливании агитаторов-интернационалистов». Такого «внимания» были удостоены работники Иностранной коллегии.

Для интервентов, белогвардейцев и их контрразведок одного слова «большевик» было достаточно, чтобы без суда и следствия убить человека. Очевидец писал в своих воспоминаниях: «Расстреливали за то, что ты революционер, за то, что ты родственник революционера, сосед революционера, и даже за то, что ты можешь стать революционером». За революционную устную агитацию — расстрел на месте. За расклеивание и распространение листовок, газет — расстрел на месте. В газетах можно было прочитать: «На спуске улицы Гоголя расстреляны два молодых человека. Передают, что на них указали, как на большевистских агитаторов». «В порту задержан неизвестный молодой человек, раздававший прокламации на французском языке. Неизвестный был на месте расстрелян». «Два молодых человека расстреляны возле входа в Александровский парк при попытке передать коммунистическую газету французским солдатам». «Молодой человек, интеллигентный на вид, распространял большевистские газеты возле памятника Пушкину. Военный патруль застрелил его на месте преступления».

Здесь вспоминаются слова Елены Соколовской, которая с болью писала: «Борьба была трудной, суровой, кровавой. Она стоила жизни многим самоотверженным и мужественным революционерам...» Бойцы подполья погибали на своих постах, но революционная работа не

* Надо действовать, надо призывать! *(Франц.)*

иссякала, а разрасталась. Об этом тоже можно сказать словами тех же буржуазных газет. «Одесский листок» вынужден был признать: «Так или иначе большевистская агитация ширится на юг»; «все усиливается в Одессе работа прибывших большевистских агитаторов».

«Азбука»* свидетельствовала еще 13 января 1919 года, что «большевистская пропаганда среди французского гарнизона развивается успешно». Однако не нужно быть контрразведчиком, чтобы констатировать очевидный факт. А вот кто они, эти неуловимые большевики-подпольщики? У страха глаза велики, да и руководство требует конкретных фамилий, поэтому чуть позже в донесении «Азбуки» появляются такие слова: «Говорят, сюда приехали Коллонтай и с ней несколько видных большевиков...» Другой опытный агент с многообещающей кличкой Око подтверждает этот «факт».

Но все же контрразведчики даром хлеб не ели. 22 января 1919 года агент Освага ** сообщал из Одессы в ставку Деникина: «В декабре 1918 года в Одессе созданы агитационные дружины. Всех дружин 5 или 6. В последнее время в состав дружин вошли люди, знающие и греческий язык. Каждая дружина имеет от 20 до 30 человек. Привлечено несколько русских, знающих английский язык. Недавно дружины пополнились свежими силами».

Речь шла об Иностранной коллегии. Вражеская контрразведка, как видим, имела отдельные сведения о ее создании, однако не могла раскрыть умело законспирированную подпольную организацию.

Иностранная коллегия действовала. «...Работая день и ночь, готовые каждый час попасть в добровольческий застенок, мы работали бодро и живо,— писала Елена Соколовская.— ...Работа нашей Коллегии... меня удовлетворяла, так как в результатах ее мы убеждались своими глазами, и шла она скоро и споро. Каждый из нас был на своем месте».

История, наверно, не знает другого примера деятельности такой большой многонациональной организации в подполье периода гражданской войны. В состав Иностранной коллегии входили ряд групп: французская, польская, румынская, сербская, греческая, английская.

---

* «Азбука» — контрразведка при ставке главнокомандующего Вооруженными силами юга России. В январе 1919 года ее центр был перенесен в Одессу.— *В. М.*

** Осваг («Осведомительное агентство») — деникинская информационно-шпионская организация.— *В. М.*

Все они выполняли задачу разложения оккупационных войск Антанты путем устной и печатной агитации и пропаганды,— важнейшую задачу, стоящую перед Одесским подпольным обкомом партии в период антантовской оккупации.

Наиболее численной и активной была французская группа Иностранной коллегии. Особое значение ее работы состояло в том, что главным контингентом интервенционистских войск были французские солдаты и матросы. В этой группе работали Мишель Штиливкер, Яков Елин (Жак), Александр Вапельник, Мартин Лоладзе (Лола), Альтер Залик, Гелена Гжелякова, Исаак Дубинский, Александр Винницкий, Владимир Деготь, Калистрат Саджая (Калэ) и другие товарищи, долгое время жившие в эмиграции во Франции и возвратившиеся в Россию после Февральской буржуазной и Великой Октябрьской социалистической революций.

В первом донесении из оккупированной Одессы в ЦК КП(б)У говорилось: «По прибытии в Одессу наше иностранное бюро * приступило немедленно к работе. В первую очередь приступили к организации ядра испытанных партийных работников. После организации этого ядра оно было разбито на секции **... немедленно была установлена связь с французскими и английскими солдатами и матросами, начали выпускать листки на французском и английском языках.

В связи с развитой нами агитацией союзным командованием был отдан приказ, чтобы французские солдаты и матросы не смели вступать в разговоры с русскими и вообще цивильными».

Об этом пресловутом приказе, который должен был воздвигнуться китайской стеной между солдатами и большевиками-подпольщиками, мы знаем и из другого источника: доклада Николая Ласточкина в ЦК КП(б)У: «Из опасения... успешной агитации французское командование издало приказ, по которому союзным солдатам запрещено входить в рестораны, кофейни, молочные и т. п. От хозяев же подобных предприятий взята подписка о том, что они не будут впускать французских и вообще союзных солдат. Но приказ этот в жизнь не проводится, и французское командование, учитывая свое бессилие, не проявляет репрессивных мер по отношению к лицам, не выполнившим приказ».

---

* Иностранная коллегия.

** Национальные группы Иностранной коллегии.

Французское командование предприняло также отчаянную попытку изолировать солдат и матросов от большевистского влияния путем создания особого комитета по ограждению войск от агитации. И снова — полный крах! Или вот еще один шаг, о котором сообщили в феврале 1919 года В. И. Ленину: «Для борьбы с большевистской пропагандой среди французских войск при французском командовании создана специальная разведка, которая работает вместе с сыскным отделением...» Все напрасно!

Агитационная работа большевиков разрушала стены приказов и преград, которые так упорно возводили оккупационные власти, преодолевала все препятствия, находила путь к сердцам и умам солдат и матросов. Поистине большевистская правда, говоря ленинскими словами, «пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя» [1].

Каким образом удавалось это достичь большевикам-подпольщикам?

«Методы пропаганды, как устной, так и письменной,— докладывала в 1919 году Елена Соколовская в ЦК РКП(б),— были следующие: прежде всего мы старались фиксировать внимание французских солдат на вопросе об их пребывании здесь. Почему вы пришли, зачем вы пришли сюда с оружием, против кого направляете вы свое оружие — основные вопросы, которые ставили мы и давали на них ответы, делая соответствующие выводы и развивая мысль до конца... Далее шли объяснения сущности борьбы, происходящей на Украине и в России, сущности большевизма, задач пролетариата, задач революции». Пройдет 15 лет и Соколовская, возвращаясь к этой теме, напишет: «Агитаторы старались найти такие простые и ясные лозунги, которые доходили бы до сознания каждого обманутого своим правительством и истомленного войной солдата: «Требуйте возвращения домой и прекращения... войны с Россией, отказывайтесь воевать против русских революционных рабочих и крестьян, которые хотят и имеют право сами устраивать свою судьбу, следуйте примеру русских рабочих...»

Острым оружием подпольщиков были газета Иностранной коллегии «Le communiste» («Коммунист»), листовки и устное слово агитаторов.

С тех пор как тридцать лет назад одесский историк

---

[1] Ленин В. И. IX съезд РКП(б) // Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 252.

В. Г. Коновалов сделал работу Иностранной коллегии предметом специального научного исследования *, подпольный «Коммунист» на французском языке стал известен миллионам людей во всей стране. Пожалуй, не выходит ни один серьезный труд по истории гражданской войны, в котором не упоминалась бы эта газета. Не будет преувеличением сказать, что она стала легендарной.

Однако до сих пор не выяснены еще все вопросы, связанные с «Коммунистом». Сколько номеров газеты вышло в январе — феврале 1919 года? Считается, что около десяти. Думается, следует сказать точнее: не менее шести. По крайней мере, шесть номеров «Коммуниста», кроме самого первого, описаны в 1929 году в третьем томе Трудов Одесской центральной научной библиотеки.

Этот источник, к сожалению, долго оставался вне поля зрения историков, что сказалось на точности датирования отдельных номеров газеты. Длительное время, например, даже исследователь большевистской прессы на юге Украины С. А. Цвилюк считал, что «известен день выхода только третьего номера газеты — 2 февраля 1919 года». Тогда как в упомянутом описании указывалась дата выхода и четвертого номера — 7 февраля 1919 года. Первый и второй номера «Коммуниста», как убедительно показал В.Г. Коновалов, вышли в первой декаде января. Что касается пятого и шестого номеров газеты, то, как видно из указанного источника 1929 года, они не датировались точным днем, на них стоял только месяц — февраль 1919 года. Не всегда оправдывает себя попытка историков определить время выхода газеты с помощью донесений агентов Освага, регулярно докладывающих о появлении в Одессе очередных номеров «Коммуниста». Применив этот метод, была неточна даже Л. М. Зак. Составляя «примерный календарь выхода этой газеты», она приводит, в частности, донесение деникинской контрразведки от 30 января 1919 года: «В Одессе расклеен третий номер газеты «Коммунист» на хорошем французском языке». Тут агент неточен, в то время он мог видеть только второй номер, а третий, как мы уже знаем, вышел 2 февраля. С. А. Цвилюк в своей книге, вышедшей в 1986 году, подчеркивает, что последний раз «Коммунист» упоминается в донесении Освага 20 фев-

* В 1958 году вышла книга В. Г. Коновалова «Иностранная коллегия», а в 1960 году — «Герои одесского подполья» с предисловием Мориса Тореза.— *В. М.*

раля. Однако, по нашему глубокому убеждению, это вовсе не значит, что позже газета не выходила. Более того, как раз в двадцатых числах увидели свет номера, подготовленные с участием Жанны Лябурб.

Нельзя не упомянуть здесь об одном потрясающем факте. Не успели выйти в одесском подполье первые два номера «Коммуниста», как они уже привлекли внимание В. И. Ленина. 31 января 1919 года он направил председателю Временного рабоче-крестьянского правительства Украины телеграмму такого содержания: «Говорят, в Харькове есть крымские и одесские газеты, *в том числе французская одесская* (подчеркнуто нами.— *В. М.*). Очень прошу распорядиться немедленно собирать комплекты и посылать их сюда регулярно».

Подумать только: такая телеграмма по, казалось бы, незначительному поводу в то время, как огромная страна объята пламенем борьбы с интервенцией и контрреволюцией и каждая минута Предсовнаркома Страны Советов на счету. Как раз 31 января В. И. Ленин председательствовал на заседании Совета Обороны, где обсуждались среди прочих и такие вопросы: о подготовке к весенней навигации и о ремонте судов; об отправке столичных рабочих на Ижевский и Воткинский заводы; о необходимости передачи в резерв всех автомобилей; о пополнении Восточного фронта; о Харьковском паровозостроительном заводе; о сборе имущества в Западной области; о постройке крепости в Саратове; о назначении А. Г. Шлихтера народным комиссаром Украины.

Таков далеко не полный перечень вопросов, рассматривавшихся Председателем Совета Обороны только в течение 31 января... И все же он нашел время и счел необходимым телеграфировать в Харьков о присылке ему подпольного «Коммуниста».

Судя по ответной телеграмме, посланной В. И. Ленину из Харькова 5 февраля 1919 года, сразу сделать этого не удалось ввиду того, что, «исключая пары случайно попавших газет из Одессы и Симферополя, во всем городе других газет из оккупированных частей нет». Были предприняты меры по выполнению поручения В. И. Ленина. Известно, например, что после возвращения в Москву в 1919 году Жак Садуль привез ему комплект газет и листовок, изданных в оккупированной Одессе. Возможно, что среди них был и французский «Коммунист».

Возникает вопрос: почему же в Харькове не оказалось подпольных изданий? Передавалась же сюда раз-

ведывательная информация из подполья, поступали доклады о работе Одесского обкома партии. Можно предположить простейший вариант ответа: руководители одесского подполья стремились передать в Харьков только информацию первостепенной важности, разведданные. Они не заботились о том, чтобы, так сказать, специально засвидетельствовать свою работу путем отправки подпольных изданий. Кроме того, такая ноша усложняла бы и без того крайне опасную дорогу курьеров из подполья.

До нас дошли, к сожалению, только первый и второй номера «Коммуниста», из других сохранились отдельные части текста. Попытки найти весь комплект газеты были предприняты сразу после освобождения Одессы от интервентов весной 1919 года. В частности, 7 и 11 мая орган губкома партии «Одесский коммунист» поместил объявление: «Комитет партии просит товарищей, имеющих на руках подпольный «Коммунист» на русском и французском языках, принести таковые в редакцию за вознаграждение». Очевидно, поиски тогда увенчались успехом. По крайней мере, как мы уже знаем, второй — шестой номера газеты были описаны в Трудах Одесской научной библиотеки. При этом указывалось, что «описание №6 составлено по экземпляру, который был найден в подпольной типографии в катакомбах».

Однако впоследствии полный комплект «Коммуниста» затерялся. И не нужно винить в этом работников Одесского Истпарта и партийного архива, как это сделал А. М. Дунаевский. Кто больше них и таких, как они, заботился раньше и заботится сейчас о сохранении документов героического подполья?!

Не хотелось бы верить, что безвозвратно утеряны все экземпляры «Коммуниста» на французском языке. Ведь его тираж превышал пять тысяч экземпляров! Пользуясь случаем, обращаемся к читателям: помогите в поиске газеты Иностранной коллегии!

В состав редколлегии «Коммуниста» входили Е. Соколовская, А. Залик, Ж. Лябурб, Г. Гжелякова. «Мы освещали в газете не только нашу собственную борьбу,— вспоминал Альтер Залик,— но и социальное и политическое положение на Западе и в первую очередь во Франции. Вся наша письменная агитация сводилась к тому, что французские солдаты и матросы были посланы, чтобы подавить революцию рабочих и крестьян, и что они должны вернуться на родину».

Газета быстро стала популярной среди французских

солдат и матросов. Мог ли кто-нибудь из них остаться безразличным, ознакомившись с ее первым номером, который вышел в начале января 1919 года? Небольшая передовица «Коммунистическая Россия» рассказывала о свержении в стране эксплуататорского строя и об установлении власти рабочих и крестьян. В корреспонденции «Среди французских солдат» разоблачалась клевета на большевиков, которой полнились газеты оккупантов, рассказывалось о революционизирующем влиянии большевиков на солдат и матросов. В кругу своих товарищей солдат или матрос не раз слышал, как, прочитав большевистскую листовку, его однополчанин восклицал:

— Так вот для чего мы здесь! Нас обманули! Пусть нас вернут домой!

Об этом писал и «Коммунист». Солдат начинал понимать, что прозрели не только его ближайшие товарищи, не только он сам, но и многие его соотечественники в военных шинелях.

Солдат читал и ту страницу газеты, где речь шла о международных событиях, развитии рабочего движения в странах капитала. Глаз неминуемо останавливался на словах, разоблачавших демагогические заявления оккупантов о союзнической помощи русскому народу, о «спасении России». «Спасти Россию! От кого! — читал тот, кого Антанта оторвала от родины, родного дома, чтобы сделать таким «спасителем».— Я знаю страну, которая нам ближе. В ней есть города, которые начинают вымирать от голода и нищеты. Эта страна называется Францией. Я предлагаю идти ей на помощь». Внимательно прочитывались сообщения из Парижа о том, что во всех крупных городах Франции Всеобщая конфедерация труда организовала митинги протеста против антисоветской интервенции, «позорной для французского рабочего класса».

Отдав газету своему однополчанину, надолго задумывался немолодой уже солдат с крепкими руками нормандского крестьянина. Он и газету держал бережно, словно дозревшую гроздь винограда...

Попадал рабочему из Лиона второй номер «Коммуниста», и с первой страницы бросалось в глаза сильное и звучное слово — «Интернационализм». Передовая статья под таким названием открывала номер. Ему, сознававшему, что такое рабочая солидарность, понятен был призыв встать под знамена пролетарского интернационализма, преодолеть временные невзгоды и трудности, единым строем идти к социализму. «Коммунист» выхо-

дит под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а с пятого номера на его первой странице запламенели слова: «Протестуйте против интервенции! Братайтесь с нашей Красной Армией, которая не стремится к войне! Требуйте вашего возвращения!»

С популярностью «Коммуниста» могли конкурировать только листовки, подписанные: «Одесский комитет Коммунистической партии (большевиков)». Солдаты припадали к ним, как к источнику, вбирая в себя наполненные правдой слова: «Большевик — это человек, который борется за немедленное создание социалистического общества... Большевизм означает власть рабочих и крестьян, власть тех, кто всегда был орудием богатеев, власть тех, кто работал без конца, но без вознаграждения, на заводах, фабриках, предприятиях, полях, власть тех, кто проливал свою кровь на полях сражений. Большевизм — это власть рабочих и крестьянских Советов, которые создаются во всех городах и деревнях и управляют всей жизнью. Эти Советы являются единственной демократической формой правления, которая позволяет классу пролетариев править самостоятельно. Вот что такое большевизм».

Как попадали подпольная газета и листовки к солдатам и матросам французской армии?

Исследователь деятельности Иностранной коллегии одесский историк В. Г. Коновалов в книге «Герои одесского подполья» подробно рассказывает о работе подпольной типографии в катакомбах и о путях распространения газет и листовок. Из Куяльника газеты и листовки тайно привозились в город на крестьянских подводах и на транспорте союза извозного промысла, в котором работали сочувствующие большевикам люди. В центре города, в доме № 14 по Торговой улице, под видом табачной лавочки была явка Иностранной коллегии. Еще одна — в молочной лавке. Выделенные областным комитетом партии люди забирали отсюда упакованные газеты, листовки и на других явках вручали их распространителям.

Вначале подпольные издания рассылались по заводам и фабрикам, а рабочие сами раздавали их иностранным солдатам и матросам. Впоследствии был создан специальный аппарат для распространения газет и листовок. «Вся группа по распространению,— вспоминала Елена Соколовская,— состояла из комсомольцев, и нужно признать, что распространение велось образцово».

Мы уже говорили — это была смертельно опасная

работа. Читатель, наверное, обратил внимание на то, что среди расстрелянных за распространение большевистских газет и листовок (по сообщениям буржуазных газет) названы исключительно молодые люди. Настоящей героиней среди распространителей была Лида Петренко, бесстрашно раздававшая газеты и листовки французским солдатам и матросам прямо на улицах Одессы. 6 февраля 1919 года «Одесский листок» сообщал: «Арест большевиков. На углу Б. Арнаутской и Ришельевской задержаны Лидия Петренко, А. Ухатова и С. Вольман, распространявшие большевистские прокламации». Из тюрьмы этих смельчаков освободила Красная Армия, вступившая в Одессу.

Большевистские газеты и листовки распространяли в городе Д. Сидоров, Д. Зельдович (Д. Киреева), И. Чуб, Д. Мельников, С. Яновская... На корабли англо-французской эскадры литературу доставляли Я. Елин, М. Трюх, Я. Морозов и другие.

Одновременно с распространением печатной продукции большевистское подполье вело активную устную агитацию и пропаганду среди солдат и матросов оккупационной армии.

Прекрасными агитаторами показали себя сами одесские рабочие. «Слово «большевик»,— писала Елена Соколовская,— помимо наших печатных и устных разъяснений, им (французским солдатам и матросам — *В. М.*) наглядно объясняли наши рабочие». Происходило это так. Рабочий показывал французскому солдату свои натруженные мозолистые руки и говорил: «Это — большевик». Потом изображал толстого типа, идущего вперевалку: «А это — буржуй». Французские солдаты хорошо понимали эту «азбуку» большевизма. Ярким примером такого рода агитации могут служить дружеские отношения, возникшие между рабочим-котельщиком Ф. Е. Фомко и французским солдатом 7-го инженерного полка Люсьеном Терионом. Первый поначалу не знал ни единого французского слова, второй — ни единого русского. Однако случайное знакомство переросло в дружбу, и под влиянием члена большевистской партии с марта 1917 года Федора Фомко французский солдат стал активно помогать Иностранной коллегии. Люсьен Терион возвратился на родину коммунистом, принимал участие в революционном движении французского рабочего класса.

До приезда Жанны Лябурб в Одессу непревзойденными мастерами устной агитационно-пропагандистской

работы были Мишель Штиливкер * и Яков Елин (Жак) **.

Участник подполья Владимир Елин, брат Жака, вспоминал, что тот имел на кораблях «широкую аудиторию матросов, которые жадно его слушали... Он побывал почти на всех судах...».

Об этом направлении работы одесских подпольщиков знал В. И. Ленин. В феврале 1919 года в Кремле была получена телеграмма для Владимира Ильича за подписью заведующего украинским отделом Народного комиссариата по делам национальностей И. Ю. Кулика. В ней, в частности, говорилось: «1 февраля на крейсере «Жюстис» состоялся митинг, выступали ораторы-матросы, резко критиковавшие политику Франции, вмешивающуюся в русские дела. Матросы приняли резолюцию о немедленном возвращении на родину и невмешательстве в русские дела. О митинге дано было знать главнокомандующему союзными войсками генералу д'Ансельму. Последний вместе с другими чинами штаба прибыл на судно, но митинг к тому времени уже закончился. По доносу одного из матросов арестовано 30 человек и посажено на военную гауптвахту. Командование старается всячески изолировать солдат от внешнего воздействия и большевистской пропаганды, которая, однако, ведется очень успешно нашими товарищами».

Революционную пропаганду среди французских и греческих войск в Сычавской волости вела руководитель местной подпольной организации двадцатидвухлетняя Нюра Палич, впоследствии выдающийся советский ученый-историк, академик А. М. Панкратова.

А кто не знает бесстрашного «матроса Железняка»?

---

* Михаил Яковлевич Штиливкер родился в рабочей семье. По делу анархистской организации еще в 1908—1910 годах был заключен в одесскую тюрьму. Затем эмигрировал во Францию, работал шофером в Париже. После революции возвратился в Одессу, вступил в ряды РКП(б). До приезда Жанны Лябурб возглавлял французскую группу Иностранной коллегии.— *В. М.*

** Член партии большевиков с 1905 года, участник революционных событий 1905—1907 годов в Одессе, революционер-профессионал Яков Леонтьевич Елин долгие годы провел в эмиграции в Париже, работал слесарем, мотористом на заводе «Ситроен». В Россию Я. Елин возвратился после Февральской революции, был активным участником Октябрьской революции в Петрограде. В декабре 1918 года ЦК РКП(б) направляет его в одесское подполье. Я. Елин стал одним из организаторов и активных деятелей Иностранной коллегии. Во французской группе он возглавлял агитационно-пропагандистскую работу среди матросов.— *В. М.*

В период антантовской интервенции А. Г. Железняков активно работал в одесском подполье под именем механика-матроса Викторса, много времени уделяя работе среди иностранных солдат и матросов.

Большую разнообразную агитационно-пропагандистскую работу проводили член областного комитета партии Ф. Е. Балкун, соратник Николая Ласточкина П. И. Онищенко (Павел), член партии с 1915 года К. Г. Саджая (Калэ), руководитель городской большевистской разведки И. Э. Горенюк (Южный) и другие.

Огромная работа большевистского подполья среди оккупационных войск давала ощутимые результаты. Пелена лжи спадала с глаз солдат... Об этом свидетельствовало, например, письмо французских солдат, опубликованное в начале февраля в органе Иностранной коллегии подпольном «Коммунисте»,— первый отклик тех, к кому было обращено слово партии. Письмо называлось «Французские воины к русским товарищам. Правда о нашем якобы «добровольном» пребывании в Одессе». По данным подпольщиков, авторами письма были матросы крейсера «Жюстис». Как видим, В. И. Ленина не случайно информировали о настроении матросов этого крейсера. Здесь действовала, по словам Елены Соколовской, «наиболее активная и сознательная группа» французских матросов.

Они с гневом писали, что империалистические правители, обманувшие солдат и матросов, «являются выразителями не воли народа, а своих собственных классовых интересов. Они насилуют нашу свободу, посылая нас уничтожить ростки интернационального движения за социальную революцию, которая и нам должна принести освобождение». Авторы письма заявляли также о стремлении прийти на помощь Советской Республике — единственной подлинно демократической и социалистической республике.

О том, что солдаты начинали понимать, с чем они сюда пришли, свидетельствовал и факт убийства французского офицера в начале февраля 1919 года. Это была неслыханная дерзость: солдаты подняли руку на офицера. Событие пытались обойти молчанием, но оно получило широкую огласку. 19 февраля о нем, сообщила газета «Известия». Какова же причина убийства? Несколько французских солдат читали подпольный «Коммунист». Офицер, проходивший мимо, выхватил газету у одного из солдат и ударил его. Собралась толпа солдат: их возмездие было беспощадным.

1 февраля 1919 года 58-й французский пехотный полк отказался воевать против советских войск. Среди солдат полка большевистскую агитацию проводила Иностранная коллегия. Здесь была распространена листовка Одесского комитета КП(б)У, напоминавшая солдатам о славных революционных традициях французского народа: «Франция была колыбелью всех великих идей. Вы должны одними из первых поднять знамя полного освобождения пролетариата... Будьте достойны вашего прошлого и вашего имени в дни, когда пролетариат всех стран приступает к социальной революции. Переходите на нашу сторону в этой борьбе против буржуазии». Через несколько дней солдаты 58-го полка снова отказались идти в бой, а 32 человека сдались в плен советским войскам.

Интересный факт: 2 февраля 1919 года газета французской коммунистической группы в Москве «III Интернационал» опубликовала материал с оценкой событий в Одессе. «Характерно, что со времени «союзной» оккупации,— писала газета,— Одесса стала центром сосредоточения крупной буржуазии и черносотенцев. Именно там, в Одессе, под высоким покровительством союзных миссий формируется активное ядро для монархической реставрации в России. Работайте же, господа! Красная Советская Армия сумеет разрушить ваши планы! Трудящиеся Франции уже сделали свой выбор между вами и солдатами Революции».

Кто был автором этих хлестких и точных слов, полных веры в Красную Армию и пролетарскую солидарность? К сожалению, много статей, сообщений, информаций в газете давались без подписи, поэтому их авторство установить зачастую невозможно. Можем ли мы предположить, что эти строки написаны Жанной Лябурб? Да, можно высказать такое предположение. Номер готовился в январе 1919 года, когда Жанна деятельно вела подготовку к отъезду в Одессу, серьезно интересовалась событиями в городе. Кроме того, пламенный стиль приведенных строк характерен как для устных выступлений Жанны Лябурб, так и для ее пера.

Говоря о «трудящихся Франции», автор статьи, конечно, имел в виду и тех солдат, которых привезли в Советскую страну как оккупантов. Он еще не знал об отказе 58-го полка воевать против рабочих и крестьян Страны Советов, но твердо верил в то, что трудящиеся Франции станут на сторону Октябрьской революции.

Теперь пришло время рассказать о другом важнейшем участке деятельности одесского подполья, которая наряду с политической работой среди войск интервентов имела первостепенную значимость. Уже в первом донесении из подполья в ЦК КП(б)У сообщалось о том, что работу ведут две группы людей: *«Одна группа занимается исключительно разведывательной работой, выясняя силы противника* (подчеркнуто нами.— *В. М.*). Другая группа занимается исключительно агитационной работой, выпуская листки на иностранных языках и устраивая собрания солдат союзных армий».

В 1927 году Соколовская точно так же вычленила эти две ключевые задачи подполья в период антантовской интервенции. Она писала: «...Основной задачей на данный период была пропаганда среди иностранных войск с целью их разложения... Затем следующее, что в этот момент *сыграло огромную роль — это была работа нашей разведки»* (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

Итак, удивительный исторический феномен — разведка большевистского подполья. Непосредственное руководство областной разведкой осуществлял Николай Ласточкин. Во главе городской разведки стоял И. Э. Горенюк (Южный). В руководящее ядро входили А. Л. Кравец (Шура), Я. О. Волошенко, С. Ю. Кессельман (Западный).

Удалось установить, что сначала в большевистской разведке работало свыше 100 человек. Впоследствии эта цифра была сокращена до 60 человек за счет организации надежных источников информации в лагере противника, что позволило освободить людей, ведущих ранее так называемое «наружное наблюдение».

Вот документ, рассказывающий о структуре и методах работы разведки. Это доклад Николая Ласточкина в ЦК КП(б)У. «Широко организована сейчас в Одессе контрразведка. Областная контрразведка рассылает людей по всей области, в Крым, Константинополь и Бессарабию... На места посылаются по три человека: организатор, человек для связи, работник, остающийся на месте. Городская контрразведка организована по принципу пятерок... Кроме того, имеется связь со всеми штабами, департаментами сыска. Таким образом, сведения о войсках, их численности и расположении самые верные и точные. Сводка об этом послана Одесским областным комитетом. Все телеграммы и телефонограммы, радио перенимаются нами и передаются в бюро контрразведки. Члены городской контрразведки ежедневно

доставляют в бюро доклады об их работе и о положении в городе. Из всех докладов составляется общая сводка дневная, дневные сводятся в недельные и общие сводки». Согласитесь, впечатляющая картина разведывательной работы подполья.

Понятно, что особенно важной была информация от работников разведки, действовавших непосредственно в лагере противника. Интересный материал о них собрал В. Г. Коновалов.

Возьмем хотя бы этот эпизод. Подпольщикам стало известно, что на белогвардейском тральщике «Граф Платов», стоявшем у стенки Военного мола, есть радиостанция. Как поставить ее на службу разведки? По поручению обкома коммунисты Морского района установили связь с радиотелеграфистами судна, сочувствующими большевикам. Более того, Иван Калитченко, Федор Харченко, Андрей Наконечный, Петр Зайцев и Харитон Черный вступили в ряды большевистской партии. На тральщике была создана подпольная организация.

Теперь радиостанция «Графа Платова» работала на большевиков. Тут принимали радиограммы из Москвы, перехватывали секретные радиосводки и телеграммы французского и белогвардейского командования. Важнейшие сведения до последнего дня оккупации поступали в обком партии.

Другим серьезным источником информации были сочувствующие большевикам телефонисты полевого телефона, соединявшего деникинские части с их штабом. Отсюда поступали секретные данные о составе, боеспособности и передвижении воинских частей, о настроениях солдат.

Наконец важное значение для большевистского подполья имел телеграф на станции Одесса-Главная, где телеграфистом работал большевик П. А. Медведев. В записях И. Э. Горенюка (Южного), хранящихся в отделе редких изданий Одесской государственной библиотеки, автор встретил краткую, но емкую оценку работы этого мужественного подпольщика. По словам руководителя городской разведки, П. А. Медведев «передавал разведке копии телеграмм белогвардейского командования по линии железной дороги... Тов. Медведеву удалось раздобыть ключ к шифру, пользуясь которым, разведка расшифровывала как телеграммы по станции Одесса-Главная, так и радиограммы, принятые радиостанцией «Графа Платова».

Наверное, здесь уместно будет сказать что иностранные «хозяева» Одессы и белогвардейцы часто жаловались на перебои в телефонной связи. Нетрудно догадаться, что «виною» этому были подпольщики и сочувствующие Советской власти. В Государственном архиве Одесской области автор натолкнулся на документ, которым начальник службы связи союзных оккупационных войск 22 февраля 1919 года уведомлял белогвардейского начальника Одесского округа, что механики городской телефонной станции «умышленно затрудняют работу французского командования». Связь, с раздражением констатировал он, «часто прерывается без причины на разный срок, во время работы бывают перерывы, что вызывает споры между чинами — французскими и русскими».

А что представляли собой пятерки разведки, о которых упоминал в своем докладе Николай Ласточкин? Каждая из них выполняла особые задачи. Руководитель одесского подполья докладывал ЦК КП(б)У, что существует «пятерка техников, имеющих удостоверения от городских предприятий о праве входа во все дома и квартиры для проверки электрических и водопроводных машин». Это были комсомольцы, собирающие разведывательную информацию. Работала пятерка по сохранению и переносу особо важных документов. Боевая пятерка Д. Киреевой отвечала за безопасность проведения подпольных собраний, совещаний, конференций. Специальная «группа топографов» наносила на план города Одессы разведывательные данные, проводила топографическую съемку вражеских укреплений. Действовало «паспортное бюро» во главе с И. Тартаковским, добывавшее и изготовлявшее документы для подпольщиков. Разведка обеспечивала также надежными документами людей, направляемых в область.

При изучении воспоминаний Соколовской было обращено внимание на такую деталь. Секретарь обкома особо подчеркивала, что по линии разведки «шло укрепление, а затем... усиление связи с областью». Несколько необычный аспект деятельности разведки. «Связь с областью,— продолжала Соколовская,— у нас происходила таким образом: у нас были адреса и явки в целом ряде городов — в Николаеве, в Херсоне, в Кишиневе, в Кременчуге, в Балте и Голте... По этим адресам и явкам мы посылали целый ряд товарищей, которые являлись туда с директивами от областного комитета партии, знакомились с положением дел в организации и затем информировали об этом положении нас». Как видим, подпольные

каналы разведки широко использовались для организационного укрепления большевистского подполья в области, расширения влияния Одесского обкома КП(б)У. Можно допустить, что посланцы обкома привозили с мест не только информацию о внутрипартийной жизни, но и важные разведывательные данные.

Возникает вопрос: как доставлялись собранные разведданные командованию советских войск, в ЦК КП(б)У? Осуществлялось это следующим образом. Данные, собранные разведчиками, после проверки систематизировались и включались в очередной доклад подпольного обкома или сводку, донесение областной контрразведки. Подготовка этих важных документов входила в обязанности Елены Соколовской. Сводки писались от руки, а также печатались на машинке на полотне или шелке. Архивы бережно хранят эти бесценные документы истории. Они, чаще всего, зашивались в одежду связных, которые, рискуя жизнью, переходили линию фронта и доставляли их в штаб Украинского фронта и ЦК КП(б)У. Среди отважных связных было немало женщин, как например, Анастасия Попенко и Фелиция Жуковская. С докладами, донесениями в ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У нелегально ездили из Одессы ответственные работники большевистского подполья И. Е. Клименко, Л. И. Картвелишвили, М В Голубенко, М. А. Лоладзе.

Командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеенко вспоминал, что «первые донесения из Одессы от т. Николая (Николай Ласточкин — *В. М.*), председателя военно-революционного комитета, помечены 25 января. Они пришли к нам 6—7 февраля в Киев (на полотне, напечатаны на машинке)». Однако в Центральном государственном архиве Советской Армии автору удалось найти документы, свидетельствующие о том, что первое донесение из одесского подполья в ЦК КП(б)У было отправлено еще в конце декабря 1918 года — в начале 1919 года. В Центральном Комитете КП(б)У его получили ранее 15 января 1919 года. «До сих пор не давали сведений,— говорилось в нем,— потому что попали в зону военных действий, откуда не было никакой физической возможности послать курьеров. Теперь курьеры будут прибывать часто». В документе, который мы раньше уже цитировали, шла речь о создании Иностранной коллегии, развертывании разведывательной работы. Подробно сообщалось также о высадке первого десанта войск Антанты в Одессе 17—18 декабря 1918 года, о формировании, дислокации и планах деникинских войск.

Следовательно, большевики Одессы в первые же недели после начала оккупации установили связь с ЦК КП(б)У, а затем связные подпольного обкома прибывали с донесениями регулярно. Документы дают возможность установить, что письменные донесения, доклады из одесского подполья на протяжении февраля — марта 1919 года поступали в ЦК КП(б)У и штаб Украинского фронта не менее десяти раз. Данные разведки включались в сводки, направлявшиеся В. И. Ленину.

Наряду с информацией о работе областной большевистской организации, о политическом положении в Одессе доклады и донесения содержали чрезвычайно ценную информацию военного характера, добытую подпольной контрразведкой. В. А. Антонов-Овсеенко, например, отмечал, что в донесении от 17 февраля «дана точная дислокация всех воинских частей, штабов и учреждений в Одессе».

Расскажем только об одной блестящей операции подпольной разведки, проведенной с личным участием Николая Ласточкина. Как «купец» большевистский вожак свободно проходил на биржу. Там он установил связи с промышленниками, белогвардейскими офицерами, всякого рода большими и малыми дельцами. Через людей, близко стоящих к штабу белогвардейского командования, Ласточкин узнал о закулисных переговорах Антанты с делегацией буржуазно-националистической Директории. Этот позорный дипломатический торг, в ходе которого Директория продавала украинский народ в кабалу иностранным капиталистам, начался в январе 1919 года. В этом же месяце Николай Ласточкин раздобыл разоблачительную информацию о содержании переговоров и переслал в Киев. Большевики опубликовали ее отдельной листовкой, пункт за пунктом разоблачая предательство Директории. Все, кто сомневался в подлинных намерениях Директории, говорилось в листовке, поймут теперь, что она есть кулацко-офицерская диктатура, ставшая уже агентурой банкиров Нью-Йорка, Лондона и Парижа. Контрреволюционная империалистическая Директория должна быть свергнута, и она будет свергнута.

В феврале 1919 года Директория подписала позорный документ, по которому Украина отдавалась на разграбление интервентам, фактически превращалась в французскую колонию. Но ей не удалось скрыть свое предательство украинского народа. Уже 26 февраля Советское правительство Украины в ноте министру иност-

ранных дел Франции Пишону заявило протест против преступного соглашения. Нота начиналась словами: «По имеющимся у нас точным сведениям...». Да, подпольная разведка давала точные и очень важные сведения. Не случайно в тот же день — 26 февраля информация о сделке между Директорией и Антантой была сообщена специальной телеграммой В. И. Ленину. Обнародование материалов одесской разведки нанесло ощутимый удар по врагам Советской власти.

В тяжелые дни иностранной интервенции одесская областная и городская подпольная разведка с честью выполняла свои революционные обязанности. Подвиг этот стоит отдельной книги. Хочется верить, что она будет написана.

...3—5 февраля 1919 года в Одессе была подпольно проведена областная партийная конференция. На ней присутствовали 27 делегатов от партийных организаций Одессы, Херсона, Кишинева, Бендер, Тирасполя и других городов, которые представляли около 2 тысяч членов большевистской партии (во время антантовской оккупации областная партийная организация выросла почти в пять раз). С отчетным докладом областного комитета партии на конференции выступила Елена Соколовская. В резолюции говорилось: считать все партийные организации в области на военном положении, готовиться к захвату власти на местах, активизировать партизанскую борьбу.

Отдельным пунктом резолюции было записано: «Усилить и расширить агитацию среди империалистических войск, направленную к скорейшему разложению последних и к разъяснению истинного положения».

Для успешного решения этой задачи необходимы были опытные кадры, знающие иностранные языки. Николай Ласточкин, И. Е. Клименко обращались в ЦК КП(б)У с просьбой направить таких людей. Большевистское подполье Одессы с нетерпением их ждало.

Одно стремление, одна мысль — действовать! Она добилась своего. В начале января французская коммунистическая группа РКП(б) санкционировала отъезд Жанны на подпольную работу в Одессу.

Вукашин Маркович знал о намерении жены. Он не возражал. И потому, что понимал правильность ее выбора, и потому, что знал неизменность ее решения. Он, как и Жанна, не представлял свою жизнь вне борьбы

за дело революции и партии. Необходимость отречения от всего личного во имя этого дела не вызывала сомнений.

Общность их идеалов была настолько очевидной и бесспорной для товарищей, они настолько не мыслились врозь, что даже очень точную в своих воспоминаниях Мари Луиз Пети подвела память: она писала, что Маркович поехал с Лябурб на подпольную работу. Такую ошибку допускали и некоторые историки. В действительности Маркович остался работать в Москве.

Накануне отъезда Жанна зашла в Краснопресненский райком партии и уплатила партийные взносы за два месяца вперед — за февраль и март 1919 года. Она была уверена, что там, куда она едет,— в Одессе, оккупационные войска не продержатся дольше... Жанна не ошиблась,— в начале апреля 1919 года интервенты вынуждены были оставить город. Но коммунистка Лябурб не возвратилась в свою партийную организацию. И хотя этот факт уплаты членских взносов — незначительный штрих к облику члена РКП(б) Жанны Лябурб, но как много он говорит!

В хлопотах подготовки к отъезду Жанна не забыла зайти в партийную школу, чтобы попрощаться с Раисой Борисовной Борисовой. В ее памяти сохранился рассказ о Чапаеве, и она, радостная, взволнованная и возбужденная, сказала:

— Вот, товарищ Раиса, еду на фронт, только не к Чапаеву, но на дело не менее сложное. Я получила задание от Ленина и Центрального Комитета партии. Задание выполню, если даже это будет стоить мне жизни! Когда вы увидите вашего Чапаева, скажите ему, пожалуйста, что французская коммунистка берет с него пример, как нужно бороться за дело социализма.

«Вся она светилась внутренним огнем»,— вспоминала Р. Б. Борисова.

Лябурб не знала, что почти одновременно с ее отъездом, в феврале 1919 года, Чапаев по собственному желанию был направлен из Военной академии Генерального штаба в действующую армию. Легендарный командир 25-й стрелковой дивизии геройски погиб в сентябре 1919 года, но имя его бессмертно.

Они никогда не встречались и не знали друг друга, эти, казалось бы, такие далекие и разные люди: сын русского крестьянина-бедняка из Казанской губернии, плотник, талантливый народный полководец Василий Иванович Чапаев и дочь французского крестьянина из департа-

мента Алье, учительница, профессиональная революционерка Жанна Мари Лябурб. Но была у них одна большая, главная черта: оба они — члены РКП(б), оба безгранично преданы делу партии, за которое отдали свою жизнь в грозном девятнадцатом году. На разных фронтах борьбы, но ради одной цели: светлого будущего трудящихся.

Всегда энергичная, в те дни Жанна казалась своим товарищам особенно приподнятой, как бы окрыленной. И она действительно была окрылена осуществлением своей мечты... Последний вечер в Москве Жанна провела вместе со своими товарищами по группе у себя дома. «Жанна была очень веселой, счастливой,— вспоминала Мари Луиз Пети.— Мы рассматривали старые фотографии и смеялись над шляпами 900-х годов, какие тогда носили. Это нам казалось уж очень комичным в условиях того сурового времени, которое мы переживали. Комната была как ледник, но нам не было холодно... Поздно ночью я расцеловалась с Жанной, и мы расстались, чтобы больше никогда не увидеться».

Зная горячее, пылкое сердце Лябурб, товарищи советовали ей быть осторожной, не подвергаться опасности. Опасность... Жанна прекрасно понимала всю сложность и рискованность задачи, стоящей перед ней. В письме к товарищу по партии накануне отъезда она написала: «Самое тяжелое впереди, путь усеян терниями. Возможно, это мое последнее письмо к вам...». Больше она не вспоминала об опасности. Для этого у разума не было времени, а у сердца — места. Жанна вся была переполнена гордостью и счастьем за ленинское доверие, желанием оправдать его. Она была счастлива высочайшим человеческим счастьем — счастьем борьбы.

Накануне отъезда Жак Садуль сказал ей: «Будьте осторожны, товарищ». А она ответила с улыбкой, но не легкомысленно, нет, а спокойно и твердо: «Умирают только один раз».

В Одессе

...Самое трудное впереди, путь усеян терниями...

Из письма Ж. Лябурб накануне отъезда в Одессу

Время прибытия Жанны Лябурб в Одессу долгие годы определялось по-разному. Источником неразберихи стали художественные и публицистические произведения. Читатель романа «Рассвет над морем» Юрия Смолича узнает, что Лябурб будто бы находилась в Одессе целых два месяца. Юрий Дмитриев в книге «Эти три года... Интернационалисты» увеличивает это время даже до трех месяцев. А. М. Дунаевский в книге «Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая», вышедшей в Политиздате в 1982 году вторым, дополненным изданием, предлагает еще один вариант — месяц. Остается только сожалеть, что в этой, специально посвященной Лябурб книге не учтены, и не только в данном случае, все имеющиеся документальные источники, особенно архивные материалы.

Что касается профессиональных историков, то они также высказывали разные точки зрения. Л. М. Зак считает, что Жанна Лябурб, а также сербские коммунисты Стойко Ратков, Вальман Драган, Живанко Степанович и английский эмигрант, известный под фамилией Кузнецова *, прибыли в Одессу в феврале (середина месяца) 1919 года. Такой даты придерживаются исследователи Л. И. Жаров и Е. И. Патлажан. Эта же дата приезда Жанны Лябурб (середина февраля) указана и в предисловии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к публикации документов в журнале «Вопросы истории КПСС» (1969 год, № 3), посвященной 50-летию со времени трагической гибели героической дочери французского народа.

Другую точку зрения отстаивает В.Г. Коновалов. Он утверждает, что Жанна Лябурб и названные товарищи выехали из Москвы в декабре 1918 года, а в Одессу прибыли в первой половине января 1919 года. К сожалению,

* А. Кузнецов — подпольная кличка, настоящая фамилия не установлена, биографических данных нет.— *В. М.*

эта мысль не подтверждена ни одним документом [1].

Документы же говорят о том, что в конце января 1919 года интернационалисты находились не в Одессе, а в Харькове, о чем свидетельствует найденное нами в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС письмо Стойко Раткова от 27 января из Харькова в Москву к своему товарищу — секретарю югославянской коммунистической группы РКП(б) Ивану Вуку. Есть и другие многочисленные общедоступные документальные свидетельства, не говоря уже об архивных материалах.

Так когда же все-таки Жанна Лябурб прибыла в Одессу? Определение точной даты прибытия революционерки в Одессу даст возможность одновременно ответить и на вопрос, сколько времени работала французская коммунистка в городе. Точность необходима и для правильного понимания значения интенсивности огромной агитационно-пропагандистской работы Жанны Лябурб в Одессе. За ответом, думается, лучше всего обратиться к документам *.

---

[1] Нельзя считать серьезным подтверждением такой точки зрения В. Г. Коновалова приведенное им в книге «Герои одесского подполья» донесение агента Освага из Одессы от 22 января 1919 года, где говорилось о пополнении большевистского подполья «свежими силами». Этот документ не содержит прямой информации о приезде Жанны Лябурб и ее товарищей. Не отрицая довольно-таки высокой информированности вражеской контрразведки, напомним, что ее агенты в январе 1919 года не раз сообщали о приезде в Одессу для подпольной работы Александры Коллонтай, однако это еще не свидетельствует о достоверности таких сведений.— *В. М.*

* Здесь хотелось бы отметить, что иные исследователи увлекаются скорее, так сказать, романтизацией своего поиска биографических данных о Жанне Лябурб, чем глубоким, серьезным изучением документальных источников. Скажем, как «удача», которая «сама плывет в руки», живописуется находка... на одесской «толкучке» журнала «Борьба классов» (1934 год, № 3) с воспоминаниями Е. Соколовской о Жанне Лябурб. Конечно, читатель может и не знать, что этот журнал известен мало-мальски подготовленному специалисту, а все опубликованные свидетельства Е. Соколовской доступны в научных библиотеках Москвы, Киева, Одессы и с их изучения, а не со случайной находки на базаре начинает работу любой серьезный исследователь периода антантовской интервенции на юге Украины.

Или зачем, например, извещать читателя о том, что ленинское упоминание о Жанне, содержащееся в плане его доклада и заключительного слова на VII Всероссийском съезде Советов /декабрь 1919 г./, извлечено из... Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ведь этот план опубликован еще в 1933 году, а через сорок лет — в пятом издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина.— *В. М.*

Прежде всего остановимся на докладе Елены Соколовской в Центральный Комитет РКП(б) об истории организации и деятельности Иностранной коллегии. Несомненно, что это один из наиболее достоверных и наиболее авторитетных документов. Он написан рукой секретаря Одесского подпольного областного комитета КП(б)У, человека, встретившего Жанну Лябурб и ее товарищей в Одессе, к тому же написан в 1919 году, когда ошибка памяти практически исключена. Елена Соколовская писала, что Жанна Лябурб, сербские коммунисты во главе со Стойко Ратковым, английский эмигрант Кузнецов прибыли в Одессу «в половине февраля». Уже одного этого свидетельства достаточно, чтобы считать вопрос решенным. Однако поскольку все-таки существуют другие мнения, а А. М. Дунаевский безосновательно объявил это свидетельство чуть ли не «опиской», рассмотрим все документальные доказательства в комплексе. В этом же докладе есть еще одно место, подтверждающее время приезда Жанны Лябурб. «...За неделю, которую она проработала здесь (в Одессе.— *В. М.*),— писала Елена Соколовская,— ее знал почти весь французский гарнизон». Конечно, сведения относительно одной недели — не точны: Елена хотела подчеркнуть кратковременность пребывания Лябурб в Одессе и огромный успех ее работы. Жанна работала в Одессе две недели, и об этом Елена Соколовская четко сказала в 1927 году в докладе-воспоминаниях «Одесская эпопея конца 1918 г. и начала 1919 г.»

Активный участник одесского подполья, руководитель городской разведки И. Э. Горенюк (Южный), который встретился с Жанной сразу после ее приезда в город, в воспоминаниях, хранящихся в Партийном архиве Одесского обкома Компартии Украины и Одесской государственной научной библиотеке имени А. М. Горького, неоднократно и однозначно подчеркивал: Жанна Лябурб прибыла в Одессу в середине февраля 1919 года.

Руководящий работник Иностранной коллегии Владимир Деготь вспоминал, что Жанна Лябурб приехала «в последний момент», уже после выхода 4—5 номеров газеты «Коммунист» на французском языке. Нам уже известно, что четвертый номер газеты вышел 7 февраля 1919 года, а пятый вскоре, тоже в феврале. Альтер Залик в своих воспоминаниях приезд Жанны Лябурб относит ко второй половине февраля.

Наверное, не будет лишним напомнить, что Жак Садуль, который видел Жанну Лябурб накануне отъезда

в Одессу, говорил на VIII съезде РКП(б) 23 марта 1919 года, что «поехала она всего несколько недель назад». Конечно, это непрямое доказательство, однако наряду с приведенными бесспорными доказательствами и оно свидетельствует о том, что Лябурб выехала из Москвы не в конце 1918 года, а позже.

Кстати говоря, в первые десятилетия после революции, когда были живы все участники событий, ни у кого и не возникало сомнений в том, что французская интернационалистка прибыла в Одессу в середине февраля. Это прямо подтверждают, например, найденные нами биографические справки о Жанне Лябурб, подготовленные одесским Истпартом в 1929 и 1940 годах. Путаницу внесли позже...

Когда же именно интернационалисты выехали из Москвы? В декабре ли 1918 года, как утверждает В. Г. Коновалов? Мы уже знаем, что Жанна Лябурб в это время напряженно работала в Москве. А сербские коммунисты? Из документов, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, явствует, что в декабре 1918 года и первой половине января 1919 года сербские коммунисты никак не могли отбыть в Одессу, потому что выполняли другие задания. Так, Вальман Драган по поручению югославянской группы РКП(б) выезжал 18 декабря в Саратов, а в начале января 1919 года — в Тамбов с подпольной литературой.

А вот еще один интересный документ. В январе 1919 года секретарь югославянской группы РКП(б) Иван Вук обращается в Федерацию иностранных коммунистов с просьбой выдать литер на проезд до Минска агитаторам группы Вальману Драгану и Живанко Степановичу. На этом документе написано: «Литер выдан 14. I. 1919 г.» Значит, они поехали в Минск? В журнале исходящих документов югославянской группы также записано: «Драган и Степанович, город Минск». Но что это? Фраза зачеркнута. Просматриваем записи в журнале дальше. Наконец! 17 января отмечен отъезд Вальмана Драгана и Живанко Степановича на Украину. Значит, командировка в Минск была отменена в связи с поездкой на Украину.

А рядом еще одна важная для нас запись, датированная 17 января 1919 года: «Ратков Стоян на Украину...» Таким образом, дата отъезда из Москвы — 17 января 1919 года.

В фонде Федерации иностранных групп РКП(б)

Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС нам посчастливилось найти еще один чрезвычайно ценный документ, подтверждающий названную дату отъезда и рассказывающий, каким путем добирались иностранные коммунисты из Москвы в Одессу. Но самое главное, он дает возможность сегодня наиболее четко датировать их прибытие в город и поставить наконец все точки над «i» в решении этого вопроса. Документ этот — письмо Стойко Раткова к Ивану Вуку, написанное из Киева в Москву 4 апреля 1919 года.

«17 января,— писал Стойко Ратков,— меня с группой отправили из Москвы в Харьков в распоряжение ЦК КП(б) Украины с товарищами Драганом и Степановичем...

Из Харькова Центральный Комитет КП(б)У отправил меня и товарищей в Одессу на задание, *по приезду нашему в Одессу (это было в феврале 14 до 18)* — (подчеркнуто нами.— *В. М.*)... мы избрали из нашей среды (то есть из французской группы, румынской, польской, нашей югославянской и областного комитета) президиум Иностранной коллегии, который должен был решать все необходимые вопросы».

К сожалению, тут не упоминается Жанна Лябурб. Хотя это объяснить нетрудно — Ратков уведомляет об отъезде членов югославянской группы. Зато дальше в письме он отводит Жанне Лябурб много места, рассказывает об аресте француженки. Не вызывает сомнения, что Лябурб добиралась в Одессу вместе с Ратковым. Об этом, в частности, свидетельствует рукописная автобиография ответственного партийного и советского работника, члена партии с 1903 года Н. Д. Риделя, найденная Л. М. Зак. Ридель писал, что именно он сопровождал Лябурб и Раткова вплоть до линии фронта. Есть также свидетельство, подтверждающее, что Лябурб приехала в Одессу именно через Харьков (собственно, такой путь проделывали все работники, направленные из Москвы на подпольную работу в Одессу, ведь в Харькове находился Центральный Комитет КП(б)У и Совнарком Украины). 20 марта 1919 года газета «Правда» поместила такое сообщение из Киева: «Киев, 18 марта. По полученным в Киеве сведениям, среди расстрелянных в Одессе членов французской коллегии пропагандистов при Одесском комитете Коммунистической партии тов. Мишель, Жак и *Миронова, которая приехала в Одессу из Харькова»* (подчеркнуто нами.— *В. М.*). Читатель, ко-

нечно, догадался, что речь идет о Мишеле Штиливкере и Жаке Елине. А кто такая Миронова? Достоверно установлено, что это и была Лябурб. А. М. Дунаевский писал даже, что с паспортом на эту фамилию она прибыла в Одессу. Мы считаем, что это временная подпольная фамилия Жанны и в паспорте она не стояла *. Ведь у нее был паспорт французской подданной. Но в данном случае для нас важно, что Миронова и Лябурб — одно и то же лицо и что Жанна ехала через Харьков.

Скажем здесь об интересном документе, который приводит А. М. Дунаевский в подтверждение своей мысли о том, что Жанна Лябурб будто бы приехала в Одессу в конце января или в начале февраля 1919 года. Это виза, выданная Живанко Степановичу сербским консульством в Москве, на выезд из России через Одессу. На ней стоит дата выдачи — 4 января 1919 года и отметка об отъезде из Одессы — 4 февраля 1919 года. Поскольку Живанко Степанович был в числе группы сербских коммунистов, которые прибыли вместе с Жанной Лябурб в Одессу, значит, они приехали в город до 4 февраля?

Нет. Такой подход поверхностен, не учитывает всего комплекса документов. В упомянутом письме Стойко Раткова к Ивану Вуку от 4 апреля 1919 года мы находим информацию о том, что Живанко Степанович после приезда в Одессу отбыл на Балканы **. Следовательно, этот факт все-таки имел место в середине, а не в начале февраля 1919 года. В чем же дело? На наш взгляд, даты на визе поставлены по старому стилю. В переводе на новый стиль дата отъезда Живанко Степановича из Москвы — 17 января, что полностью отвечает найденным нами документам. Дата выезда из Одессы — 17 февраля, что также подтверждается свидетельством Стойко Раткова. Как видим, приведенный А. М. Дунаевским документ является еще одним доказательством в пользу обоснованной нами датировки приезда.

Таким образом, не остается никаких сомнений — Жанна Лябурб прибыла в Одессу в середине февраля 1919 года. Значит, она работала здесь всего две недели?!

---

* Как правильно заметила Л. М. Зак, мы не располагаем никакими сведениями о том, что это была постоянная конспиративная фамилия Ж. Лябурб.— *В. М.*

** Эти документы свидетельствуют о том, что Живанко Степанович фактически не работал в сербской группе Иностранной коллегии, как считали многие историки, а сразу после приезда в Одессу отбыл в Югославию.— *В. М.*

Но разве это умаляет ее роль в истории большевистского подполья в городе, значение ее работы? Наоборот. Две недели деятельности в Одессе стали наиболее яркой страницей славной жизни французской коммунистки, навечно обессмертив ее имя. Автор полностью присоединяется к мысли Л. М. Зак о том, что «кажется странным стремление некоторых исследователей во что бы то ни стало «удлинить» этот срок».

С приездом Жанны Лябурб в Одессу по инициативе обкома партии была проведена некоторая реорганизация структуры большевистского подполья. Значительное пополнение, которое получила Иностранная коллегия, дало возможность не только ставить перед ней более широкие и сложные задачи, но и предоставить коллегии больше автономии. Высшим органом Иностранной коллегии стал президиум, «в котором,— писала Елена Соколовская,— решались вопросы общей тактики в деле пропаганды среди войск, который координировал действия этих групп, руководил ими и контролировал их». В президиум вошли Елена Соколовская, Жанна Лябурб и румынский коммунист Альтер Залик. Обком утвердил Жанну Лябурб руководителем французской коммунистической группы Иностранной коллегии (до нее группой руководил Мишель Штиливкер). Другие национальные коммунистические группы Иностранной коллегии возглавляли: румынскую — Альтер Залик, польскую — Гелена Гжелякова, сербскую — Стойко Ратков, греческую — Аристарх Иоанниди, английскую — Альберт Кузнецов.

Жанна Лябурб вошла в состав подпольного областного комитета партии, а также стала членом редколлегии газеты «Коммунист» на французском языке.

Член обкома партии, член президиума Иностранной коллегии, руководитель французской коммунистической группы, член редколлегии газеты — вот те ответственные посты, которые партия доверила Жанне Лябурб в одесском большевистском подполье. Одновременно с этим еще одна ответственная миссия — личная агитация и пропаганда среди французских солдат и матросов.

Приезд Жанны Лябурб стал выдающимся событием в жизни одесской подпольной организации. Она не только знала французский язык, на котором, в основном, велась политическая работа среди оккупационных войск, она имела и значительный опыт агитационно-пропагандистской работы, приобретенный в Москве, опыт работы в печатном органе — газете «III Интернационал».

Жанна была француженкой не только по происхождению, но и душой. Она всем сердцем любила свою родину и свой народ, знала его жизнь, традиции и обычаи. Она была соотечественницей обманутых французских солдат и матросов... Все это имело огромное эмоциональное воздействие на них. К тому же Лябурб обладала непревзойденным даром оратора и пропагандиста, блестящим умением убеждать людей, зажигать в их сознании и сердцах искры веры в те идеалы, которые были смыслом ее жизни.

«Приезд Жанны,— вспоминала Елена Соколовская,— подлинной француженки, находившей наиболее понятные для французов и горячие аргументы в пользу русской революции и поражавшей солдат уже одним фактом существования большевички-француженки, чрезвычайно активизировал работу».

Жанна поселилась на квартире рабочего Ильи Мариусовича Горшкова. Он жил в рабочем предместье на углу улиц Московской и Церковной. После выхода в свет в 1977 году книги автора этих строк о Жанне Лябурб Илья Мариусович (ему было уже свыше 90 лет) написал мне несколько теплых писем с воспоминаниями о француженке. «Жанна пришла в наш дом,— писал он,— с очень маленьким чемоданчиком... Широкополая фетровая шляпа, рыженькое пальтишко на «рыбьем меху». Вот и весь скромный гардероб Жанны... Она была очень чуткая, особенно к товарищам по борьбе». Горшков вспоминал, что Жанна в свободную минуту помогала его жене смотреть за годовалой девочкой, а однажды, когда жена была в ночной смене, присматривала за ней всю ночь. В другом письме есть такие слова: «Умница она была большая. Нам выпало большое счастье...» Очевидно, надо было быть очень душевным человеком, чтобы о нем хранили такую добрую память и так трогательно отзывались через десятки лет.

В разговоре с Еленой Соколовской, состоявшемся на явке сразу после приезда Лябурб, Жанна сама попросилась жить среди рабочих.

— Устроим вас на Пересыпи,— пообещала Елена.

Она рассказала Жанне, что в этом районе сосредоточено много промышленных предприятий. Елена, хорошо знавшая их, перечисляла, не задумываясь, быстро: станкостроительные заводы Беллино-Фендериха, Новороссийский, Баханова, завод сельскохозяйственного машиностроения Гена, судостроительный Равенского, ме-

таллообрабатывающий Спивака-Спивакова, завод Левина, выпускающий посуду и жестяные изделия, электростанция (собственность бельгийского акционерного товарищества), мастерские морского порта, железнодорожная станция Пересыпь и мастерские при ней. Самый большой на Пересыпи — судоремонтный и судостроительный завод — РОПИТ, принадлежащий Российскому товариществу пароходства и торговли. Назвала Елена средние и мелкие предприятия: сахарный, свечной и пробковый заводы, мельницы Вайнштейна, маслобойню «Кукероль» и т. д.

— Рабочие и их семьи составляют большинство населения Пересыпи. Это то, о чем вы просили,— говорила Елена.— Да и деникинцы, интервенты побаиваются совать нос в глубь рабочего района, ночью будете в безопасности. Кстати, там находится и так называемый «Дом трудолюбия». Официально он принадлежит союзу металлистов, и различные заседания, собрания, лекции, беседы проходят в нем легально. Ну а мы в то же время используем дом для нелегальных встреч и совещаний.

Заметив, что Жанна удивленно вскинула брови, услышав название места подпольных сборов, Елена продолжала с улыбкой.

— Мне неизвестно происхождение этого названия — «Дом трудолюбия», но я знаю, что дом любят одесские рабочие. Нередко заходят туда и французские солдаты, матросы. Вам нужно посетить деда Трофима, он поможет наладить связь с ними...

И Елена рассказала о шестидесятидвухлетнем Андрее Васильевиче Трофимове — деде Трофиме, как его с любовью называли рабочие, члене партии с 1904 года, который отвечал за подпольную явку «Дома трудолюбия». Именно он чаще всего связывал работников, направленных ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У, с подпольной организацией города. Неутомимый и энергичный, Трофимов немало помогал и Иностранной коллегии.

Не спеша, во всех подробностях рассказала Соколовская о том, как найти, не прибегая к расспросам, явочную квартиру на Провиантской, 21, где, по совету Николая Ласточкина, предстояла встреча с руководителем подпольной контрразведки Южным. Жанна Лябурб и Стойко Ратков добирались на явку врозь, но нашли дом в глубине двора почти одновременно. Здесь шли, не таясь, зная, что на явочной квартире готовились домашние обеды для так называемых «столовников», поэтому

ее посещение не привлекало особого внимания соседей и дворника. Встреча состоялась в комнате, которую снимала подпольщица Мария Портная (Маня) *. Сама Маня в это время патрулировала на Провиантской. Через окна, выходившие на Старо-Портофранковскую, посматривали и за этой улицей.

Жанна и представить не могла, что подпольщики имеют такие исчерпывающие данные о расположении и политических настроениях оккупационных войск в Одессе. В городе, как им с Ратковым рассказали, находился французский 176-й пехотный полк в составе четырех пехотных, трех пулеметных рот и одной нестроевой роты, а также 1-й полк зуавов. 21-й зуавский полк отбывает в Николаев и его части расположены по всей линии Одесса — Николаев. В Одессе находятся одна рота саперных войск, восемьдесят человек службы связи, в Воронцовском дворце стоит французская жандармерия. Есть и солдаты разных частей, но они влились в стоящие тут полки и определить их принадлежность теперь трудно. Ожидается прибытие в Одессу 15 эшелонов румынских войск.

Что касается артиллерии, то насчитывается около десяти батарей, в порту также есть орудия разного калибра. Танков — около тридцати, но десять недавно отправлено на фронт. Автомобилей и грузовиков — около семидесяти, в порту — эскадрилья из пяти аэропланов.

Южный и Мишель говорили, что французские солдаты агитацию воспринимают хорошо, уже есть реальные результаты. Они часто отказываются идти на фронт, некоторые французские части командование вынуждено отправлять обратно. Белогвардейцы надеются теперь на греков, которые агитации поддаются труднее. Однако связь с ними налажена. Еще теснее она — с польскими легионерами. Одним словом, немало сделано — еще больше предстоит. Новые товарищи Жанны не скрывали, что ждут от приехавшей француженки многого, ждут активной, самоотверженной работы. Что ж, она готова.

---

* Вспоминая об этом более чем через сорок лет, И. Э. Горенюк (Южный) подчеркнул, что вместе с ним на встрече присутствовал работник городской контрразведки по кличке Мишель, француз по национальности. Он сообщил Жанне «весьма ценные данные». Южный особо отметил, что «Жанна была очень довольна присутствием соотечественника — француза Мишеля». И еще писал: «К сожалению, я не запомнил его настоящую фамилию, имя и давно потерял его из виду». Действительно, очень жаль. Сейчас трудно сказать, кто был этот разведчик, его подлинное имя пока не известно.— *В. М.*

...Жанна явственно ощущала, как быстро входила в опасные, нелегкие дела и заботы большевистского подполья. Сегодня посещение еще двух явок — у деда Трофима и затем в молочной на Дегтярной улице. Вместе со Стойко Ратковым она должна встретиться там с редактором подпольной газеты «Коммунист» Альтером Заликом. Обе встречи в самом конце дня, и у нее еще есть время, чтобы хоть немного ознакомиться с городом, ощутить его дыхание, ритм жизни. Делала она это по давней привычке самостоятельно. Как правило, она пешком ходила по незнакомому городу, не спрашивая дорогу у местных жителей. Все, что она осматривала таким способом, было новым, неожиданным и запоминалось навсегда. Правда, сейчас совсем другие обстоятельства: знакомиться с Одессой придется в работе, а не на прогулках. Однако увидеть город ей хотелось непременно, и поэтому она решила подъехать на трамвае ближе к центру, который, понятно, нужно изучить в первую очередь.

В трамвае Жанна поймала себя на том, что невольно прислушивается к разговору двух мужчин. Оба небольшого роста, какие-то одинаковые той невыразительной, расплывчатой схожестью ординарного буржуа-мещанина, которая усиливалась их одеждой: дорогие черные пальто с каракулевыми воротниками и каракулевые шапки пирожком. Трамвай только что проехал мимо толпы людей на углу улиц возле хлебной лавки, и мужчины завели разговор о том, что на новом базаре толпа человек в триста разгромила хлебные лотки. Это случилось более месяца назад, но до сих пор возле хлебных магазинов часто вспыхивают голодные бунты.

— Взбунтуешься, если цены на хлеб подскочили с двух рублей шестидесяти копеек до пяти, а затем до девяти-десяти рублей за фунт,— театральным фальцетом выкрикнул первый собеседник.

И ясно было, что ему бунтовать нет нужды, что он не помрет от голода, а вся эта история с хлебом только повод для пустопорожней болтовни. Рассказывая, он с придыханием выкрикивал слова и жалко размахивал коротенькими ручками. Второй говорил не спеша, будто сонным голосом.

— Вот-вот, цены на продукты растут в геометрической прогрессии.

— Не только на продукты! — не унимался первый.— Комната сейчас стоит, подумать только, две тысячи рублей в месяц! А вот вы, господин офицер, получаете, по-

жалуй, втрое меньше этой суммы,— живо обратился он к поручику, стоящему рядом. Тот неопределенно хмыкнул, и чувствовалось, что мужчина в шапке-пирожке попал в самую точку.

— Семьсот рублей в месяц — это же счастье...— зевнул второй, деликатно прикрыв рот ладонью.— Тысячи людей не имеют ни гроша и отдадут все, чтобы найти работу. Из авторитетных источников знаю: из более, чем восьми тысяч человек, работавших на сорока двух больших предприятиях города, свыше 90 процентов стали безработными.

Услышанное в трамвае не было для Жанны новостью. Елена подробно рассказала ей об обстановке в городе. Интервенты и белогвардейцы довели трудящихся Одессы до катастрофического положения. Неуклонно растет дороговизна, невиданно расцвела спекуляция, в городе — дикий разгул бандитизма. Население получает четверть фунта хлеба на одного человека, и то не каждый день. Поэтому и вспыхивают голодные бунты. Рабочие Одессы стоят фактически накануне голодной смерти. В этих невероятно тяжелых условиях белогвардейские власти все-таки отправили целый транспорт хлеба на Кавказ английским интервентам *.

Систематическое недоедание, нехватка топлива вызвали свирепую эпидемию сыпного тифа, косившего ежедневно сотни людей. В связи с отсутствием сырья, топлива, заказов в городе работало меньше трети предприятий. Елена приводила цифру, которую Жанна услышала в трамвае, говорила, что обследование пятнадцати других предприятий также дало высокий процент безработных — около семидесяти.

Союз металлистов еще в начале января израсходовал имеющиеся у него 130 тысяч рублей на помощь безработным, и вскоре они остались без каких-либо средств к существованию. В эти тяжелые дни в полную меру проявила себя рабочая солидарность. 2 февраля 1919 года общее собрание рабочих завода РОПИТ постановило отчислять часть своей мизерной заработной платы в пользу безработных металлистов. И это в то время, когда и на самом РОПИТе было немало безработных, ибо портовые работы тут почти не велись — широкая торговля через порт фактически зачахла. Такое же реше-

* Об этом кричащем факте говорилось в упомянутой раньше телеграмме В. И. Ленину за подписью И. Ю. Кулика.— *В. М.*

ние приняли и рабочие угольной секции Союза портовых рабочих.

Неделю назад состоялась конференция представителей рабочих организаций Одессы по вопросам безработицы и продовольственного кризиса. Докладывал меньшевик Астров. Беспомощный доклад его, как и вся оппортунистическая политика меньшевистского исполкома Одесского совета профсоюзов, были гневно осуждены участниками конференции.

Невзирая на сопротивление меньшевиков *, в городе создан и действует Союз безработных, в который вошли большевики. Он, правда, практически не имеет возможности оказать рабочим широкую материальную помощь, но через него, как информировала Елена, большевики поддерживают связь с массами безработных, используя Союз для усиления влияния партии среди них. Во многих профсоюзах к руководству приходят большевики.

По призыву большевиков состоялись стачки на водопроводной станции в Беляевке, на центральной телефонной и телеграфной станциях, на железной дороге, в порту, в типографиях города.

...Жанна шла по Дерибасовской улице в сторону моря. Она еще не видела его, но уже чувствовала дыхание — с моря дул довольно сильный и прохладный ветер с мелкой снежной крупой. Однако это нисколько не убавляло праздного оживления на главной улице Одессы в первые послеполуденные часы.

Дерибасовская... В пору антантовской интервенции она имела своеобразный облик, который привлек вни-

---

* Здесь уместно сказать вот о чем. Автор изучил в Партийном архиве Института истории партии при ЦК Компартии Украины все 26 протоколов заседаний Одесского комитета меньшевиков за январь — март 1919 года. Ни на одном из них не шла речь о борьбе с иностранными оккупантами, не стоял вопрос о решении таких проблем, как безработица, голод, спекуляция, бандитизм и т. п. Меньшевики были способны только на то, чтобы в лицемерном обращении к буржуазии «попросить» ее помочь безработным. Подпольный «Коммунист» писал в этой связи, что рабочие должны дать интервентам и буржуазии последний и решительный бой, «а не писать жалкие воззвания к «имущим» и просить у них милостыни, как это сделал исполнительный комитет Одесского совета профсоюзов, в котором обосновались все предатели революции, предатели рабочего класса — меньшевики». Не случайно командование войск Добровольческой армии указывало в феврале 1919 года «ни в коем случае ненужными арестами не пугать популярных и деятельных работников-меньшевиков». В марте 1919 года пролетариат города добился переизбрания Одесского совета профсоюзов и его исполкома. В новый состав профсоюзных органов вошли преимущественно большевики.— *В. М.*

мание таких писателей, как И. Бабель, А. Толстой, Ю. Смолич, В. Катаев. В сатирической повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» Алексей Толстой обронил лапидарную и емкую фразу: «На Дерибасовской... вы встретите всю Россию в уменьшенном, конечно, виде».

Да, здесь был сброд со всей России, прятавшийся в Одессе от «злодеев большевиков» за спиной интервентов и добровольцев и нетерпеливо ждавший «падения» Москвы. Бывшие финансовые тузы, банкиры, министры и послы, фабриканты и заводчики, князья и княгини, советники и генералы. Одних только генералов скопилось, по сведениям местных газет, не менее 250 человек. А всяческих там больших, средних и мелких буржуа, внепартийных и партийных — октябристов, кадетов, эсеров, меньшевиков — тех не счесть.

Вся эта публика тянулась в центр города, ближе к порту. Вероятно, здесь, под защитой пушек французской эскадры, она чувствовала себя спокойнее. На Дерибасовской разношерстные беглецы от Советов смешивались с чинами деникинской армии. Глазу открывалось зрелище шикарное и опереточно-жалкое.

Впрочем, обратимся к свидетельству Валентина Катаева — очевидца одесских событий того времени. Всего через год после них, в 1920 году, он вспоминал: «Два потока праздных и хорошо одетых людей протекали мимо друг друга... Над толпой носились запахи трубочного табака, английских духов, драгоценной пудры и, конечно, сигар.

Скрипели башмаки и перчатки, постукивали трости, бренчали шпоры русских поручиков, этих удалых молодых людей, нацепивших все свои заслуженные и незаслуженные знаки отличия. Офицеры подчеркнуто козыряли друг другу, уступали дорогу дамам, говорили «виноват», «простите», опять звенели шпорами и с громким бряцанием волочили зеркальные кавалерийские сабли по граниту и бетону тротуаров.

Это был самый беззастенчивый, самый развратный, трусливый и ложновоинственный тыл».

...На Дерибасовской солдат Жанна не видела. Только выйдя на Николаевский бульвар, она встретила патруль британской морской пехоты в живописных синих беретах во главе с лейтенантом в расшитой золотом фуражке и нескольких польских легионеров в высоких сапогах с медными знаками отличия на фуражках.

Затем ей снова попались на глаза солдаты, но это

также были не французы. Через каменный трехарочный Сабанеевский мост шел греческий обоз: навьюченные ослы и мулы, а рядом солдаты — невысокие, в длинных зеленых английских шинелях, с лицами оливкового цвета. Жанна некоторое время постояла возле моста у начала Военного спуска. А память в это время зафиксировала: именно здесь, на Военном спуске, в восьмом номере — явочная квартира Морского районного комитета партии.

Она и думать не могла, что стоит на улице, которая позже будет носить ее имя...

И только возле памятника первому градоначальнику Одессы Дюку Ришелье Жанна столкнулась с французскими матросами: добротные ботинки и синие куртки-фуфайки, широкие штаны, береты с помпонами — все это бросалось в глаза. У них были простые, обветренные лица, а из оживленного разговора Жанна поняла, что они спешат в кафе на Греческой площади, которое, по словам Елены, «принадлежало» большевистскому подполью.

В порту стояли броненосцы «Эрнест Ренан» и «Жюстис Мишель», миноносец «Манжини». По словам Южного, их команды насчитывают вместе почти тысячу человек. Он же говорил, что английские суда ушли из Одессы в Севастополь и Константинополь.

В четырех гаванях сиротливо теснились российские суда: полтора десятка тральщиков, рядом с ними — пароход «Батум», хорошо было видно минный заградитель «Дунай» и канонерку «Кубанец». Там, дальше — грузовые суда РОПИТа, танкеры, угольщики, пароходы Добровольческого флота.

...Жанна снова и снова мысленно возвращалась к встрече и разговору с Еленой Соколовской. Когда после прибытия в Одессу пришла на явочную квартиру и увидела там совсем юную на первый взгляд девушку, то подумала, что имеет дело со связной подпольного обкома. Оказалось же, что перед ней — секретарь областного комитета.

Как-то сразу они почувствовали друг к другу взаимную симпатию, говорили долго и по-домашнему тепло, как будто встретились не впервые в жизни, а после длительной разлуки. Разные судьбы были у них и разные жизненные пути, однако пересекались они впервые не в Одессе, а там, в далекой теперь столице Страны Советов, в Москве. Ведь Елена была делегатом II съезда Коммунистической партии (большевиков) Украины, ко-

торый проходил в Москве. Тогда, в памятном октябре 1918 года, когда Жанна стала членом РКП(б), они даже могли встретиться на московской улице и разойтись, не обратив внимания друг на друга. Теперь их соединяло общее дело и крепнущее чувство приязни и дружбы.

Елена слушала Ленина вместе с делегатами съезда, когда он 22 октября выступал с докладом на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, она восхищалась ленинским предвидением относительно захватнических планов империалистов, направления их главного удара против Советской страны. Жанна искренне разделяла это восхищение, она также хорошо знала это выступление Ленина, готовила его к публикации в газете «III Интернационал». Жанна рассказала Соколовской об августовской встрече с Владимиром Ильичем, о работе французской коммунистической группы в Москве и ее газете.

— Вы работали в газете? Это прекрасно! — обрадовалась Елена.— Знание французского языка и опыт журналистской работы — как раз то, что необходимо для подпольного «Коммуниста»!

И она перешла к задачам, стоявшим перед большевистским подпольем Одессы, к задачам, которые стояли теперь и перед ней — Жанной Лябурб.

...Жанна вышла на Французский бульвар. Еще в Москве она слышала, что это красивейший уголок Одессы, издавна бывший вотчиной богачей. Тут жили некоронованные и коронованные хозяева города, которые привыкли распоряжаться его средствами, как своими. Обе стороны бульвара застроены изысканной архитектуры виллами в виде старинных замков с псевдобашнями в готическом стиле и причудливыми украшениями в мавританском стиле, с колоннами и фризами в стиле российского классицизма; роскошные особняки, богатые дачи. Все это, размещенное в глубине участков за дорогими оградами и объединенное густой зеленью парков, пестрым разнообразием своих форм составляло яркий и неповторимый облик бульвара. Правда, сейчас деревья стояли оголенные, но бульвар все же оставался удивительно красивым и торжественным.

Здесь чаще встречались солдаты, в том числе из колониальных войск. В 1948 году Валентин Катаев, память которого все возвращалась к периоду интервенции, писал: «Здесь была и британская морская пехота... и шотландские стрелки в коротких клетчатых юбках, со

своими шотландскими волынками, и черные сенегальцы с глазами белыми и выпуклыми, как облупленные крутые яйца, и унылые мокроусые греки в английских шинелях со своими печальными мулами, запряженными в повозки, наполненные всяким ворованным барахлом, и румыны в собачьих воротниках, и многие, многие другие «рыцари» мирового капитализма».

Побывав на Дерибасовской и двух аристократических бульварах Одессы, запруженных публикой, похожей друг на друга, как две капли воды, Жанна особенно остро почувствовала: как хорошо, что она поселилась на рабочей Пересыпи. Ей была отвратительна роскошная и душная атмосфера... живых трупов. Эти люди еще держались благодаря интервенционным штыкам и пушкам оккупационной эскадры, но им немного отпущено. Они еще ходят по Французскому бульвару, но бульвар уже фактически принадлежит не им, а пролетарской Одессе *.

... Прогрохотал трамвай, шедший из Аркадии. Этот звук вывел Жанну из раздумий. Февральское солнце стояло уже низко — клонилось к вечеру. Нужно спешить на явку. Жанна энергично двинулась к остановке.

Жанна Лябурб давно рвалась в большевистское подполье, долго готовила себя к встрече с земляками в шинелях интервентов. Поэтому новая для нее работа (впервые в жизни она разговаривала с французскими солдатами в оккупированном ими советском городе) с первых шагов показалась знакомой. Сколько раз она мысленно вела эти разговоры там, в Москве! Жанна не ошиблась в себе — она действительно с первых дней нашла общий язык с солдатами и матросами.

Взять хотя бы ту беседу через день после приезда в кофейне на Тираспольской улице. Сначала она разговаривала с одним солдатом, который предложил ей место за столиком в переполненном зале. Еще три стула были свободными. Он держал их для товарищей, которые вот-вот должны были подойти — кофе и бутылка вина для них уже заказаны. К их приходу они успели перекинуться несколькими словами: Жанна сказала, что зала в кофейню, чтобы согреться,— на улице мокрая снеж-

* Через два месяца в особняках и виллах Французского бульвара будут устроены дома для сирот, а по окончании гражданской войны трудящиеся города дадут ему достойное название — Пролетарский.— *В. М.*

ная метель и с моря дует пронизывающий ветер. Она заметила, что солдат вряд ли понял смысл ее слов, его поразило другое — эта женщина говорила на родном ему языке. Она не просто знала французский — такое здесь не редкость, этот язык был ей родной, как и ему. Солдат мог поклясться, что перед ним — соотечественница.

— Вы француженка? — взволнованно спросил он.

— Да,— только и успела ответить Жанна.

В это время к столику подошли трое солдат.

— Луи, Шарль, Пьер,— возбужденно обратился к ним знакомый Жанны (он назвал себя позже Жаком),— мадам — француженка.

Его возбуждение мгновенно передалось прибывшим. Жанна еще раньше обратила внимание на то, что к ее словам прислушиваются за соседним столиком. Сейчас там поднялись четверо матросов, подошли к ним.

— Откуда вы родом? — спросил у нее старший по возрасту солдат. Возможно, это, а вероятно, что-то более важное, не известное Жанне, выделяло его среди товарищей. Солдаты обращались к нему как к признанному авторитету.

— Из Франции, департамент Алье,— ответила Жанна. И нужно же было такому случиться, что один из матросов, подошедших к ним, был родом из Виши!

— Департамент Алье, департамент Алье! — выкрикивал он, радостно изумленный. — Департамент Алье — центр Франции, это сердце Франции!

Он сильно преувеличивал, этот совсем юный матрос, задорный патриот своего департамента. Может, в детстве он мечтал, чтобы его родительский дом стоял ближе к большой воде — где-нибудь на берегу Средиземного моря или на побережье Бискайского залива. Однако, когда посмотришь на карту, во все стороны от Виши — сотни, тысячи километров к берегу, а департамент действительно расположен почти посередине страны.

Люсьен — так он назвал себя — бывал в Лапалисе. Он и Жанна немного поговорили об этом с теми подробностями, которые известны только местным жителям. Достаточно было Люсьену вспомнить о старинном замке, как Жанна окончательно убедилась в том, что он действительно посещал Лапалис. Замок в стиле ренессанс, построенный еще в XV веке,— примечательный памятник их села. Разговор между земляками как-то особенно поразил солдат и матросов.

Эта высокая, стройная брюнетка с красивым лицом, умными и чистыми глазами казалась очень сильной и

крепкой. В ее волосах, коротко остриженных и кудрявых, видны были первые серебряные нити. Весь ее облик остро напомнил французам о родине, она могла быть сестрой старшего из них — Луи и, возможно, матерью Люсьена. Она выглядела немного уставшей, но держалась бодро — это также напоминало им о родных — матерях, сестрах, женах, невестах *.

Солдаты и матросы оказались истинными рыцарями — никто не сидел, ведь рядом с ними стояла женщина (Жанна поднялась, когда знакомилась).

Ей пришлось пригласить всех к столику.

— Кофе для мадам,— сказал Луи официанту.

— Спасибо. Вы хотели меня о чем-то спросить? — обратилась Жанна к Жаку, который нервно мял лацканы мундира и все время порывался что-то сказать.

— Да. Как же вы попали в Одессу? Случайно или с какой-то целью?

Елена Соколовская, наверное, не одобрила бы ее ответ. Накануне она предупреждала ее, что необходимо быть осторожной в разговорах с незнакомыми солдатами, что политические темы нужно вкрапливать постепенно, недопустимо раскрывать себя полностью при первой встрече. И все же Жанна ответила искренне, хоть и резковато:

— Цель моего пребывания здесь не такая позорная, как ваша.

Над столиком повисла тишина. Никто не обратил

---

* Просто удивительно, что в литературе и поэзии нередко преобладает облегченный и упрощенный подход к образу Жанны. Профессиональную революционерку, члена партии, которую лично знал и высоко ценил В. И. Ленин, по неизвестным причинам превращают чуть ли не в женщину полулегкого поведения. Справедливо возмущение Л. М. Зак, которая писала: «...Сколько вульгаризации образа Жанны в литературе и искусстве! То сделают из нее певичку из кабаре, то вообще превращают в мужчину — Жана Лябурба!» Возьмем хотя бы поэму одесского поэта Ивана Рядченко «На улице Жанны — весна», которая с завидным постоянством перепечатывается в его сборниках уже тридцать лет. Вот как в ней говорится об отношении солдат и матросов к Жанне: «Парни, вон моя находка! Хороша, клянусь она! Пьер, зови! — Эгей, красотка! Выпей нашего вина!» И что же Жанна Лябурб? «Отчего ж! К своим с охотой я присяду, черт возьми! Наливай, моряк, работай! Да без рук, мон шер ами!.. Руки что не к месту тянешь, привяжи к карманам, друг». И далее член губкома партии, член президиума Иностранной коллегии, руководитель ее французской группы заявляет в кабачке «Гамбринус»: «Пианист! Сыграй-ка вальс. Так и быть! Могу я, парни, спеть о Франции для вас». Понятно, поэма не научный труд, но и поэтическая песня должна воссоздавать правдивый образ.— *В. М.*

внимания на то, что это, собственно, не ответ. Просто инициатива в разговоре перешла в руки Жанны.

— Я приехала сюда как друг настоящих хозяев этого города — рабочих, вы же ходите по этой земле как оккупанты.

— Мы солдаты и выполняем приказ,— тихо возразил Пьер, худощавый солдат с большими грустными глазами. Он взглянул на товарищей, как бы ожидая от них поддержки, но все молча отводили глаза в сторону.

— Это старая песня, Пьер,— вдруг сказал Луи. Потом продолжил, обращаясь уже только к Жанне: — Мы тоже друзья русских рабочих. Мы знаем многих из них тут, в Одессе. У нас одинаковые судьбы, и мы не приносим им зла.

— Если бы в Марселе, в кафе или бистро, сидели русские матросы, а в марсельском порту стояли русские крейсеры с пушками, нацеленными на город, как бы вы отнеслись к заверениям, что они не желают вам зла?

На этот раз французы промолчали.

— Русских даже представить нельзя интервентами,— продолжала Жанна.— Ведь первым декретом Советской власти был Декрет о мире. Почему же вы вмешиваетесь в жизнь рабочих и крестьян, которые завоевали власть и хотят жить мирно?

— Что мы можем сделать, мадам? — снова тихо проговорил Пьер.

— Солдаты пятьдесят восьмого полка уже ответили на этот вопрос!

По тому, как быстро поднял глаза Луи, как загорелись лица у Люсьена и его товарищей, Жанна поняла, что им известно об отказе солдат-авиньйонцев воевать против советских войск.

— Но их посылали в бой,— горячился стройный красавец Шарль.— Мы же вчетвером,— он широким жестом обвел своих товарищей,— не сделали в Одессе ни одного выстрела против рабочих!

— А если будет приказ? Вы же солдаты,— с иронией бросила Жанна, глядя на Пьера.

— Мы считаем правильным поступок солдат пятьдесят восьмого полка,— вмешался Луи.

Видно было, что он колебался, а затем неожиданно достал из кармана сложенную вдвое и свернутую в трубку листовку, положил ее перед Жанной.

— Сегодня ее дала мне в трамвае симпатичная блондинка. И выпорхнула на остановке,— добавил он, улыбнувшись.— Я читал...

Другие, наверное, не были знакомы с листовкой, потому что сразу же потянулись к ней. Бумажка оказалась в руках быстрого Люсьена.

И тут Жанна, кажется, поняла причину особенного уважения солдат к Луи: среди своих экспансивных товарищей он выделялся уравновешенностью и рассудительностью. Вот и сейчас Луи обвел всех осуждающим взглядом и укоризненно кивнул на переполненный зал — дескать, тут могут быть и нежелательные свидетели. Затем забрал листовку у Люсьена и снова положил ее перед Жанной.

Она сразу же узнала листовку — только вчера читала ее у Соколовской. Это была специальная листовка, выпущенная подпольным обкомом партии по поводу событий в 58-м пехотном полку. «Солдаты этого полка,— говорилось в ней,— не захотели быть слепым орудием буржуазии, они протянули руку братской помощи нашим рабочим и крестьянам... Товарищи! Мы приветствуем ваш смелый поступок и выражаем глубокую благодарность от имени русских трудящихся».

— Это не вы писали, мадам? — шутя спросил Шарль, который сидел рядом и успел кое-что прочитать. Однако тут же смутился под неодобрительным взглядом Луи.

— Нет, не я,— серьезно ответила Жанна.— Но написано убедительно и правильно. Нет, это писала не я,— снова повторила она, улыбаясь,— а вот достать подобные листовки могла бы, если они вас интересуют.

Жанна весело и в то же время внимательно окинула взором своих собеседников, взяла чашечку с остывшим кофе. Лица солдат и матросов выражали целую гамму чувств — от замешательства и удивления до искренней радости. Они, несомненно, были рады встрече, рады прямоте и откровенности Жанны, ее обещанию передать им листовки. Сердце Жанны пело.

Когда она поднялась из-за столика и попрощалась, то почему-то была уверена, что проводит ее Луи. Так оно и было. Правда, Шарль и Люсьен бросились в гардероб, чтобы помочь ей одеться, но на улицу за Жанной вышел один Луи.

На следующий день Жанна передала Луи пятый номер «Коммуниста» на французском языке и несколько листовок. Он остался недоволен — мало.

— Мало? У вас в части так много товарищей, которым вы доверяете?

— Дать листовку я могу каждому. Уверен, что никто не предаст.

— Это хорошо. Но есть ли у вас такие надежные товарищи, которые могли бы поступить так, как солдаты пятьдесят восьмого полка?

— Конечно,— сразу же и решительно ответил Луи.

— Я хочу с ними встретиться.

Встречу она назначила в ресторане-кафе «Открытие Дарданелл» в доме № 4 по Колодезному переулку. «Хозяином» этого заведения был посланец ЦК РКП(б), профессиональный революционер, член партии с 1904 года Мартын Артемьевич Лоладзе (Лола). Кафе Лолы пользовалось большой популярностью среди французских солдат и матросов. Более ста человек приходило сюда каждый вечер, хозяин едва размещал их за столиками. Именно здесь подпольщики проводили беседы с солдатами и матросами, передавали им газеты и листовки. А иногда использовали благоприятную обстановку и для встреч между собой. Выбирая помещение для своего заведения, опытный подпольщик Лола предусмотрел выход из кафе через черный ход. Умело использовали подпольщики и отдельные кабинеты, прилегающие к главному залу,— здесь можно было вести разговоры без посторонних глаз.

Напряженно работали в кафе агитаторы Иностранной коллегии Жак Елин, Мишель Штиливкер, Александр Винницкий, Александр Вапельник. Да разве только здесь? Казалось, они появлялись везде, где бывали французские солдаты и матросы.

...Разговор Жанны с товарищами Луи — солдатами 176-го пехотного полка был горячим и долгим. Она видела, что перед ней люди, которые уже испытали значительное влияние большевистской агитации. Поэтому Жанна говорила о том, что каждый из них должен стать агитатором, каждый из них должен убеждать солдат в необходимости солидарности с борьбой Страны Советов, в необходимости их возвращения на родину.

Лябурб рассталась с ними с твердой убежденностью, что они не подведут в решающий момент, не поднимут оружие против рабочих и крестьян, более того — остановят своих однополчан. На встрече была фактически сформирована крепкая солдатская ячейка из тех, кто сочувствовал большевикам. Задача теперь состояла в том, чтобы поддерживать с ней связь и направлять действия солдат.

Дни были полностью заполнены работой. Жанна принимала участие в заседаниях областного комитета партии и президиума Иностранной коллегии, осуществляла руководство ее основной группой — французской. В обязанности Лябурб входило инструктирование агитаторов группы, распределение газет и листовок среди воинских частей. Много времени Жанна отдавала подпольной французской газете «Коммунист», писала для нее статьи, а также отдельные листовки. Она просматривала и редактировала все материалы в газету, делала их более доходчивыми и понятными для французских солдат и матросов.

Как никто другой в Иностранной коллегии, умело и быстро устанавливала связи с французскими солдатами и матросами, находила среди них сочувствующих делу Великого Октября. Одной-двух встреч было достаточно, чтобы Жанна точно определила, кому из солдат или матросов можно поручить распространение большевистской литературы в казарме или на корабле, на кого можно положиться в организации в воинской части революционной «группы действия», которая затем помогала большевикам в работе по разложению оккупационных войск.

Но самым главным Жанна считала непосредственное, личное общение с солдатами: разговоры, беседы, дискуссии, выступления. Хорошо известно, что для этого она использовала малейшую возможность. Подпольщик А. К. Райтер в своих воспоминаниях, написанных в 1966 году, утверждал даже, что Лябурб на рыбацких шаландах отправлялась на корабли французской военной эскадры, стоящие на рейде, и там выступала перед матросами. Действительно, как мы уже знаем, работники Иностранной коллегии использовали такой канал для контакта с ними. Однако вряд ли Жанне Лябурб позволили бы им пользоваться: женщина-агитатор на военном корабле — это слишком для нее опасно. Другое дело, что Жанна, пренебрегая опасностью, с безоглядной отвагой могла стремиться на корабли, чтобы встретиться с матросами на месте их службы.

...Из казармы в казарму, из части в часть, с корабля на корабль передавалась новость о том, что в Одессу приехала настоящая француженка. Увидеть ее, поговорить с ней о родине хотелось каждому французскому солдату и матросу. Однако они встречались не просто с француженкой, они встречались с французской коммунисткой.

«...Таких пламенных, таких честных энтузиастов, как товарищ Лябурб, я не встречала,— писала в отчете в ЦК РКП(б) Елена Соколовская.— Безусловно, хорошая коммунистка, опытная пропагандистка, товарищ Лябурб вся горела, душой была предана делу революции, и ее сильная, красивая речь была полна всегда захватывающего чувства революционной борьбы, и неудивительно, что за неделю, которую она проработала здесь, ее знал почти весь французский гарнизон, и солдаты слушали ее и верили ей, как никому».

Солдаты слушали ее и верили ей, как никому. Конечно, это вовсе не означало, что среди них не было таких, которые оставались одураченными буржуазной пропагандой. Однако и они жадно прислушивались к словам Жанны, а слова пламенной соотечественницы, как зерна, неминуемо прорастали революционными всходами. Вот только вчера Жанна разговаривала с группой французских солдат и матросов в «Доме трудолюбия» на Пересыпи. Большинство лиц были ей уже знакомы, но несколько французов зашли сюда, наверно, впервые. Один из них и сказал уверенно:

— Вы забываете, мадам, что мы союзники России. Наша обязанность — защитить ее народ от немцев. Вот кто настоящие оккупанты.

— Я не забываю, мосье! Это вы забыли разницу между правдой революции и ложью заправил Антанты! — решительно и гневно ответила Жанна, которая еще минуту назад задушевно разговаривала с солдатами, называя их товарищами.— Это вы демонстрируете удивительную политическую близорукость! Четыре месяца назад, в октябре тысяча девятьсот восемнадцатого года, когда стало ясно, что крах немецкой оккупации на Украине неизбежен, а интервенционные войска Антанты еще не ступили на Советскую землю, один человек огромного и светлого ума разоблачил коварный сговор между немецкой буржуазией и буржуазией государств Антанты. Сущность его в том, заявил он тогда, что французы и англичане говорят: мы на Украину придем, однако, пока там нет наших оккупационных отрядов, вы, немцы, не выводите свои войска, иначе власть на Украине возьмут рабочие и там также победит Советская власть. Вот как понимали ваши генералы «союз» с Россией, вот как они собирались «защищать» русский народ от немцев!

Жанна остановилась и, обведя взглядом присутствовавших, вдруг спросила:

— Вы знаете, кто был этот человек? — И, не дожидаясь ответа, сказала: — Ленин!

По взволнованным лицам солдат и матросов Жанна поняла, что это имя не только известно им, но и много для них значит.

Она продолжала, обращаясь ко всем, но глядя на солдата, который начал этот разговор. Тот, смутившись, прятался за спинами соседей.

— Мы с вами сегодня являемся свидетелями того, как жизнь подтверждает дальновидность Ленина. В начале этого месяца войска Антанты высадились в Херсоне, там находятся и немецкие части. В Николаеве, в в порту, стоят военные и транспортные корабли Антанты, а в городе — пятнадцатая немецкая дивизия. И ваши генералы озабочены совсем не тем, чтобы спасти русский народ от немцев, а тем, чтобы объединиться с немецкими генералами для совместной борьбы против большевиков, а значит, против рабочих и крестьян Страны Советов. Однако немецкие солдаты не позволят себя обмануть, они отказываются воевать против Красной Армии. Я уверена, что вы также не направите свое оружие против армии, защищающей интересы трудового народа. Помните, что там, в Николаеве и Херсоне, каждого из вас хотят поставить на место тех солдат немецкой армии, которые прозрели и требуют отправки домой.

Ее понимали и ей верили. Лябурб видела и чувствовала это. Не был исключением и этот солдат... Он стоял, опустив глаза, стараясь не встречаться взглядом с Жанной. Да и товарищи смотрели на него с укором...

— Не как союзники украинского и русского народов пришли вы на эту землю, а как оккупанты,— тихо сказала Жанна.— Такие же, как и немецкие интервенты. Но вы должны,— голос ее снова налился силой,— вы должны стать настоящими союзниками революционных рабочих и крестьян в их священной борьбе против капиталистов!

Нередко французские солдаты и матросы сами искали случая, чтобы встретиться и поговорить с Жанной, вспомнить далекую родину, получить ответы на волнующие их вопросы. Ее начали узнавать на улице, бурно и радостно приветствовать. Это было грубым нарушением всех законов конспирации, но Жанна не могла отказать солдатам в разговоре, даже когда не было ни малейшего сомнения в том, что агенты, чаще всего белогвардейские, находились рядом.

...Ищеек, вздрагивавших при одном только звуке о

большевиках, в ту пору в Одессе было предостаточно. Вспомним эпизод из «Похождений Невзорова» Алексея Толстого. Герой повести заходит в литературную кофейню «Восточные сладости», что во дворе пассажа, в центре города. Все восемь журналистов, сидящих с ним за столом, оказываются агентами Освага. Помятые лица, кривые усмешки, полная безучастность. Но вот знакомый Невзорова — Ртищев в застольной беседе бросает ему самое страшное обвинение: «Ты — большевик!» И здесь Алексей Толстой острым сатирическим штрихом рисует реакцию стола: «Журналисты, все восемь человек «Освага», впились глазами в Невзорова. Девятый, спящий, пошевелился под шляпой.

— Ничего я не большевик,— ответил Невзоров...»

— Moi, je suis bolchevique! * — крикнул однажды юноша из группы солдат, беседовавших с Жанной в кафе. Могла ли она остановить его? Она не сделала этого, хотя боковым зрением видела, как к ним быстро пробирается между столиками невзрачный человек с выражением ко всему принюхивающегося дворового пса. Заметили это и ее собеседники. Солдаты встали так решительно и угрожающе, что шпик прикипел к полу, а затем трусливо ринулся к выходу. Жанна вышла из кафе в сопровождении солдат.

Встречалась Жанна и с французскими офицерами. Нескольких из них заинтересовала история жизни капитана французской армии Жака Садуля. Листовки с его подписью офицеры читали с нескрываемым вниманием (изданий французской группы РКП(б) в Москве было мало, и Жанна берегла их именно для таких случаев).

— Ни один из честных республиканцев не пойдет против большевиков,— сказал Жанне один из офицеров.

Они помогли Иностранной коллегии в проведении политической работы среди солдат.

Агитационно-пропагандистская деятельность Жанны Лябурб в Одессе была связана с огромным, поистине смертельным риском, тем более что она работала, по словам Елены Соколовской, «с полным презрением к опасности». В воспоминаниях Елены есть такие слова: «Я помню, как работала Жанна Лябурб и как мы постоянно за нее боялись. Она была человеком очень горячим».

Широкополая фетровая шляпа и старенькое меховое пальто скоро сделали Жанну очень приметной в наряд-

* Что касается меня, то я большевик (*Франц.*).

ной толпе завсегдатаев одесских кафе и кабачков, где она встречалась с солдатами и матросами. Есть, пожалуй, только одно свидетельство того, что Жанна все-таки переодевалась перед этими встречами. Илья Мариусович Горшков в письме к автору этих строк писал, что Жанна пользовалась услугами знакомого ему костюмера из театра и преображала свой внешний облик. Если даже так и было, то только на первых порах и, вероятно, не больше одного-двух раз. Доподлинно известно другое. На все уговоры сменить одежду на более нарядную и менее бросающуюся в глаза в такой обстановке Жанна смеялась, встряхивая короткими кудрями:

— Ерунда! — горячилась она, вскидывая руку энергичным, презрительным жестом, тем типичным жестом француженки, который окончательно убеждал солдат в подлинности ее происхождения.

— Французским генералам придется скорее расстаться здесь со своей головой, чем мне с моей шляпой.

...В двадцатых числах февраля характер работы агитаторов Иностранной коллегии заметно изменился. Теперь они почти не завязывали случайных знакомств с солдатами и матросами — в каждой части, на кораблях были надежные товарищи, которые сами приводили все больше и больше сочувствующих. Работа с ними, как и раньше, велась в кафе, ресторанах, кабачках, но приобрела более организованный, действенный и массовый характер. В кафе «Открытие Дарданелл» теперь каждый вечер собирались, как правило, солдаты и матросы — единомышленники. Незнакомца, а им мог быть и шпион, сразу же замечали, при нем старались не вести разговоров и чаще всего для него «недоставало» свободного места. Но стоило ему выйти из кафе, как там продолжалась обычная работа: выступали агитаторы, проводились беседы, распространялась революционная литература. Мартын Лоладзе позже сообщал в Центральный Комитет РКП(б): «Собиралось в мой ресторан много французских солдат, и мы вели агитацию среди них. Эта работа за месяц так разрослась, что никто из нас такого результата не ожидал». В таких условиях в кафе устраивались даже своеобразные доклады для французских солдат и матросов. Чаще всего с ними выступала Жанна Лябурб.

На этот раз в переулке дежурили комсомольцы-подпольщики, готовые в случае опасности предупредить Жанну. Она начала сразу, без предисловия, горячим и сильным голосом:

— Солдаты Франции! Сыны и внуки Парижской коммуны! Вас бесстыдно обманули. Сказали, что вас позвал на Украину трудовой народ, чтобы восстановить порядок и очистить Россию от преступных банд, которые под именем большевиков терроризируют население. Вам говорили, что вы идете защищать свою родину от большевистской беды. На самом же деле вы позорите нашу родину, воюя с большевизмом — первым в мире рабоче-крестьянским государством. «Банды преступных большевиков» — это рабочие и крестьяне Украины и России, ваши братья по классу. Вы знаете сегодня, за кого и против кого Фош и Клемансо заставили вас воевать так далеко от Франции. Вы прибыли сюда защищать интересы капиталистов французских и российских, золототысячников, кровопийц, защищать смертельных врагов трудящихся. Вы прибыли воевать против мирных рабочих и крестьян Советской Республики, против социалистического правительства.

В переполненном зале стояла полная тишина. Так было почти всегда, когда выступала Жанна. Горячие, экспансивные французы сразу умолкали, услыхав первые фразы выступления уже хорошо знакомой им соотечественницы. Слушали ее, затаив дыхание. И только лица их свидетельствовали о той буре чувств, которые вызывали слова Жанны. Сами же чувства сдерживались в глубине солдатской души. Однако сжатая пружина становится во сто крат сильнее. И тем безудержнее и грознее будет взрывная сила страстей и эмоций этих обманутых империалистами людей. Жанна знала: эта сила проявит себя, как только будет сказано последнее слово...

— Мировая буржуазия объединилась в своем походе против Страны Советов! Почему так случилось? Потому что российский народ сверг власть капиталистов и генералов! Потому что Советское правительство — единственное в мире, которое борется за бедных против богатых, потому что это — единственное правительство, созданное из рабочих, крестьян — из трудящихся! Во главе этого правительства, товарищи, стоит великий Ленин — вождь и друг всех угнетенных и эксплуатируемых, всех трудящихся мира! Он уверенно ведет Страну Советов к светлому будущему — социализму.

Влияние Советской Республики на трудящихся всех стран очевидно. Поэтому империалисты стремятся любой ценой уничтожить это влияние и его источник — Страну Советов.

Смертельная ненависть объединила мировую буржуазию против рабочих и крестьян Советской страны. Вы же, рабочие и крестьяне Франции,— орудие осуществления преступных планов в руках буржуазии!

Неужели вы будете воевать против своих братьев!?

Солдаты ловили каждое слово, каждое движение этой скромно одетой, энергичной и красивой женщины. Жанна напоминала им мать, которая хочет научить своих детей добру. Мать, каждое слово которой — на вес золота, особенно в трудную минуту. Поэтому солдаты слушали ее и верили ей, как никому.

— Солдаты! Я уверена, что среди вас есть дети и внуки коммунаров! Все мы — дети Парижской коммуны! Неужели вы предадите ее светлые идеалы, неужели вы предадите память о своих отцах и дедах, о тех, кто спит вечным сном на кладбище Пер-Лашез?!

Товарищи! Будьте достойны своего великого революционного прошлого! Ни одного шага по российской земле против российского народа! Переходите на сторону ваших братьев-рабочих и крестьян Страны Советов! Требуйте вашего возвращения домой!

Жанна замолкла. Ждала реакции слушателей, но не предполагала, что она будет такой бурной. Солдаты и матросы вскакивали со своих мест, срывали с себя военные награды и знаки, выкрикивали, что они никогда не поднимут оружие против рабочих и крестьян Страны Советов, своих братьев по классу.

— Я верю вам, товарищи! — говорила Жанна.— Я верю в нашу Францию! Я горжусь Францией — родиной революции! Да здравствует дело Парижской коммуны! Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция! Да здравствует пролетарская солидарность между трудящимися Франции и Советской страны!

В 1971 году в редакцию журнала «Cahiers de l'Institut Maurice Thorez» — органа Института Мориса Тореза при Центральном Комитете Французской коммунистической партии пришло письмо от бывшего матроса французской оккупационной эскадры на Украине Жана ле Рамея. Нет, он не рассказывал в нем о собственном участии в революционных событиях. Старый коммунист переслал институту письмо своего товарища Фредерика Докро, который в январе 1919 года прибыл в Одессу в составе интервенционного десанта на греческом судне «Армополис». Почему Жан ле Рамей решил отослать

письмо Фредерика Докро в институт? Может, Докро, участник революционных выступлений французских матросов в 1919 году, позже политический ссыльный, член Французской коммунистической партии и бывший секретарь ее отделения в южном городе Йере, сообщал в нем интересные факты собственной биографии? Нет. Фредерик Докро меньше всего думал о себе, когда писал товарищу. Он рассказал Рамею о дорогом сердцу воспоминании молодости — воспоминании о встрече с Жанной Лябурб, встрече единственной, но незабываемой, сохраненной навсегда в памяти. И Жан ле Рамей решил, что воспоминания о Жанне Лябурб не могут не заинтересовать Институт Мориса Тореза. Оба ветерана свято чтили имя героической коммунистки.

Журнал опубликовал письмо Фредерика Докро. В 1973 году оно было помещено также в вышедшей в Париже книге воспоминаний ветеранов революционной борьбы Жана ле Рамея и Пьера Воттеро «Восстание на Черном море» * о памятных событиях 1919 года. О чем говорилось в письме? Интересно прежде всего, что в нем называлась точная дата встречи двух французских матросов, Фредерика и его товарища Тюбиана, с Жанной Лябурб — 26 февраля 1919 года. Это одна из последних встреч отважной француженки со своими соотечественниками, ведь три дня спустя она была схвачена и зверски замучена.

Докро рассказывал, что они работали на вокзале, когда к ним подошли два русских парня и предложили познакомиться с настоящей француженкой. «Мы согласились. Вечером они привели нас на незнакомую улицу в дом номер двадцать четыре...» Без сомнения, это была Пушкинская улица, где в доме номер двадцать четыре, в тринадцатой квартире Жанна провела последние дни жизни. Старую квартиру пришлось оставить по конспиративным соображениям, а эта считалась временной — для Жанны подыскивали другую квартиру, подальше от центра. Таким образом Жанна поселилась на Пушкинской, 24 до 26 февраля. Теперь на доме мемориальная доска: «Жанна Лябурб — коммунистка, член «Иностранной коллегии» при Одесском обкоме КП(б)У, жила в этом доме. Расстреляна 2 марта 1919 г. по приказу французского командования».

---

* В 1976 году книга вышла в переводе на русский язык в издательстве «Прогресс» со вступительной статьей Л. М. Зак.— *В. М.*

Привлекает внимание оригинальная форма знакомства матросов с Жанной Лябурб — через посредников. Наверное, она практиковалась не так часто, по крайней мере свидетельство Докро — единственное в своем роде. Вероятно, Жанна любыми путями пыталась установить самые широкие связи с французскими солдатами и матросами с целью революционного воздействия на них.

«Жанна разъяснила,— писал Фредерик Докро,— почему нас послали в Россию, рассказала о Жаке Садуле и Рене Маршане *. Она сказала, что нам надо уезжать из России, что этим мы поможем успешному завершению революции. От Жанны мы получили листовки, которые распространили потом на базе. Мы должны были еще раз увидеться с ней, но вскоре узнали, что утром 2 марта ее расстреляли французские и белогвардейские офицеры».

Есть еще одно свидетельство Фредерика Докро о содержании беседы Жанны с матросами, опубликованное в апреле 1969 года в французской газете «Пти Варуа». Тут приведены ее слова, которые навсегда запомнились Докро:

— Товарищи французские моряки, Красная Армия приближается к Одессе. Я прошу вас не стрелять в ее солдат... Возвращайтесь во Францию и скажите французскому народу, что большевистская армия хочет освободить народы России от царского рабства. Ведите пропаганду среди ваших товарищей за то, чтобы интервенция в Россию прекратилась как можно скорее...

Это отрывок из типичного разговора Жанны Лябурб с матросами, запечатленный в документе. Он еще раз ярко свидетельствует о том, как интенсивно работала Лябурб в последние дни февраля. И сколько же таких встреч состоялось тогда!

Результативность их можно проследить на конкретном примере с Фредериком Докро, для которого встреча с Лябурб в значительной мере определила его дальнейший жизненный путь. Коммунист Докро спустя полстолетия говорил: «Я хорошо помню Жанну Лябурб». Нужно принять во внимание, что пламенные слова Жанны, сказанные во время разговора с Докро, стали известны и многим другим французским матросам. Ведь

* Рене Маршан — московский корреспондент французской буржуазной газеты «Фигаро». Его пытались втянуть в антисоветский сговор английской разведки и эсеров, разработанный в американском консульстве, но Маршан отказался от участия в этой позорной сделке.— *В. М.*

Докро не только распространил полученные у Жанны листовки, но и рассказывал знакомым и незнакомым матросам в Стране Советов и на родине о встрече с соотечественницей.

Подтвердим это таким интересным фактом. В воспоминаниях бывшего матроса, старого французского коммуниста Пьера Воттеро, есть место, где он рассказывает о своем случайном знакомстве с Фредериком Докро. Оно состоялось во Франции уже после возвращения Фредерика на родину. «Докро,— пишет Воттеро,— рассказывал мне о своей встрече с Лябурб». Воттеро исполнился тогда 21 год. Не больше было и тем матросам, которые возвращались из России. Однако Пьер с жадностью прислушивался к таким, как Фредерик Докро, видевшим далекую революционную страну. Позже он напишет в своих воспоминаниях: «...Хорошо осведомленные матросы распространяли малоизвестную во Франции правду о революции в России. Не сомневайтесь, их слова не проходили мимо моих ушей. Я упивался рассказами... Матросы показали мне хранимую, как святыню, русскую листовку... Это, видимо, была одна из многочисленных листовок, изданных под руководством обосновавшейся в России французской преподавательницы Жанны Лябурб, которую белые и французские офицеры расстреляли в Одессе». Как видим, слово большевистской правды, провозвестницей которой была Жанна Лябурб, доходило до Франции и давало добрые всходы. Матросы стоящего в Тулоне броненосца «Вольтер», на котором служил Пьер Воттеро, отказались плыть в Россию на смену восставшим там кораблям оккупационной эскадры.

Однако возвратимся к упомянутому выше письму Фредерика Докро. Его содержание свидетельствует о том, что Жанна работала, забывая об осторожности, игнорируя ее ради общего дела, тем самым подвергая себя опасности. «Когда сталкивались мы с французскими солдатами, то они были очень откровенными,— вспоминала Елена Соколовская,— на словах настолько революционными, что охотно шли навстречу, вступали в разговоры и обычно переходили всякие границы конспирации... В этой обстановке Жанна Лябурб держалась, несомненно, мало конспиративно». Законы конспирации, разумеется, запрещали встречу с незнакомыми матросами на квартире, где жила Лябурб, тем более, что их приход сюда могла выследить одна из многочисленных вражеских контрразведок. Кстати, Елена Соколовская, навер-

но, не знала о таких встречах на квартире по Пушкинской, 24. «Здесь никогда явочной квартиры не было, никто не мог знать местопребывания, тем более, что Жанна Лябурб жила там временно, пока не нашла другой квартиры». Но, как мы уже видели, местопребывание Жанны нетрудно было выследить. Можно понять Елену Соколовскую, которая и через много лет с неугасающей тревогой говорила: «Возможно, что ее горячность и неосторожность дали повод начать за ней слежку во время одного из свиданий в кафе и таким образом была прослежена ее квартира». Слежка за Жанной, по крайней мере, в последние дни, несомненно, была. Альтер Залик в 1926 году говорил: «Вспоминаю еще один штрих. За день перед расстрелом у нас было совещание коллегии у Николая Ласточкина. Мы ушли оттуда с Лябурб, и за нами все время шел какой-то мужчина, высокий, здоровый, вообще тип, который мне не понравился. Когда я свернул на Тираспольскую, где жил, этот мужчина пошел за Лябурб...».

...Одесский журналист Никита Брыгин опубликовал в конце 1984 — начале 1985 года в газете «Вечерняя Одесса» очень интересное исследование о советском разведчике, французе Жорже Лафаре, который работал в оккупированной антантовскими войсками Одессе. Есть в этой публикации авторские размышления о том, как могли выследить работников Иностранной коллегии, в том числе Жанну Лябурб. «Мы разбирали ситуацию со специалистами по подрывной деятельности вражеских контрразведок, предварительно прочитав все, что можно было прочитать по интересующему вопросу...— писал Н. Брыгин.— Вывод: было профессионально поставленное филерское наблюдение за «подозрительными местами», которое эффективно и скоро дало активных участников коллегии, их домашние адреса, явки и связи. По этим «готовым» адресам и пошла «группа ликвидации» из деникинских и французских контрразведчиков вечером 1 марта 1919 года».

Что ж, вывод правильный, хотя к нему еще раньше пришли, как мы видели, руководители подполья. Однако Елена Соколовская не исключала и того, что вражеским контрразведкам подсобил человек, проникший в подполье. Позиция Н. Брыгина — «вряд ли был таковой» — к сожалению, не обоснована. Вспомним слова Соколовской о том, что «контрразведка всеми своими силами и средствами старалась проникнуть в нашу организацию».

Думается, была слежка и было предательство. Вопрос о том, кто предал Иностранную коллегию, не может не волновать. В этой связи скажем читателю, что в апреле 1919 года Одесский обком партии докладывал ЦК КП(б)У: «При взятии нами Одессы нам удалось захватить материалы, которые дают массу интересных сведений. Выяснилось, кто предал нашу французскую группу (подчеркнуто нами.— В.М.) *. В ближайшем будущем выяснится масса интересного и очень важного из этих еще, к сожалению, не разобранных документов». Очевидно, грозное время не дало возможности довести до конца это важное дело. След документов исчез. Потеряны ли они навсегда? Во всяком случае, искать нужно.

Н. Брыгин пишет о том, что подпольщики якобы упустили возможность проследить за планами контрразведок по материалам буржуазных газет. По его словам, «они пока не имели навыка, они еще не догадывались, что надо было вычитывать в этих изданиях». Пожалуй, работники подполья действительно специально и глубоко не анализировали прессу касательно замыслов контрразведки, хотя содержание газет знали хорошо. Но о чем, собственно, идет речь? О том, что подпольщики пропустили в газетах в последних числах февраля публикацию распоряжений французского командования о «воспрещении посещения солдатами Союзных войск» ряда кафе и ресторанов, где велась большевистская агитация, в том числе и ресторана-кафе «Открытие Дарданелл» в доме № 4 по Колодезному переулку. «Крупная, если не главная, подпольная явка Иностранной коллегии,— пишет Н. Брыгин,— оказалась провалена

---

* Сейчас трудно судить, какой объем информации содержали эти документы. Однако ясно, что они не оставили сомнений о предательстве. Ясно также, что документы эти могли бы рассказать больше, чем мы знаем сегодня. Известно, что провокатором был офицер немецкой охранки какой-то Манн, который после поражения Германии перешел на службу к французам. В Одессе он появился с документами будто бы от немецкой коммунистической группы Федерации. Манн владел французским языком, он установил связи с французской группой Иностранной коллегии, вошел в доверие к Мишелю Штиливкеру. Манн вызвал подозрение у некоторых членов обкома партии, в частности у Елены Соколовской, однако, к сожалению, его как следует не проверили. Сказалось то, что за Манна поручился Мартын Лоладзе, к которому тот втерся в доверие еще раньше, в Москве. «Наши сомнения разрешил тов. Лола,— вспоминала Елена.— Мы ему рассказали об этом самом немце и спросили: можно ли доверять этому человеку. Лола заявил, что он его знает... что никаких оснований для недоверия нет».— *В. М.*

настолько, что об этом разрешили открыто напечатать для всеобщего сведения». По его мнению, данное уведомление должно было насторожить подпольщиков и стать сигналом опасности, однако «они не видели».

Может, и не видели, но, по правде говоря, это мало что меняет. Сообщение о запрещении солдатам и матросам посещать ряд кафе и ресторанов, в том числе «Открытие Дарданелл», не было, да и не могло быть неожиданным, чрезвычайным для подполья. Вспомним еще раз доклад Николая Ласточкина в центр, где говорилось: «Французское командование издало приказ, по которому союзным солдатам запрещено входить в рестораны, кофейни, молочные и т. п. От хозяев же подобных предприятий взята подписка о том, что они не будут впускать французских и вообще союзных солдат. Но приказ этот в жизнь не проводится, и французское командование, учитывая свое бессилие, не принимает репрессивных мер по отношению к лицам, не выполнившим приказ».

...В письме Фредерика Докро обращает на себя внимание одна небольшая деталь. Он писал, что при встрече матросов с Лябурб присутствовала пожилая женщина. Очевидно, это была хозяйка квартиры Лейфман.

А. М. Дунаевский собрал интересные сведения о семье Лейфман. Эта семья состояла из семи человек, но ее глава, кожевенник по профессии, выехал на далекие заработки, а сын ушел добровольцем в Красную Армию. Дома остались только женщины: мать, три дочери — Вера, Геся и Ревекка, недавно приехавшая из Москвы *, а также невестка Клара. Все они, кроме матери, входили в профсоюзную организацию швейников. Жанну пригласила в семью Ревекка Лейфман, с которой Лябурб познакомилась в Москве. Старая мать знала, кто живет у них, и сочувствовала Жанне. Как писала газета «Одесский коммунист» в марте 1920 года, сестры Лейфман принимали участие в пропаганде среди французских солдат и матросов. Однако не прав А. М. Дунаевский, зачислив их всех в члены Иностранной коллегии **.

---

* По некоторым свидетельствам, вместе с Жанной Лябурб.— *В. М.*

** Не следует забывать, что подпольный «Коммунист», сообщая 15 марта 1919 года о трагедии, случившейся в ночь с 1 на 2 марта, предельно четко отмечал, что «в эту ночь без суда и следствия расстреляны 11 человек, *в числе которых погибли 5 наших товарищей»* (подчеркнуто нами.— *В. М.*) Имелись в виду члены Иностранной коллегии Ж. Лябурб, А. Винницкий, Ж. Елин, М. Штиливкер. Пятым был С. Ратков, о спасении которого не говорилось, очевидно, по конспиративным соображениям.— *В. М.*

«...Наше влияние среди войск Антанты росло с головокружительной быстротой... Мы имели крепкие связи со всеми частями и почти со всеми командирами французских судов: везде у нас были коллективы преданных товарищей...» — так писала Елена Соколовская в отчете в ЦК РКП(б) о деятельности Иностранной коллегии в конце февраля 1919 года.

Несомненно, такой блистательный результат стал возможным в значительной мере благодаря кипучей и неутомимой работе Жанны Лябурб. Большевики добились того, что многие французские солдаты и матросы осознали позорную роль оккупационной армии на Украине, выражали свое сочувствие большевикам и Советской власти, готовы были на деле доказать верность идеям пролетарского интернационализма.

Десятки, сотни солдат и матросов под влиянием большевиков сами становились пропагандистами пролетарской солидарности, с именем Жанны Лябурб на устах вели революционную политическую работу среди своих. Соколовская писала: «Проверенные в течение 2—3 недель французские товарищи ...сами становились пропагандистами и организаторами, распространяли большевистские листовки и газету «Le communiste». Имена этих людей в большинстве своем остались неизвестными, ведь никто из них не думал о сохранении своего имени для потомков. А французское командование, наоборот, стремилось вытравить даже упоминание о честных и смелых людях, жестоко расправляясь с ними.

Все же, к счастью, некоторые имена история сохранила. Исследователь В. Г. Коновалов называет их в своей книге «Герои одесского подполья». Так, в 7-м саперном полку, расквартированном в Одессе, по поручению французской группы Иностранной коллегии агитационно-пропагандистскую работу проводили Люсьен Терион, Альберт Манги, Наво Ламбер, Дижонэ, Менгли, Патель, Лесюер. В известном уже нам 58-м французском пехотном полку работали среди своих товарищей солдаты Марсель Тондю и Луи Тома. В 1-м сводном колониальном полку, некоторые солдаты которого позже выскажут желание воевать на стороне большевиков, активным агитатором был Эжен Рибо. В 176-м пехотном полку значительную помощь Иностранной коллегии оказывали Давене, Классо, Жерво, Ленаш, Вальер, Лефевр, Рибалле. Среди артиллеристов, стоявших в Колендорово под Одессой, политическую работу вели Луи Лафарг, Эмиль Скон, Андре Сконе, Луи Минэ, Эдмон Кольдерон, Вигу-

ру. На линкоре «Франс» агитаторами были матросы Лягальярд, Дюкор, Рикро, Деларю, Леру, Вийльмен, Нотта. На корабле «Вальдек Руссо» связи с Иностранной коллегией поддерживали матросы Лавье, Симо, Жантиль, Нуво, Бордеро. Большевикам помогали Лейс и Пенасо с крейсера «Мирабо». Елена Соколовская вспоминала о солдате Гастоне, «который был целиком нам предан».

Сейчас трудно сказать точно, кого из этих солдат и матросов, где и когда встречала Жанна Лябурб, но ясно, что все они либо были знакомы с ней лично, либо знали о коммунистке-француженке от своих товарищей. Безусловно, Жанна Лябурб оказала большое влияние на формирование их революционного сознания.

Руководитель французской группы Иностранной коллегии была не одинокой в тяжелой и опасной работе. Как и раньше, умело и успешно работает Жак Елин. У него крепкие связи с революционными группами действия и комитетами на французских кораблях, где его считают своим человеком. Такие же блистательные успехи, но в пехотных и артиллерийских частях, имеют Мишель Штиливкер и Александр Вапельник.

Неплохо идут дела и в других группах Иностранной коллегии.

Активно работают среди легионеров члены польской группы Гелена Гжелякова, Ян Вимут—Гжеляк, Антони Громницкий (Сойко), Антони Невинский, Владислав Шершень, Владимир Станевич. В течение декабря 1918 года — февраля 1919 года группа издала шесть листовок на польском языке. Подпольщикам удалось создать группу солдат, которая распространяла их среди легионеров. И как результат: некоторые польские части стали почти полностью небоеспособны.

В составе румынской группы под руководством Альтера Залика действует 15 человек, кроме того, по ее поручениям к агитационно-пропагандистской работе привлекаются румыны — рабочие, бывшие солдаты и матросы. С группой тесно сотрудничают болгарский коммунист Иван Ботев, молдавские коммунисты Иван Криворуков, Екатерина Темишь. Революционное настроение солдат румынских частей растет.

Стойко Ратков, Вальман Драган и другие члены сербской группы имеют тесные связи с сербскими солдатами, развернули среди них устную и печатную агитацию. Немало солдат заявляют, что они готовы перейти

на сторону Советской власти и ждут только приближения Красной Армии.

В греческой группе работают А. Иоанниди, В. Анатасов (болгарин, свободно владеющий греческим языком), Мамендос, Н. Шкуренко (также владеет греческим языком). Многие греческие солдаты были искренне убеждены, что они прибыли в Советскую страну для защиты «христианской веры» от большевиков. Поэтому на первых порах они плохо поддавались агитации. Все же греческая группа установила контакт с солдатами, организовала в греческих частях революционные комитеты.

Ощутимых результатов добилась английская группа. Начальник штаба Центральной группы советских украинских войск сообщал в Киев в феврале 1919 года, что «в Одессе английские регулярные части требуют возвращения на родину, не желая воевать с... рабочими и крестьянами Украины».

Такая обстановка общего подъема и расширения работы вызвала у некоторых членов Иностранной коллегии своеобразное головокружение от успехов. Наэлектризованные откровенным сочувствием французских солдат и матросов к большевикам, Жак Елин и Мишель Штиливкер выдвигают предложение об организации немедленного вооруженного восстания в Одессе. Еще до приезда Жанны Лябурб Штиливкер обращался к одному из активных работников Иностранной коллегии Владимиру Дегтю:

— Я собрал восемнадцать человек вполне надежных французских солдат. Они готовы выступить с оружием в руках против своего командования. Нас поддержат другие солдаты и рабочие города. Необходимо немедленно подготовить план восстания.

Тогда Деготь сумел убедить Штиливкера, что разговоры о восстании преждевременны. Однако вскоре Мишель вместе с Жаком Елиным высказали свою идею, как они говорили, «великого дела» Елене Соколовской. Оба убеждали: если областной комитет партии и ревком дадут в их распоряжение вооруженный отряд человек в пятьдесят, то они вместе с французскими солдатами захватят белогвардейских и французских вожаков, зажгут в Одессе пламя восстания. Рабочие поддержат их, и власть перейдет к Советам.

Это был смелый, отчаянный, дерзкий, но нереальный план. Он встревожил Николая Ласточкина и Елену Соколовскую. Решили вынести вопрос на заседание обла-

стного комитета партии и серьезно обсудить его.

На заседании Елин и Штиливкер снова горячо доказывали, что восстание нужно начинать, не откладывая, не ожидая подхода к городу Красной Армии, опираясь на вооруженных рабочих и революционно настроенных солдат и матросов антантовских войск. Однако их план был подвергнут товарищеской, но суровой критике со стороны руководителей одесского большевистского подполья.

— Заманчиво, но сейчас неосуществимо! — решительно сказала Елена Соколовская.

Выступил Николай Ласточкин.

— Нет сомнения, что интервенты терпят крах, остались считанные дни их пребывания в Одессе. К городу приближаются части Красной Армии, успеху которой способствует то, что многие части оккупационных войск потеряли боеспособность под влиянием агитации подпольщиков. Но можно ли уже сегодня начинать вооруженное восстание, которое неминуемо будет стоить жизни многим рабочим города и солдатам, приведет к гибели нужных партии товарищей, а главное, не даст ожидаемых результатов. Нет, нельзя. Но значит ли это, что мы будем сидеть сложа руки? Тоже нет, еще раз нет. Мы должны неустанно, ежечасно, ежеминутно наращивать наши усилия по разложению войск интервентов, укреплять там революционные ячейки. Тем самым мы встретим подход Красной Армии во всеоружии.

Жанна внимательно слушала руководителя подпольного обкома партии, и ее открытое лицо ясно отражало нелегкую внутреннюю борьбу.

Как отнеслась Жанна Лябурб к идее вооруженного восстания? Елена Соколовская писала и говорила, что Жанна поддерживала Елина и Штиливкера, что она верила в возможность «внутренним восстанием взять власть» и до прихода Красной Армии. «Жанна горела страстным нетерпением, ни на минуту не сомневаясь в успехе восстания,— вспоминала Соколовская.— Сознавая серьезность и опасность предстоящего дела, огромные трудности подготовки и руководства восстанием в частях французского гарнизона, этот неуемный боец был во власти одной ослепляющей идеи — поднять красный флаг социалистической революции не только над Одессой, но и над судами французского военного флота, стоящими на одесском рейде...

— Разве это невозможно? — спрашивала она, глядя на нас горящими глазами.

Эта сорокалетняя женщина заражала нас своим юношеским пылом и волей к борьбе».

Горячая, пылкая, склонная к решительным и активным действиям, Жанна действительно на первых порах присоединилась к предложению двух членов Иностранной коллегии. Этому способствовало то, что она ежедневно лично убеждалась во взрывной активности своих соотечественников — революционно настроенных солдат и матросов. Однако она внимательно прислушивалась и к мнению Николая Ласточкина, Елены Соколовской, которых очень уважала. Ясный и твердый ум коммунистки преодолел горячие порывы пламенного сердца. Сейчас, выслушав Николая Ласточкина, Жанна внесла предложение провести совещание представителей всех революционных групп действия французских частей и кораблей с участием членов областного комитета партии, военно-революционного комитета и Иностранной коллегии, чтобы совместно трезво обсудить сложившуюся ситуацию, выработать четкие указания подпольщикам и группам действия на ближайший период.

Областной комитет партии решил отклонить предложение о немедленном вооруженном восстании и принять предложение Жанны Лябурб. Совещание назначили на воскресенье, 2 марта, вся подготовительная работа поручалась президиуму Иностранной коллегии.

Днем, в субботу, 1 марта состоялось расширенное заседание президиума Иностранной коллегии с участием всех руководителей ее национальных групп. Еще раз уточнили вопросы для обсуждения на завтрашнем совещании, договорились о твердом осуществлении выработанной областным комитетом партии линии относительно вооруженного восстания.

Заседание окончилось, но участники не расходились — приятно и радостно было находиться в кругу единомышленников, верных боевых товарищей по подполью *. У всех было приподнятое настроение — подпольщики чувствовали, что находятся накануне освобождения города от антантовских войск, знали, что и их работа приближает этот радостный день. Никто не думал об опасности. Елена Соколовская вскоре напишет:

---

* Здесь вспоминаются слова Елены Соколовской о заседаниях Иностранной коллегии: «Дни наших собраний бывали для меня днями отдыха, праздничными днями, так как общение с товарищами по коллегии, веселыми, бодрыми, живыми, талантливыми работниками само по себе было большим удовольствием для меня».— *В. М.*

«В тот вечер мы так далеки были от тревоги за судьбы товарищей и тревожились лишь за собрание, назначенное на воскресенье».

Зашли Мишель Штиливкер и Александр Винницкий. Александр увлекательно рассказывал о своих приключениях в солдатских казармах, куда его постоянно проводили сами солдаты.

— Я бываю там чаще, чем французские офицеры,— шутил он.

Жанна разговарилась с Еленой. Взаимная симпатия, возникшая между ними еще во время первой встречи, перерастала теперь в настоящую дружбу. Как только появлялась возможность, они старались хотя бы перемолвиться словом, делились планами на будущее. Вот и сейчас приглушенным голосом Жанна доверчиво говорила Елене:

— Как только последний французский солдат покинет советскую землю, я возвращусь в Москву. Я должна отчитаться о работе тут перед своей партийной организацией, перед товарищами по группе...

Помолчав, она сказала о самом затаенном:

— Я хочу доложить Ленину, что сделала все возможное для выполнения его задания. Если у него не будет времени, чтобы принять меня, я напишу ему... А потом, потом...— Жанна энергично встряхнула короткими кудрями,— потом я возвращусь во Францию! И расскажу всем рабочим и крестьянам у себя на родине правду о Ленине, о партии большевиков, об Октябрьской революции! Это моя заветная мечта!

Кто бы мог в этот момент подумать, что жить ей осталось всего несколько часов?

Подвиг

Подвиги женщин всегда особые...
Д. Гранин

После заседания президиума Иностранной коллегии Стойко, Ратков и Жанна зашли к ней на квартиру по улице Пушкинской, 24. В этот субботний вечер все были дома. Хозяйка квартиры Лейфман тихо разговаривала с гостем Лазарем Швецом, ее дочери Вера и Геся чи-

тали, а Ревекка наклонилась над учебником французского языка, которому взялась обучить ее Жанна.

Ратков и Лябурб снова возвратились к разговору о завтрашнем дне: ждали его с нетерпением... Когда за дверью послышался грохот сапог, Ратков встревоженно посмотрел на часы: десять часов тридцать минут вечера. Жанна поняла этот взгляд. Да, уже поздно для добрых гостей. Кто бы это мог быть? В душе шевельнулось тревожное предчувствие...

В комнату без стука ворвались человек десять французских и белогвардейских офицеров. «Руки вверх!» — эта команда прозвучала на двух языках. Под дулами револьверов все подняли руки и встали. Жанна оставалась спокойной.

Один из офицеров отдал приказ:

— Обыскать!

Другой сразу же бросился к Раткову:

— Показывай, где деньги, которые ты привез из Москвы, иначе расстреляю на месте!

— Стреляй, сила за тобой. Я не трус. В Москве никогда не был, денег не имею...

— Что это? — выкрикнул разъяренный его спокойствием офицер, тыча в лицо Раткова только что отобранным у него револьвером.

— Это револьвер, поручик,— вмешалась Жанна.— Город так и кишит бандитами, каждый вынужден защищаться как может. Кстати, вы тоже ведете себя как грабители. Вы отобрали у моего знакомого не только револьвер, но и часы, карманные деньги...

— Молчать! — рявкнул офицер.

— Я вижу,— сухо перебила его Жанна, наблюдая как исчезли в кармане одного из офицеров найденные в комоде деньги,— что ваши... коллеги забирают у семидесятилетней женщины даже ее мизерные сбережения. Вы ставите ее на грань голодной смерти...

— Они ей не понадобятся,— грубо засмеялся в ответ поручик.— Ее ждет другая смерть.

Старая Лейфман заплакала.

— Молчи, сволочь, расстреляю!

Офицера отозвали в сторону, а через секунду он подскочил к Жанне, бешено размахивая найденным номером «Коммуниста» на французском языке:

— Большевичка! Эта крамольная газета — твоя работа! Это ты, мерзавка, агитировала солдат! — Сильный удар в лицо едва не сбил Жанну с ног.

Она медленно вытерла кровь и, остановив тяжелый

от презрения взгляд на разъяренном лице офицера, спокойно сказала:

— Я ошиблась, поручик. Вы не просто квартирный грабитель. Вы бандит. А ваша военная форма, видимо, отвечает вашей омерзительной сущности. Что же касается «большевички»... Не оскверняйте это слово, поручик.

Ратков весь напрягся — он ожидал новых побоев и готовый был ринуться на помощь Жанне. Однако офицер осекся. Может быть, движение Раткова встревожило его, а может, он действительно испугался этой гордой и сильной женщины. Офицер отдал распоряжение связать обоих. Связали и Швеца, и сестер Лейфман, и даже их старую мать.

Жанна молчала, обводя взглядом комнату, за это короткое время перевернутую вверх дном. Кровати перерыты, дверцы шкафа разбиты, вещи беспорядочно разбросаны, со стен содраны обои. Жанна видела, что, кроме «Коммуниста», найдено несколько революционных брошюр, забраны все документы, бумаги, даже почтовые открытки. Все это было уложено в корзинку, стоявшую на столе.

Офицеры продолжали обыск. Они искали оружие и... деньги. Первое их волновало меньше, а вот деньги...

— Говорите, где деньги, все равно найдем, стены разобьем, а найдем *.

---

* Офицеры белогвардейской и французской контрразведок не представляли своей работы без личного обогащения. За счет жертв. Причастных и вовсе непричастных к выдвинутому обвинению.

Чего стоит человеческая жизнь? Одного выстрела. Главное — это нажива: золото, драгоценности, деньги. За них можно иметь все: роскошь, пьяный разгул, женщин. За деньги подпольный обком нередко выкупал у белогвардейцев товарищей, схваченных контрразведкой.

Агенты белогвардейских контрразведок любили сообщать в своих донесениях, что большевики владеют огромным количеством денег. А как же иначе они завоевывают авторитет, влияют на людей?..

Заметим, кстати, что, когда пришло время белогвардейской и всякой другой нечисти уносить ноги с Советской земли, союзники полной мерой дали понять, что это акция весьма дорогая, особенно для тех, кто удирал морем. Вот только один неизвестный читателям факт. Когда белогвардейское так называемое Крымское краевое правительство в апреле 1919 года слезно просило французское командование вывезти его из Севастополя, объясняя это необходимостью спастись от «большевистски настроенных масс», полковник Труссон кричал министрам: «Где деньги, дайте деньги, иначе не уедете. Мне нужны деньги, а не ваши разъяснения». И судно с «правительством» не покинуло рейд, пока не был произведен полный расчет.— *В. М.*

Результаты обыска явно не удовлетворили контрразведчиков — денег не было. Грязно матерясь, они вытолкали арестованных на улицу. Старую Лейфман повезли на извозчике — она чувствовала себя очень плохо, остальных повели через Пушкинскую на Екатерининскую площадь, где в доме № 7 находилась французская контрразведка.

...Поднялись на третий этаж. Арестованных рассадили врозь шагов на три друг от друга, руки развязали только женщинам. В контрразведке уже находились Жак Елин, Мишель Штиливкер, Александр Винницкий и дочь хозяев квартиры, где жил Елин, Мария Лиман. Их схватили на несколько часов раньше. В соседней комнате под охраной офицеров сидели французские солдаты, арестованные вместе с подпольщиками.

Первым на допрос взяли Жака Елина. Возвратился он весь окровавленный... Затем офицер вызвал Штиливкера. Мишеля избили так зверски, что старая Лейфман, увидев его, потеряла сознание. Рукояткой револьвера выбили глаз, поломали ногу, били сапогами по голове, в живот... Саблями исполосовали Винницкого...

— За что издеваетесь? — спросил Ратков у белогвардейского офицера.

— Не знаю,— пожал тот плечами.— Тут распоряжаются французы...

Как бы в подтверждение этому к Раткову подскочил французский офицер и, дважды ударив его в лицо, рявкнул:

— Молчать!

На допрос повели Стойко Раткова...

Пока истязали мужчин, группа офицеров затащила в соседние комнаты арестованных девушек, и теперь оттуда доносились душераздирающие крики...

Зверские пытки не сломили подпольщиков, никто из них не выдал своих товарищей, подпольную организацию.

Жанну допрашивал рудой полковник французской контрразведки с аристократической внешностью. Рядом с ним сидели два французских офицера. За их спинами толпились еще несколько белогвардейских и французских офицеров.

Полковник нервничал. Он уже, наверное, понял, что никакие пытки не заставят этих людей предать свои идеалы. Он то обещал Жанне свободу, если она ответит на его вопросы, то срывался с места и в бессильной злобе бил ее холеными руками по лицу. Ему «помогали»

и другие присутствующие. Особенно старалась изысканно одетая мадам, которая с явным наслаждением наблюдала и истязания над мужчинами. Она проявляла особое внимание к Жанне еще раньше, но там, в комнате, где сидели арестованные, ее остановил гневный взгляд Лябурб, и она не решилась подойти к ней. Теперь она будто наверстывала упущенное и как разъяренная тигрица набрасывалась на Жанну *.

Лябурб молчала, глядя на всех презрительно и гордо. Неужели эти люди в мундирах офицеров французской контрразведки ее соотечественники? Неужели у них общая родина? Неужели они действительно надеются купить, сломить ее, Жанну Лябурб, посланца самого Ленина? Нет, не бывать этому! Заговорила только один раз...

— Вы француженка! — бесновался полковник.— Как вы могли стать большевичкой?!

— Да, я француженка. И принадлежу к Коммунистической партии!

— Но во Франции нет такой партии!

— Сегодня нет. А завтра обязательно будет! Французские солдаты и матросы, которые возвратятся отсюда домой, помогут в ее создании!

Страшный удар кулаком свалил ее на пол. Сначала пыталась закрыть лицо от офицерских сапог. Затем потеряла сознание.

...Контрразведчики спешили. Около часа ночи шестерых арестованных вывели во двор. Там стояли два открытых грузовых автомобиля. На один из них посадили Раткова, Штиливкера и Винницкого, на другой — Елина, Швеца и Гесю Лейфман. Среди конвоиров-белогвардейцев Ратков насчитал четырех французских офицеров.

Машины двинулись.

— Куда нас везут? — спросил Ратков.

— В штаб,— ответили ему.

Однако за городом, возле еврейского кладбища, раздалась команда:

— Стой!

Автомобили остановились, погасли фары... Сомнений у арестованных не было: их ждет расстрел.

И тогда Ратков, человек большой физической силы, решился на отчаянный шаг. Левой рукой он выхватил у белогвардейца револьвер, а правой толкнул его на

---

* По ряду свидетельств, это была жена французского консула Энно.— *В. М.*

других конвоиров. В это же мгновение выпрыгнул из кузова и побежал. Вдогонку послышались выстрелы, но пули летели мимо. Погони не было — офицеры спешили расправиться с теми, кто остался. Ратков перепрыгнул через кладбищенскую стену и почувствовал себя в относительной безопасности. Затем выбрался в поле и двинулся по направлению к городу. Через некоторое время Ратков вынужден был спрятаться в первом же дворе: из города навстречу ехали два автомобиля с людьми. Он узнал их. На кровавую расправу везли пятерых женщин: Жанну Лябурб, старую Лейфман, ее двух дочерей Веру и Ревекку, Марию Лиман.

...Когда автомобили выехали на Большое Фонтанское шоссе, ведущее к тюрьме, Жанна подумала, что товарищи обязательно придут к ним на помощь. Она была уверена, подпольщики найдут возможность открыть двери любой тюрьмы. Не сомневались в этом и контрразведчики, которые прекрасно понимали: если одесские рабочие, французские солдаты и матросы узнают об аресте Жанны Лябурб и ее товарищей, они не оставят их в беде, а сделают все возможное для освобождения. Еще свежо было в памяти французских и белогвардейских офицеров освобождение в декабре 1918 года одесскими рабочими из тюрьмы политических заключенных по призыву большевика Клименко. И они спешили. Теперь, в марте 1919 года, такое освобождение виделось им на фоне вооруженного восстания одесских рабочих и солдат оккупационной армии. Интервенты и их прислужники не верили в свой завтрашний день, чувствовали: почва ускользает из-под ног.

Автомобили остановились возле кладбища, и Лябурб поняла, что товарищи уже не смогут спасти их...

Жанна глубоко вздохнула. Влажный, теплый, уже весенний ветер с моря наполнил легкие. Истерзанное тело отзывалось острой болью на каждое движение. Стоять было тяжело, ноги не слушались. Лябурб собрала всю свою волю и оставшиеся силы — она не может, не имеет права не только быть, но и казаться слабой. И, уже не обращая внимания на боль, помогла сойти на землю старой Лейфман, успокаивающим движением руки поддержала Ревекку, коснулась плеча Веры, кивнула Марии... Затем, гордо выпрямившись, сделала твердый шаг навстречу выстрелам. Шаг в бессмертие...

Казалось, безлунная ночь надежно покрыла место злодеяния. Однако убийцы чувствовали себя неуютно,

быстро вскочили на автомобили. Яркий свет фар выхватил из темноты кладбищенскую стену, ставшую немым свидетелем зверской расправы *.

Конечно, кровавая история кровавого империализма вся соткана из убийств лучших людей, самоотверженных борцов за народное счастье, пламенных революционеров. Но даже на этом фоне империалистических злодеяний убийство Жанны Лябурб выглядело безмерно кощунственным. Вдумайся, читатель... На российской земле, в Одессе, за тысячи километров от Франции убита гражданка Французской республики. Убита не случайно, а преднамеренно, подло, зверски. Убита ее же соотечественниками совместно с русскими контрреволюционерами. Какой жуткий пример сплочения российской и международной буржуазии перед лицом революции! И какой яркий образец беззаветного, подлинного интернационализма, солидарности международного пролетариата со Страной Советов!

Подвиг Жанны Лябурб, первой французской коммунистки, дочери Парижской коммуны, совершенный во имя идеалов Великого Октября,— подвиг особый, неповторимый. Нравственное значение его тем выше, что свершен он женщиной.

От Лябурб — женщины, иностранки — никто не требовал перехода на новый, смертельно опасный участок работы. Она могла остаться в Москве, плодотворно трудиться с огромной пользой для французской группы РКП(б). Она имела возможность позаботиться о своей судьбе, о собственной жизни. Однако Жанна дошла до самого Ленина, чтобы добиться отправки в Одессу. Такой поступок не был случайным, он диктовался всей логикой ее жизни. Здесь вспоминаются мудрые слова Михаила Светлова: «Время подвига коротко, подготовка к нему длительна. Бывает и так, что подвиг совершается случайно. Подготовка к подвигу случайной быть не может».

На рассвете Стойко Ратков пришел на явочную квартиру и рассказал подпольщикам о разыгравшейся тра-

* Одесситы хранят в своей памяти это место, ставшее для них священным. Когда кладбищенская ограда была разрушена и снесена, небольшой ее участок, примыкающий к месту расстрела, был сохранен. Горожане помнят, что там висела мемориальная доска. Затем часть ограды специально воссоздали, привели в образцовый порядок, превратив в памятник. 19 декабря 1985 года состоялось торжественное открытие этого мемориала.— *В. М.*

гедии. А по городу с молниеносной быстротой разнеслась весть о новом преступлении интервентов и белогвардейцев. Возникали стихийные митинги-протесты. Рабочие толпами шли в университетский морг, куда привезли трупы убитых. В морг пришли и подпольщики, в частности Елена Соколовская. И сегодня нельзя без боли читать ее свидетельство: «Обезображенные тела товарищей рассказали нам, как французская буржуазная демократия расправлялась с теми, кто посягал на устои капиталистического мира. Сплошная кровавая маска сделала Жанну неузнаваемой. Лишь ее короткие вьющиеся волосы и растерзанное, все то же старенькое пальтишко позволили опознать ее».

Интервенты и белогвардейцы боялись, что похороны их жертв выльются в мощную рабочую демонстрацию протеста против оккупационного режима. Поэтому военный губернатор Одессы Гришин-Алмазов предпринял решительные меры для упреждения вооруженного выступления рабочих. «В связи с сегодняшними похоронами,— с тревогой докладывал он 6 марта 1919 года,— можно ожидать больших демонстраций. По полученным сведениям, несколько заводов прекратили работу. Некоторые на похороны предполагают явиться вооруженными...

Меры: сообщено 1) в штаб бригады о готовности на случай беспорядков; 2) французскому командованию.

У градоначальника наряд варты готов».

Испытывали страх и французские чины. Об этом ярко свидетельствуют, например, строки из дневника белогвардейца Маргулиса, который 5 марта 1919 года записал: «Заходил в 6 часов Порталь *. Боится завтрашних похорон новых жертв расстрела... Среди них одна француженка, заведомая большевичка. Порталь спрашивал, не будет ли столкновений с населением... теперь в Одессе к тому же 3000 рабочих забастовали».

Этот животный страх привел к тому, что власти попытались накануне похорон вывезти трупы из морга на кладбище и похоронить их без свидетелей. Однако родственники погибших сообщили об этом подпольщикам и рабочим, что сорвало трусливую акцию властей.

Жанну, других подпольщиков пришла хоронить рабочая Одесса. На следующий после похорон день «Одесские новости» писали: «Собравшейся к 1 часу дня к университетскому моргу толпе вартовые предложили

* Один из чинов французской полиции в Одессе.— *В. М.*

разойтись. Вскоре к наряду пеших вартовых командирован был уличный наряд конных стражников, который принялся рассеивать тысячные массы рабочих». Все напрасно. Свыше 10 тысяч рабочих, как вспоминала Елена Соколовская, «торжественно и открыто проводили в могилу своих героев». С огромным риском для жизни (место похорон было окружено солдатами, полицией и кишело шпионами) пришли подпольщики, Елена Соколовская. «Погребенье было бесконечно грустным, но и торжественным,— отмечала она в докладе ЦК РКП(б) в 1919 году.— Масса венков с красными лентами была возложена на могилы. А кругом нас, собравшихся около могил, была цепь вооруженных, злобно смеявшихся солдат... и туча шпиков, подхватывавших каждое слово, и здесь нескольким из нас едва удалось спастись от ареста» *. В 1934 году в воспоминаниях о Жанне Лябурб Соколовская, как бы продолжая мысль пятнадцатилетней давности, писала: «Надписи на красных лентах венков говорили о накипевшем гневе против палачей, о решимости бороться до конца за рабочую власть, за социалистическую революцию...» Венок от областного комитета партии большевиков завершал вызов, брошенный этими похоронами в лицо палачам Жанны Лябурб. На нем пламенели слова: «От областного комитета РКП(б). Смерть убийцам!»

Сохранилось немало воспоминаний очевидцев этих похорон, а вот фотосвидетельства, к сожалению, не найдены. А может, их и не было, далеко не каждый газетчик решится снимать в таких условиях. Однако на нашей вклейке мы представляем читателям две фотографии, отразившие похороны жертв оккупации в Одессе сразу после ее освобождения.

С одной из этих фотографий (на вклейке вверху) связана интересная история. Дело в том, что фотография во всех изданиях, где она до сих пор помещалась, даже в фундаментальном трехтомном труде «Українська РСР в період громадянської війни. 1917—1920», сопровождалась текстовкой: «Демонстрация трудящихся Одессы в связи с освобождением города от войск Антанты. 7 апреля 1919 г.».

Однако текстовка эта еще лет десять назад вызыва-

* Из скромности Елена Соколовская не говорит, что речь идет о ней самой. После похорон за секретарем обкома увязались шпики. Ее спасли руководитель боевой группы Иностранной коллегии Зехцер и связная большевистского подполья Р. М. Ярошевская.— *В. М.*

ла у автора сомнение и внутренний, интуитивный протест — не походила фотография на праздничную. Может, потому, что на ее переднем плане четко виден транспарант со словами: «Одесский Совет Рабочих Депутатов. Вечная память борцам за мировую социалистическую революцию». Правда, такой лозунг могли поднять и шеренги праздничной демонстрации. И все же представлялось, что это траурная процессия. Непокрытые головы, неулыбчивые лица, скорбно-замедленный ритм движения людей.

Но это были догадки, а не аргументированные доказательства. Поэтому, помещая фотографию в книге «Жанна Лябурб», вышедшей в 1977 году, автор подписал ее общепринято.

И только недавно нашел подтверждение своему предположению. Обратил внимание на фотографию «Похорон жертв интервенции в Одессе» (на вклейке внизу). Несколько гробов над головами людей, скорбное движение. Да это та же похоронная процессия, что и на предыдущей фотографии! Совсем нетрудно убедиться, что дома на заднем плане, афишная тумба, деревья — на переднем — абсолютно идентичные. Даже некоторые фигуры остались на месте.

Судя по всему, фотограф сделал оба снимка почти с одной точки, чуть изменив ракурс, а интервал между ними — всего несколько минут.

Итак, никаких сомнений — это похороны жертв интервентов и белогвардейцев. Не будет преувеличением сказать, что эти две фотографии рассказывают нам и о тех почестях, которые отдала освобожденная Одесса бойцам Иностранной коллегии, героической французской интернационалистке.

Как и когда Центральному Комитету КП(б)У стало известно о гибели Жанны Лябурб? Непонятно почему, но раньше вопрос так не ставился. Как бы само собой подразумевалось, что слухи о трагедии проникали из Одессы все дальше и дальше, достигнув наконец Харькова. Получалось, что, потрясенные случившимся, руководители подполья, в том числе Николай Ласточкин и Елена Соколовская, не приняли меры по немедленному информированию ЦК КП(б)У о чрезвычайном происшествии. Сегодня мы можем твердо сказать читателям: одесские большевики выполнили посмертный долг пе-

ред павшими товарищами. Курьеры на советскую территорию, в Елисаветград (ныне Кировоград), были посланы без промедления.

Об этом свидетельствует неизвестный ранее документ, обнаруженный недавно автором в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления УССР. Это телеграмма — шифрованная, военная, срочная,— отправленная вечером 8 марта из Елисаветграда в Харьков, в ЦК КП(б)У. В ней говорилось: «Прибыли товарищи из Одессы, передают, что много товарищей, работавших по иностранной пропаганде, расстреляны, *среди них француженка Лябурб, подробности пришлю курьером...»* Слова, подчеркнутые нами, не были зашифрованы и на фоне текста, состоящего сплошь из цифр, обнаженно кричат о боли, которую никто не утаивал.

Впервые после гибели славной дочери Франции в официальном документе называется ее подлинная фамилия. Это интересный факт, потому что в материале подпольного «Коммуниста» от 15 марта о расстреле членов Иностранной коллегии и, как мы уже знаем, в сообщении «Правды» об этом от 20 марта 1919 года Лябурб проходила под фамилией Миронова. Здесь же, в телеграмме в адрес ЦК КП(б)У, уже 8 марта сочли нецелесообразным употреблять временную фамилию Жанны.

...Убийство Жанны Лябурб, Жака Елина, Мишеля Штиливкера, Александра Винницкого — не последний удар по большевистскому подполью. 2 марта 1919 года были арестованы и вскоре после жестоких пыток казнены члены Иностранной коллегии Исаак Дубинский и Александр Вапельник. Как и Жанна Лябурб, они погибли геройски. Дубинский написал прощальную записку матери.

— А товарищам? Им вы не хотите написать? — спросили его контрразведчики, надеясь, очевидно, выйти на ближайших друзей схваченного подпольщика.

— Нет. Товарищи и без меня будут продолжать наше дело,— спокойно ответил Дубинский.

За несколько минут до смерти он сказал:

— Большевизм мой идеал, моя мечта, и я радостно погибаю за него.

Через две недели — еще одна невосполнимая утрата: 15 марта схвачен руководитель подпольного Одесского обкома КП(б)У Иван Федорович Смирнов (Нико-

лай Ласточкин). Его интервенты пытали, ослепили, а затем утопили в море.

Руководитель одесских большевиков показал невиданный пример стойкости, мужества, преданности своим товарищам. Его героическое молчание под изуверскими пытками спасло жизнь многим подпольщикам, в том числе Елене Соколовской, принявшей от него эстафету руководства подпольной борьбой.

В течение всего марта большевистское подполье теряло своих бойцов под ударами контрразведок. В книге «Профессиональный антикоммунизм» известный публицист-международник Эрнст Генри рассказывает, что начальник деникинской контрразведки в Одессе В. Орлов, тесно сотрудничавший с разведкой французских интервентов, занимался только одним делом: расстреливал одного человека за другим. Людей вывозили в степь или перевозили на корабли интервентов и убивали. В последнюю ночь перед бегством из Одессы на французском пароходе Орлов приказал расстрелять «около 130 активных советских работников», а затем заявил: «А здорово же я хлопнул дверью на прощание!» После освобождения города, по свидетельству Соколовской, было найдено очень много трупов жертв контрразведок «в районе тюрьмы и Больше-Фонтанского шоссе».

Тяжелые испытания не сломили большевиков-подпольщиков, не поколебали их волю в борьбе. Подпольный обком во главе с Еленой Соколовской продолжал действовать.

Автор особо подчеркивает этот важнейший момент, памятуя о том, что в 1927 году Е. Соколовская, В. Деготь, Ф. Балкун, И. Южный писали в редакцию журнала «Пролетарская революция» по поводу публикации в нем статьи историка А. Гуковского «Французская интервенция на юге России»: «Нужно... поставить в упрек автору его неуменье разглядеть стойкость и гибкость большевистской организации, способной противостоять таким тяжким ударам, как арест руководителя — тов. Ласточкина и расстрел 11-ти» *. Сегодня мы отчетливо видим эту большевистскую стойкость и гибкость одесского подполья в очень трудные дни марта 1919 года. Об этом свидетельствует и телеграмма в ЦК КП(б)У от 8 марта, о которой говорилось выше. В ней есть две короткие, но многозначащие фразы: «Одесские явки прова-

* Так в тексте. Мы уже знаем, что было расстреляно 10 человек.— *В. М.*

лены. Получил новые». То есть, сообщая в Центральный Комитет КП(б)У о трагедии, предупреждая о провалах старых явок, руководство подпольного обкома сразу же назвало партийному работнику, поддерживающему связь с центром, новые. Этим все сказано: связь не прерывается, мы продолжаем борьбу.

Сразу же после гибели Жанны Лябурб и ее товарищей Елена Соколовская и Альтер Залик написали и распространили среди французских солдат и матросов листовку, рассказывающую правду о преступлении интервентов. «Была уничтожена целая семья,— говорилось в ней,— старушка мать, три дочери и одна француженка, настоящая француженка... Об этом факте должен знать каждый французский товарищ». Не теряя времени, подпольщики приступили к восстановлению связей с солдатами и матросами. Дело в том, что одновременно с расправой над членами Иностранной коллегии французское командование провело массовые аресты солдат и матросов, связанных с коллегией.

Е. Соколовская, В. Деготь, Ф. Балкун, И. Южный так оценивали работу в эти дни: «Работа организации несомненно пострадала в объеме и, до известной степени, в качестве, но темп ее не был нарушен ни на один день, а некоторые отрасли работы, как, например, разведка, развернулись именно в этот период *. Лучшим доказательством этого служит деятельность в продолжение марта и рост авторитета подпольного исполкома, созданного под руководством областного комитета, организация захвата власти, переговоры с д'Ансельмом... **, регулярный выход литературы (на русском языке вплоть

* Донесения подпольной разведки приобрели особое значение в середине марта 1919 года, когда советские войска развернули наступление на Одессу. «Считаясь с важностью наступившего момента,— подчеркивалось в донесении от 19 марта,— областная контрразведка принимает все меры к тому, чтобы о всех переменах и расположении войск, которые будут оборонять Одессу, о военных мерах Антанты и т. д. были бы немедленно поставлены в известность штабы и передовые части советских войск, наступающих на Одессу. У нас уже теперь находится в полной готовности специальная группа курьеров, которые, кроме передачи всех сведений, будут также поддерживать связь с советскими войсками». Донесения из Одессы о военных силах противника и их моральном состоянии во второй половине марта отличаются особой оперативностью, полнотой и точностью. Они сыграли важную роль в развитии наступательной операции и освобождении города от интервентов и белогвардейцев.— *В. М.*

** 2 апреля 1919 года, когда крах иностранной оккупации Одессы стал фактом и до вступления в город советских частей остались считанные дни, командующий войсками Антанты француз-

до апреля, на французском — 2 листовки...)». Одним словом, весь март они работали не покладая рук. Накануне освобождения Одессы 30 марта 1919 года Соколовская сообщила ЦК КП(б)У: «Удалось восстановить интернациональную коллегию и снова завязать связь с французами... Есть связь и с румынскими солдатами. Выпускаем листовки на всех языках, включая и греческий».

Десять дней подпольщики перепрятывали Стойко Раткова в Одессе, а 12 марта помогли выехать в Елисаветград. Не прав был В. Г. Коновалов, утверждавший, что отсюда Ратков уехал в Москву. Его путь лежал в Киев, куда он прибыл 31 марта 1919 года.

Только накануне 30 марта орган Центрального и Киевского городского комитетов КП(б)У газета «Коммунист» сообщила, что в Киеве начала действовать Федерация иностранных коммунистических групп, в состав которой вошли группы коммунистов Болгарии, Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии. Несомненно, Ратков был рад такому знаменательному событию в жизни интернационалистов, которые перенесли центр своей деятельности на Украину, в Киев. Он порадовался также рассказу о том, что еще с февраля 1919 года при ЦК КП(б)У действует югославянская коммунистическая группа, насчитывающая более 20 человек.

Не откладывая, он отправился в Федерацию, разместившуюся в красивом двухэтажном особняке по Лютеранской улице. Его ждали, сразу окружили, забросали вопросами. Высокий, крупный, он возвышался над всеми, широко улыбался, возбужденно говорил, жал руки — рядом были друзья: болгары, венгры, чехи, сербы, немцы, поляки, румыны... И вдруг как бы споткнулся, потемнел лицом: услышал, как кто-то рядом сказал, что сегодня в Киев приехал Жак Садуль, другие французские товарищи. Соратники Жанны по москов-

---

ский генерал д'Ансельм вынужден был принять делегацию от Одесского Совета рабочих депутатов во главе с Еленой Соколовской. Большевики, которые еще вчера были в глубоком подполье, теперь открыто явились к нему и, уверенные в своих силах, диктуют условия эвакуации его войск. Но и крайне взволнованный д'Ансельм не мог не обратить внимания на то, что члены делегации очень молоды. Он даже поинтересовался, сколько лет Соколовской? 25 лет? Нет, генерал никак не мог допустить, что во главе большевиков стоит такая молодая девушка.— *В. М.*

ской группе. Как трудно будет поведать им о случившемся...

Память ни на мгновение не давала забыть о главной его задаче: он — единственный свидетель страшной расправы над товарищами по подполью, над Жанной Лябурб — обязан рассказать об этом всем трудящимся Страны Советов, всему миру.

В тот же день Стойко Ратков встречается с журналистами, и 2 апреля в газете «Красная Армия» — органе Народного комиссариата военных дел Украины — появляется репортерский отчет о разговоре с сербским интернационалистом под названием «Зверства белогвардейцев в Одессе».

Через Отдел международной пропаганды при Народном комиссариате иностранных дел Украины Ратков передает свидетельства о подробностях убийства для правительства республики, которое немедленно использует эту информацию в ноте протеста на имя Пишона. Совнарком республики, опираясь на свидетельства Стойко Раткова, подчеркивал, что в преступлении вместе с белогвардейцами активное участие приняли французские офицеры *.

А 4 апреля Ратков почти весь день работает над докладом для Отдела международной пропаганды Народного комиссариата иностранных дел РСФСР о деятельности Иностранной коллегии во второй половине февраля 1919 года и обстоятельствах гибели Жанны Лябурб и ее соратников **.

Вечером этого же дня Ратков пишет письмо в Москву своему товарищу, секретарю югославянской коммунистической группы РКП(б) Ивану Вуку, о котором мы уже упоминали. И снова он возвращается к самому больному: к аресту и героической смерти Жанны Лябурб... «Передайте французской группе и Марковичу,— писал Ратков,— что Лябурб зверски убита».

После возвращения в Москву Ратков 6 мая 1919 года расскажет об этом всей стране на страницах «Правды» в статье «Подробности убийства Жанны Лябурб».

Он выполнил свой долг перед погибшими товарища-

---

* Позже было установлено, что кровавую расправу над арестованными совершила группа французских и белогвардейских офицеров, которую возглавляли французский майор Андре Бенуа и белогвардейский ротмистр Бекир-Бек Масловский.— *В. М.*

** Доклад опубликован в третьем номере журнала «Вопросы истории КПСС» за 1969 год.— *В. М.*

ми, перед совестью, перед будущими поколениями*. Историки, и не только они, всегда останутся благодарны человеку, который рассказал нам о последних часах жизни, о подвиге Жанны Лябурб.

Память

> Память о ней жива и будет жить в сердцах всех работниц и рабочих, кому дорога святая цель нашей многотрудной борьбы.
>
> *А. Коллонтай, газ. «Красная Армия», 1 апреля 1919 года*

В последний раз имя Жанны мы встречали на страницах центральной московской прессы в декабре 1918 года. И вот спустя три месяца о ней снова пишет «Правда».

Пожелтевший от времени номер газеты от 18 марта 1919 года... Он необычный, потому что необычным был и день, насыщенный одновременно и трагическими и торжественными событиями.

Первая страница газеты окаймлена траурной черной рамкой — два дня назад умер выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, ученик и соратник В. И. Ленина, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, секретарь ЦК РКП(б) Яков Михайлович Свердлов. Сегодня на Красной площади — похороны славного ленинца.

«Неужели Свердлова нет среди нас?! Неужели сегодня он не откроет заседание съезда партии? Неужели сегодня партийный съезд соберется уже над могилой лучшего из партийцев?» — писала «Правда». Но день 18 марта 1919 года для партии, народа был и радостным днем — открытие VIII съезда РКП(б), который об-

---

* Как сложилась дальнейшая судьба сербского интернационалиста? Из Москвы он уехал на фронт, где храбро сражался с врагами Советской власти до окончания гражданской войны, потом возвратился к себе на родину, в Югославию. В годы второй мировой войны Стойко Ратков с оружием в руках громил фашистов и усташей в горах Югославии. Кто не знал тогда имя партизана Вавы, которое наводило ужас на гитлеровцев? Вава — это Стойко Ратков. Всю жизнь сербский интернационалист оставался верным идеалам Великой Октябрьской социалистической революции. Умер в 1967 году.— *В. М.*

судит новую Программу партии — программу построения социалистического общества.

И еще одна важная дата отмечалась в этот день — 48-я годовщина Парижской коммуны. «Правда» приурочила ей статью «Бессмертная коммуна». Разве не так говорила о ней и Жанна Лябурб? Разве она не была достойным носителем революционных традиций коммуны? И разве не знаменательно, что в этом же номере «Правды» опубликована нота украинского Советского правительства французскому правительству от 15 марта 1919 года по поводу злодеяний новых последователей палача Парижской коммуны Тьера — французских интервентов в Одессе и Херсоне. В ноте, в частности, говорилось о том, что в ночь с 1 на 2 марта в Одессе произошел чудовищный массовый расстрел. Значит, речь шла и о Жанне Лябурб... Хотя читатели еще не могли знать этого.

Через день, 20 марта 1919 года, «Правда», как уже отмечалось, сообщает о расстреле в Одессе Мироновой. И снова читатели еще не знают, что это и есть Лябурб.

23 марта имя Жанны Лябурб появляется в газете в траурной рамке. На двух языках — русском и французском — «Правда» печатает объявление:

«Французская группа РКП(б) извещает товарищей о трагической смерти секретаря группы тов. Жанны Лябурб, расстрелянной 2-го марта в Одессе наемниками французского капитала. Вечная память славному товарищу, погибшему на революционном посту».

В тот же день, 23 марта 1919 года, делегаты VIII съезда РКП(б) собрались вечером на восьмое, заключительное заседание. На повестке дня: доклад комиссии по вопросу о военной политике, доклад секции по аграрной политике, выборы Центрального Комитета партии и Ревизионной комиссии.

По первому вопросу выступает Е. М. Ярославский. Затем с историческим докладом о работе на селе — В. И. Ленин. На трибуне А. В. Луначарский. Потом председательствующий объявляет:

— Слово для внеочередного заявления предоставляется представителю секции французских коммунистов товарищу Садулю.

Садуль говорит на французском языке. Его взволнованную речь переводит Александра Михайловна Коллонтай.

— Фракция французских коммунистов получила тра-

гическую весть, которая должна отдаться болью и горечью в сердцах всех присутствующих: 2 марта в Одессе расстреляны французскими генералами три французских коммуниста. Личности двух из них не установлены *. Но не остается никакого сомнения, что товарищ Жанна Лябурб находится в числе расстрелянных.

Жанна Лябурб поехала в Одессу по поручению фракции французских коммунистов на трудную, ответственную работу — для пропаганды среди французских войск. Поехала она всего несколько недель тому назад. И вот она расстреляна. Мы возмущаемся свирепостью французских генералов. Но мы знаем их имена, и когда придет время, будем знать, как нам поступить с теми людьми, которые так жестоко расправились с нашими товарищами.

Жанна Лябурб не первая жертва французских империалистов. Но для нас важно отметить, что Жанна Лябурб является первой французской коммунисткой, которая погибла во имя и во славу только что возникшего III, Коммунистического Интернационала.

Садуль рассказал делегатам съезда о жизни Жанны Лябурб, ее самоотверженной работе на посту секретаря французской коммунистической группы РКП(б) в Москве, о необыкновенном мужестве и энергии революционерки, которые гармонически сочетались с исключительной скромностью, чуткостью по отношению к своим товарищам.

— Перед могилой Жанны Лябурб,— дрожащим от волнения голосом переводила А. М. Коллонтай слова Садуля,— мы дадим обещание еще теснее сплотить наши ряды вокруг нашего красного знамени и, вспоминая о ней, мы удвоим нашу энергию в революционной борьбе...

Садуль крепко сжал правую руку в кулак и, выбросив ее вперед, твердо сказал:

— Кровь Жанны Лябурб теснее спаяла французских коммунистов с коммунистами России.

Потом тихо добавил:

— Я призываю вас почтить память погибшего товарища, Жанны Лябурб, вставанием...

За столом президиума поднялся Ленин, а за ним все делегаты. Под своды зала поднялись скорбные звуки похоронного марша. Склонив в трауре голову, вместе со

---

* Мы уже знаем, что речь идет о Мишеле Штиливкере и Жаке Елине, которые не были французами.— *В. М.*

всеми пел Ленин, отдавая последние почести раволюционерке Жанне Лябурб.

...25 марта «Правда» поместила яркую, волнующую статью-некролог «Жанна Лябурб» за подписью члена французской коммунистической группы РКП(б) Нюрина. «Немногие знали эту скромную труженицу...» — так начинал автор свой короткий рассказ о жизненном пути славной дочери Франции.

Действительно, имя Жанны Лябурб до сих пор было известно узкому кругу товарищей по партии, по борьбе. Однако теперь ее имя заслуживало памяти. Делегаты VIII съезда РКП(б) запомнили проникновенные слова Жака Садуля о Жанне Лябурб, и они расскажут о ней тем, кто послал их на партийный съезд. А пока сегодня, 25 марта 1919 года, «Правда» сообщает всей стране о Лябурб. Статья Нюрина заканчивалась словами: «Ей принадлежит почетное место в истории русского освободительного движения; французский же пролетариат увековечит это славное имя первой французской женщины-коммунистки, умевшей бороться и погибшей за дело революции».

Орган ЦК РКП(б) еще не раз возвратится к имени Жанны Лябурб. 9 апреля 1919 года в статье об освобождении Одессы советскими войсками, рассказывая о зверствах оккупантов в городе, «Правда» писала: «С особой ненавистью относились господа союзники к «большевистским агитаторам», и совсем недавно была расстреляна французская коммунистка Жанна Лябурб». А 6 мая на первой странице «Правда» поместила рассказ Стойко Раткова об аресте и подлом убийстве Жанны Лябурб. Публикации «Правды» положили начало знакомству широких масс трудящихся Страны Советов с именем Жанны Лябурб.

На Украине пламенную статью о француженке напечатала газета «Красная Армия», которая вела рубрику «На Золотую доску», где публиковались материалы о героях революционной борьбы. 1 апреля 1919 года в этой рубрике помещена статья Александры Коллонтай «Памяти французского тов. Жанны Лябурб». Коллонтай ярко обрисовала образ мужественной женщины и закончила свою статью словами: «Да послужит Жанна Лябурб примером для нас, как надо жить и умирать!» Эта статья была перепечатана 19 апреля «Одесским коммунистом».

12 апреля 1919 года французская коммунистическая группа в Киеве сообщила об убийстве Жанны Лябурб

и ее товарищей по радио. В этом сообщении говорилось, что «украинские трудящиеся взяли на себя задачу отомстить палачам, выгнав их с территории России».

В тот же день о смерти Лябурб писал первый номер журнала французской группы «Красное знамя»: «Основательница французской коммунистической группы в Москве, она была для всех товарищей образцом преданности, самоотречения и мужества».

Так имя Жанны Лябурб входило в сознание, запечатлевалось в памяти советского народа. Входило в бессмертие...

Бессмертие Жанны Лябурб — в победе того дела, за которое она отдала свою жизнь.

«Убийство членов Иностранной коллегии,— писала Елена Соколовская,— не остановило разложения французской армии. Дело Жанны Лябурб было сделано... Французский империализм убил Жанну Лябурб, но ему пришлось отступить перед победоносной социалистической революцией, пламя которой Жанна Лябурб внесла в ряды французских солдат».

И еще одна мысль Соколовской: «Работа Лябурб среди французских солдат привела впоследствии генерала д'Ансельма, командующего французскими силами в Одессе, к откровенному признанию, что половина его армии разложена большевистской агитацией *. Такое признание вырвалось из уст генерала 2 апреля 1919 года, когда, как мы уже знаем, он вынужден был принять делегацию Одесского Совета рабочих депутатов во главе с Соколовской:

— Да, вы сагитировали половину нашей армии, но я возлагаю надежду на другую ее часть, которая, надеюсь, останется нетронутой.

«Генерал Антанты,— отметила Соколовская в докладе в ЦК РКП(б),— конечно, не мог сознаться, что он остался генералом без армии, однако и то признание, которое вырвалось у него, достаточно показательно».

Среди французской верхушки были люди, которые пришли к такому выводу еще раньше. Известны слова начальника французской контрразведки, который на следующий день после расстрела Жанны Лябурб в отчая-

---

* Не следует понимать Соколовскую так, что заслугу в деле разложения оккупационных войск она приписывала только Жанне Лябурб. Имя французской коммунистки является как бы символом успешной работы всего большевистского подполья среди солдат интервенционистской армии.— *В. М.*

нии констатировал, что большевики-подпольщики «за несколько месяцев разложили великую армию, которая сражалась и победила у Вердена».

Да, дело Жанны Лябурб было сделано. Зверское убийство коммунистки обернулось против ее палачей. «Редко убийство столь быстро приносило свои плоды,— справедливо отмечает французский историк Жан Гакон.— Прошел лишь месяц, как над Одессой взвился красный флаг, и деятельность Жанны Лябурб среди французских военнослужащих увенчалась таким успехом, который превзошел все ожидания». Солдаты и матросы активно протестовали против интервенции, отказывались воевать против рабочих и крестьян Страны Советов, солидаризовались с ними.

4—9 марта в Херсоне восстал 176-й пехотный полк, процесс революционизации сознания французских солдат в течение месяца усилился. Оккупационные войска теряли боеспособность и отступали под ударами частей Красной Армии и партизанских отрядов. В середине марта под Березовкой (53 км севернее Одессы) французские, греческие, деникинские части отступили перед стремительным напором советских войск, оставив на поле боя вооружение и боеприпасы, несколько пушек и танков.

Чрезвычайно показательны свидетельства взятых в плен под Березовкой французских солдат, недавно найденные автором в архиве:

Луи Дебуа, садовник: «Полк... настолько оказался распропагандированным, что проникся убеждением в необходимости сделать во Франции то же самое, что делают большевики в России».

Компьев, студент-медик: «Мы теперь знаем, что... большевики это не шайка разбойников, как нам говорили, а весь русский народ».

Гильйом Рарги, крестьянин: «Единственное желание всех французов, находящихся в Одессе, как можно скорее вернуться во Францию».

Все это — результат политической работы большевиков, иностранных коммунистов среди войск интервентов, в значительной мере способствовавшей революционизации сознания солдат. «Это наше средство,— подчеркивал В. И. Ленин,— которое действует самым положительным образом в смысле их разложения» [1].

---

[1] Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 97.

В конце марта — начале апреля 1919 года поднял красное знамя и отказался воевать французский отряд, действовавший в районе Одесса-Сортировочная — Рауховка. Восстание жестоко подавили, многих его участников расстреляли по приказу генерала Бертелло, чтобы запугать солдат и прекратить подобные выступления. Однако большевистская правда была сильнее карательных мер. В апреле восстали 19-й артиллерийский и 7-й пехотный полки.

Союзники и белогвардейцы еще надеялись удержать позиции с помощью греческих солдат. Об этом докладывала в ЦК КП(б)У контрразведка Одесского подпольного обкома партии.

Упоминавшийся уже нами яростный белогвардеец Маргулис записал в своем дневнике 3 марта 1919 года: «Греки идут в бой, кажется, вяло,— а на них последняя надежда». И этой надежде не судилось осуществиться. В 1920 году Валентин Катаев напишет: «Греческие части имели маловоинственный вид и вряд ли могли представить серьезную опасность». Так оно и было. Под влиянием большевистской агитации греческие солдаты даже стали переходить на сторону большевиков.

Греческий унтер-офицер, который вместе с 70 солдатами осуществил такой шаг, заявил, что «в греческой армии полный развал, дезертирство приобретает огромные размеры».

Очень сильно разложение оккупационных войск проявилось в Одессе — форпосте контрреволюции. Как отмечалось в донесении Отделу международной пропаганды при Наркомате иностранных дел УССР, французские солдаты и матросы в городе в апреле 1919 года «оставляли впечатление не только распропагандированных, но многие из них — сознательно революционно настроенные». Еще одно донесение о состоянии французских войск в Одессе: «Артиллерия в наших руках. Разложение огромное. Настроение явно большевистское».

В этой связи интересно привести слова Деникина, который в свое время возлагал огромные надежды на войска Антанты. Он вынужден был прямо указать на то, что в своих решениях французское командование исходило «из сознания моральной неустойчивости своих собственных войск».

Контрразведка большевистского подполья докладывала в ЦК КП(б)У, что французское командование потеряло веру в боеспособность своих солдат, осознало, что Одессу не удержать ни польскими легионерами, ни

деникинскими частями. Надежды генерала д'Ансельма на боеспособность хотя бы части его войск не оправдались.

Причины краха иностранной военной интервенции на юге Украины, в том числе в Одессе, обстоятельно освещены в ленинских работах, в научных исследованиях. Это — всенародная борьба против интервентов, наступление Красной Армии и военные поражения оккупационных войск; угроза вооруженного восстания рабочих Одессы против захватчиков *; разложение интервенционистских частей, отказы солдат и матросов воевать против Страны Советов **; международная пролетарская солидарность с борьбой советских людей за идеалы Октября, требования рабочего класса капиталистических стран прекратить интервенцию в Советской стране.

В начале апреля 1919 года интервенты и белогвардейцы в спешке эвакуировались из Одессы ***. 6 апреля в город вступили советские войска.

Надежды французского командования не оправдались не только в Одессе. Во второй половине апреля 1919 года восстали французские матросы в Севастополе, требуя отправки их на родину. Историческое выступление матросов французской эскадры на Черном море, справедливо отмечала Л. М. Зак, нельзя рассматривать изолированно от событий в самой Франции. Но рожден-

---

* В сводке контрразведки Одесского подпольного обкома КП(б)У, отправленной в центр в конце марта 1919 года, есть такие слова: «Настроение рабочих самое крайнее — ждут сигнала, чтобы выйти на улицу, а население вообще ждет занятия Одессы советскими войсками».— *В. М.*

** В 1919 году Жак Садуль говорил, что победа над интервентами объясняется прежде всего героизмом Красной Армии, а также «полным разложением оккупационных войск в Одессе, тем, что... их солдаты больше не идут на войну с нами. Вот почему союзники вынуждены отказаться от этой меры борьбы». (Речь идет о военной интервенции.—*В. М.*). Садуль предвидел поражение классового врага и на идейном фронте: «...На другом поле брани — на почве идей... мы будем абсолютно непобедимы, ибо большевистские аргументы являются неотразимыми, они являются заразительными и непобедимыми».—*В. М.*

*** В упомянутом уже нами исследовании «Тайны, легенды, жизнь» одесского журналиста Никиты Брыгина предлагается неожиданное и дерзкое объяснение скоропостижного ухода союзных войск из Одессы. По мнению Брыгина, это дело рук советского разведчика Жоржа Лафара, который якобы сумел организовать уникальный в истории прессы политический подлог. Суть этого подлога заключается в публикации 4 апреля в одесских газетах сенсационных и дезинформационных сообщений о падении-де во Франции кабинета Клемансо и вытекающем отсюда распоряжении верхов-

ное на своей родной почве благодаря экономическим и политическим условиям самой Франции восстание на французском флоте в то же время отразило мощное влияние большевистских идей.

Морис Торез подчеркивал, что это восстание «явилось ярким проявлением пролетарского интернационализма, прямой поддержкой со стороны французского рабочего класса завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. С тех пор рабочий класс Франции всегда сочувственно относился к освободительной борьбе советского народа».

Восстания французских матросов и солдат охватили в общей сложности 40 воинских частей армии и флота, в них приняли участие 12 частей сухопутных войск (пехотные, артиллерийские, инженерные полки), 4 морские казармы и экипажи 24 кораблей французского военно-морского флота. Даже Уинстон Черчилль вынужден был признать, что «возмущение охватило почти весь французский флот... Послушное орудие, которое действовало почти без осечки во всех самых напряженных схватках воюющих друг с другом наций, теперь неожиданно сломилось в руках тех, кто направлял его на новое дело». Да, это был новый исторический феномен, который потряс весь капиталистический мир, воочию показал неодолимую силу пролетарской солидарности.

В. И. Ленин говорил, что французские матросы подняли восстание, «...не желая быть палачами русских ра-

---

ного командования о выводе всех союзных войск с юга России. Допускается даже организация ложной депеши такого содержания как бы из Парижа по радиоканалам, доступным одесской большевистской контрразведке.

Очевидно, чувствуя слабую обоснованность такой позиции Брыгина, редакция газеты «Вечерняя Одесса» в послесловии к его публикации писала: «Совершенно естественно, что автор влюблен в своего героя и не скрывает это. Иными его позиция, его отношение к человеку, который жизнью заплатил за дело пролетарской революции, и не могли быть. Не приводит ли это к некоторому преувеличению роли и значения героя повествования в событиях тех лет?.. Автор понимает такую опасность. Вот почему он специально оговаривает (и редакция сочла необходимым эти слова выделить особо), что многие его положения носят гипотетический характер... Не просто предположение, не вообще предположение, а научное, но все же — предположение».

Добавим к этому, что это скорее, так сказать, публицистическое, чем научное предположение. Как раз солидного научного обоснования ему и недостает. Однако такие новые, смелые, оригинальные предположения будоражат мысль исследователей и в конечном счете служат делу научного поиска.—*В. М.*

бочих и крестьян»[1]. Он связывал это восстание, и не только его, а все успехи разложения оккупационных войск, все проявления пролетарской солидарности со стороны французских солдат и матросов, с действенной большевистской агитацией, с именем Жанны Лябурб. Раскроем тридцать девятый том ленинских сочинений на странице, где опубликован подготовленный В. И. Лениным план его доклада и заключительного слова на VII Всероссийском съезде Советов. Один из пунктов этого плана сформулирован так: «Французские матросы (Zadourde)»[2]. Как много значат эти три слова для понимания того, какое большое значение придавал В. И. Ленин деятельности Жанны Лябурб среди французских солдат и матросов!

В. И. Ленин подчеркивал, что одна из основных причин нашей победы над Антантой состоит в том, что мы отобрали у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры. «Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств»[3].

Когда в июне 1919 года в Палате депутатов французского парламента развернулась дискуссия по поводу эвакуации французских войск из Одессы, даже реакционные депутаты признавали, что красный флаг развевался над французскими кораблями в Севастополе. Все же некоторые депутаты призывали «не придавать этому политического значения», дескать, «среди французских моряков не было большевиков» и «французский флот не является революционным».

Однако заявления тех, кто пытался выдать желаемое за действительное, рассыпались, как карточный домик, при столкновении с фактами. В парламенте были зачитаны отрывки из писем домой матросов — участников восстания на Черном море. «Мы не желаем воевать против русской революции...», «Французские матросы и местное население, большевики, рабочие чувствуют себя братьями...» — писали они. А разве не признал Уинстон Чер-

[1] Ленин В. И. Речь на торжественном заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов МК РКП(б) и МГСПС, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч.— Т. 42.— С. 4.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 464.

[3] Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов // Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 391.

чилль, что «сами французские войска были затронуты коммунистической пропагандой»?!

Нет, международный империализм, французское правительство прекрасно понимали, что восстание в Севастополе имеет огромное политическое значение, что оно свидетельствует о позорном крахе их интервенционистской политики в России. Суд, тюрьма, каторга — вот что готовило правительство для революционно настроенных матросов, возвратившихся из Советской страны.

Политическое значение революционного выступления французских матросов высоко оценили лучшие сыны Франции. Марсель Кашен приветствовал их, подчеркивая, что матросы «остались верными закону своей нации». Выдающийся деятель Французской компартии имел в виду славные революционные традиции французской нации. Анри Барбюс назвал восставших матросов единственными героями беззаконной войны французских интервентов против Советской России. «Спасите человеческую правду, спасая правду русскую! — призывал Барбюс.— Знайте, что грядущие поколения будут судить о честности людей нашего времени в зависимости от того, бездействовали ли они в эти дни или поднялись на борьбу, твердо и ясно сказав: «Нет!» Выдающийся французский ученый-физик Поль Ланжевен вслед за Анатолем Франсом и Роменом Ролланом высказал свои горячие симпатии к Октябрьской революции, выступив в 1920 году на большом митинге, организованном Комитетом защиты моряков Черного моря.

А вот слова из воззвания Комитета защиты моряков, созданного во Франции из представителей левых организаций *: «Реакционной интервенцией и голодной блокадой Франция опозорила себя перед миром и историей. Но нашлись смелые люди, которые спасли честь французского пролетариата. Это были солдаты и черноморские матросы. Они отказались объединиться с палачами, с наемными убийцами Жанны Лябурб».

И снова мы встречаемся с именем Жанны Лябурб. Оно произносится с глубоким уважением, но уже не только в Советской стране, но и на ее родине — во Франции. Это кажется понятным и закономерным. Однако имя Лябурб не сразу стало известно трудящимся Франции...

* Л. М. Зак пишет о том, что в Руане душой Комитета защиты моряков был родной брат Жанны — Клод Лябурб, левый социалист, активный борец за присоединение к Коммунистическому Интернационалу.— *В. М.*

Правительство империалистической Франции стремилось обойти молчанием имя Жанны Лябурб и ее подвиг. Оно готово было вырвать из книги истории страницу, вписанную Жанной Лябурб. Но разве история подвластна клемансо и пишонам?

Советская пресса сразу же после смерти Жанны Лябурб рассказала трудящимся о ее подвиге. Французские власти смогли только на несколько месяцев отсрочить появление правдивого слова о Лябурб у нее на родине.

В июне 1919 года одна из брюссельских газет сообщила о смерти Жанны Лябурб, а 23 июня парижская газета «Ви увриер» перепечатала эту статью. В ней объяснялось, почему вся буржуазная пресса Франции молчит об убийстве Лябурб: правительство боится возмущения собственного народа по поводу этой нечеловеческой расправы, боится роста авторитета соотечественницы-коммунистки среди широких трудящихся масс. Статья призывала рабочих к решительному протесту; «Пусть каждая группа рабочей партии поднимет голос протеста, к которому зовет это убийство... И предупреждаем капиталистическую реакцию, что народ сумеет отомстить в час расплаты — а этот час близок,— когда Жорес, Либкнехт, Роза Люксембург, Жанна Лябурб подскажут нам, как надо действовать!» Поставив имя Жанны рядом с именами вождей рабочего класса, газета в полный голос заявила о том, как высоко ценит она заслуги революционерки перед международным рабочим классом.

В августе 1919 года газета «Юманите» посвятила Жанне Лябурб передовую статью. Подруга Жанны, учительница Луиза Бодэн, взволнованно рассказала о ее подвиге. «Французские офицеры,— с гневом и возмущением писала Бодэн,— хладнокровно прикончили дочь Франции». Статья призывала женщин Франции бороться против войны, «следуя примеру нашей героической подруги, погибшей за идеал всеобщего мира».

Попытка французского правительства замолчать подвиг и смерть Жанны Лябурб потерпела крах. В октябре 1919 года под давлением революционных рабочих Лига прав человека вынуждена была направить запрос правительству Франции по поводу расследования причин убийства Лябурб. Французским властям ничего не оставалось, как подготовить официальный ответ, однако затянули его до конца 1919 года. Правительство не могло придумать ничего другого, как возложить вину на «русскую полицию», то есть на белогвардейскую контр-

разведку. Этот единственный (к тому же лживый) правительственный документ о гибели Жанны Лябурб был обычной отпиской буржуазной государственной машины. Однако трудящиеся Франции уже знали правду и не дали себя обмануть. Имя Лябурб стало дорогим для французского народа.

2 декабря 1919 года В. И. Ленин выступал с политическим докладом Центрального Комитета на VIII Всероссийской конференции РКП (б). Первый период гражданской войны, говорил он, характеризуется тем, что попытка Антанты своими собственными войсками сломить Советскую Республику потерпела крушение. Английские войска с Архангельского фронта ей пришлось убрать. Высадка французских войск на юге России кончилась рядом восстаний французских матросов. И теперь, как ни свирепо еще действует военная цензура в этих якобы свободных странах — Англии и Франции, «...сведения, например, о восстании матросов на французских военных судах в Черном море, во французскую прессу попали, что осуждение нескольких французских матросов на каторгу стало известно во Франции, что вся коммунистическая, вся революционная рабочая пресса Франции и Англии на эти факты ссылается, что, например, *имя тов. Жанны Лябурб, которую французы расстреляли в Одессе за большевистскую агитацию, стало лозунгом для французской социалистической рабочей печати не только коммунистического крыла»* [1] (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

Так впервые в ленинском выступлении прозвучало имя Жанны Лябурб. Владимир Ильич сразу конкретизировал свою мысль: имя Лябурб стало *«лозунгом борьбы против французского империализма, за невмешательство в дела России»* [2] (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

Обратим внимание читателей: с тех пор, как Ленин впервые услышал о смерти Жанны Лябурб — на VIII съезде РКП(б), — прошло более 8 месяцев. Владимир Ильич не просто помнил о ее заслугах перед трудящимися нашей страны и партией большевиков. Он следил за ростом популярности имени Жанны Лябурб не только в Советской республике, но и во Франции.

В. И. Ленин не только высоко оценил подвиг Жанны

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 344—345.
[2] Там же.— С. 345.

Лябурб, ее работу по разложению французской оккупационной армии, но и четко определил то важное место, которое заняла Жанна Лябурб в революционном движении французского рабочего класса.

К этой теме Владимир Ильич возвратился еще раз. 5 декабря 1919 года в докладе ВЦИК и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов он говорил, что имя Жанны Лябурб стало известно всему французскому пролетариату и *«стало лозунгом борьбы,* стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма,— все объединились для выступления *против международного империализма»* [1] (подчеркнуто нами.— *В. М.*).

Может ли быть выше честь для коммуниста, нежели то, что его имя стало лозунгом борьбы рабочего класса против международного империализма?! Может ли быть для коммуниста дороже и почетнее оценка его работы, нежели та, которая дана вождем революции — Лениным?!

На могиле Жанны Лябурб в Одессе установлен строгий и величественный памятник: прямоугольная гранитная стела с горельефом. Высокий лоб, обрамленный волнистыми волосами, глаза, горящие огнем борьбы, уста, на которых звучало правдивое слово революции. Ниже высечены слова: «Жанна Лябурб — французская коммунистка, активная участница борьбы против иностранной интервенции в городе Одессе. Расстреляна по приказу французского командования в ночь на 2 марта 1919 года *.

Автор этой книги не раз бывал на могиле Жанны Лябурб: приходил сюда в сыром, холодном декабре и в волшебном мае, жарким июльским днем и в золотом октябре. Каждый раз приносил красные гвоздики и каждый раз видел на могиле цветы: тюльпаны, розы, гладиолусы, гвоздики... Глядя на них, думал о первых цветах, которые пролетариат Одессы положил у гроба своей героини в тот мартовский день 1919 года. Волновал и та-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 391.

* Впервые надгробная плита на могиле Жанны Лябурб была установлена в 1930 году, а в 1957 году ее заменили гранитным обелиском. В 1969 году останки большевички были перенесены с участка № 135 второго городского кладбища на его центральную аллею. В том же году на могиле открыт памятник из черного шлифованного гранита.— *В. М.*

кой вопрос: был ли на могиле Жанны Лябурб ее соратник по борьбе, свидетель последних часов ее жизни, товарищ, который в день похорон еще находился в Одессе, но не смог попрощаться с Жанной,— Стойко Ратков. Оказывается, был. В книге о Жанне Лябурб А. М. Дунаевский приводит воспоминания Раткова, записанные в свое время его товарищем — сербским интернационалистом Эмилем Чоппом. Вырисовывается такая картина.

Сразу же после освобождения Одессы, то есть в первой половине апреля 1919 года, Стойко Ратков приехал из Киева в Одессу. Выйдя из помещения железнодорожного вокзала, он повернул на знакомую Пушкинскую улицу и шел, не останавливаясь, к дому № 24. Только во дворе он замедлил шаг, тяжело остановился перед тринадцатой квартирой. Налитый горечью взгляд прикипел к двери, порог которой они с Жанной в последний раз переступили в первую весеннюю ночь этого грозного года. Как и тогда, во время обыска, стоял молча, весь напряженный, снова переживая трагические минуты. Потом, резко повернулся и, не оглядываясь, быстрыми шагами прошел Пушкинскую, миновал вокзал и вышел на дорогу, ведущую к старому кладбищу.

Тут Ратков нашел братскую могилу, где спали вечным сном его товарищи по подполью. Он не раз смотрел смерти в лицо, но никакие испытания еще не выдавили ни единой слезинки у этого мужественного человека. Сейчас он опустился на колени и зарыдал...

Через сорок лет, в июле 1959 года, могилу Жанны Лябурб посетил Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез вместе с женой Жаннет Вермеш, членом Политбюро ФКП, и сыном. Фотография сохранила для нас этот момент: трое соотечественников Жанны возлагают большой венок из роз и гвоздик на ее могилу. Взгляд Мориса Тореза обращен к гранитному обелиску. О чем думал он тогда, у могилы первой французской коммунистки? Наверно, эти мысли легли позже на бумагу, когда Морис Торез писал предисловие к книге В. Г. Коновалова «Герои одесского подполья», вышедшей в свет в 1960 году. Касаясь имени Жанны Лябурб, Морис Торез отметил, что оно «является символом борьбы, символом пролетарского интернационализма». И дальше: «Жанна Лябурб покоится на одесском кладбище, среди деревьев и цветов советского Лазурного берега... На ее могиле я видел живые цветы, принесенные советскими школьниками».

Свято чтили память о Жанне Лябурб бывшие француз-

ские матросы оккупационной эскадры, которые в 1919 году отказались воевать против советских рабочих и крестьян. Каждый раз, когда им удавалось приехать в Одессу, они приходили с цветами на могилу Жанны. В апреле 1969 года, например, тут побывали участники черноморского восстания Франсуа Бассе и Жан ле Рамей.

Здесь, на могиле Жанны Лябурб, душу наполняют чувства, подобные тем, которые охватывают тебя возле знаменитой стены парижского кладбища Пер-Лашез, где были расстреляны коммунары. Поневоле думалось о том, что парижские коммунары и их славная соотечественница Жанна Лябурб погибли в разное время и в разных странах, но за одно большое дело — дело пролетарской революции. Начатое Парижской коммуной, оно было достойно продолжено и завершено в революционной России с победой Великого Октября.

Почти семьдесят лет отделяют нас от дня гибели Жанны Лябурб. Однако ее прекрасный подвиг не забыт. В 1977 году в нашей стране было широко отмечено 100-летие со дня рождения французской интернационалистки. Опубликованы книги о ней, немало научных и публицистических статей. Выпущена специальная марка — Жанна Лябурб на фоне красного знамени... Имя ее живет в памяти и сердце советского и французского народов.

Как никогда актуально звучат сегодня слова Мориса Тореза о том, что «советский народ высоко чтит имя славной француженки-коммунистки, погибшей весной 1919 года от рук палачей». Не менее актуально и другое высказывание Мориса Тореза: «Народ Франции помнит и чтит имя Жанны Лябурб. Первая французская коммунистка своей героической борьбой и своей кровью скрепила узы дружбы и пролетарского интернационализма между русским и французским народами, между всеми народами. Имя нашей бессмертной Жанны и сейчас является символом борьбы французского народа». Эти слова бывшего Генерального секретаря Французской коммунистической партии свидетельствуют о том, какое почетное место занимает Жанна Лябурб в славной истории дружбы советского и французского народов. Ее имя золотыми буквами вписано в эту историю, имя Жанны Лябурб и сегодня призывает к миру и дружбе народы Советского Союза и Франции.

Содержание

Мельниченко В. Е.

М 48 Расстреляна в Одессе...: Науч.-худ. книга о Жанне Лябурб.— К.: Молодь, 1988.— 232 с.

ISBN 5-7720-0044-6

Образ Жанны Лябурб, французской революционерки-интернационалистки, бессмертным подвигом которой гордится советский народ,— в центре научно-художественного повествования доктора исторических наук В. Е. Мельниченко.

На основе документальных материалов, легших в основу произведения, автор воссоздает исторически достоверную картину жизни, борьбы и героического подвига пламенной интернационалистки, имя которой стало символом мужества и беззаветной преданности идеалам пролетарской солидарности.

М $\frac{4702010200-080}{М228(04)-88}$ КУ—№8—78—1988 ББК 63.3(2)712.8

Литературно-художественное издание

Мельниченко Владимир Ефимович

РАССТРЕЛЯНА В ОДЕССЕ...

Научно-художественная книга о Жанне Лябурб

Киев, издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь»

Редактор
Л. П. ЗАБРОДСКАЯ
Художественный редактор
А. А. МИХНУШЕВ
Технический редактор
С. Г. ОРЛОВА
Корректоры
В. В. ЕВДОКИМОВА
О. В. МАЗНАЯ

ИБ № 4107

Сдано в набор 06.11.87. Подписано в печать 28.04.88. БФ 37676. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 2. Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 14,49. Уч.-изд. л. 13,74+0,58 вкл. Тираж 30 000 экз. Заказ 7—502. Цена 75 к.

Ордена «Знак Почета» издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь». Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и полиграфкомбината: 252119, Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44.

75 к.

48

